
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лев КРИШТАПОВИЧ. Союзное государство как историческая необходимость	3
Константин ИЛЬИН. Традиционализм — альтернатива либерализму	54
Василий ПУШКИН. Мигрантами по безработице	62
Олег УСИК. Беды российского леса	102
Наталья ГОЛУБКОВА. Невоплощенная мечта	107

ПРОЗА

Павел КРЕНЁВ. И на земли мир... Повесть	12
Владимир ПРОНСКИЙ. Два рассказа	69
Татьяна АКИМОВА. Шапочка. Рассказ	112
Борис АГЕЕВ. Деревья на усадьбе. Эссе	118

ПОЭЗИЯ

Андрей ПОПОВ. Река и речь... Стихи	47
Людмила ЩИПАХИНА. Дар вечности. Стихи	95
Игорь ЕЛИСЕЕВ. Благослови, душа. Стихи	124
Борис ОРЛОВ. На землю снег летел... Стихи	128
Стихи поэтов Костромы	142

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Массонский заговор против России	131
---	-----

УРОКИ ИСТОРИИ

Анатолий КЛИМОВ. Нашествие	152
Андрей БАШКИРОВ. «Отречение», которого не было	191

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Леонид ЧЕКУРИН. Забытый герой Смутного времени ...	195
--	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Александр ХАЛДЕЙ. Либерализм как тоталитарная религия	199
--	-----

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Валерий ГАБРУСЕНКО. Великие мужи России	205
Станислав ЗОТОВ. Преданный без лести	214

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Лариса КУДРЯШОВА. Может быть, мы уже проиграли?	224
Валерий ФИЛИМОНОВ. Оцифрование человека	228
Александр ИВАНОВ. Новости цифрового каганата	231
Платон БЕСЕДИН. Севастополь под лезгинку	235
Владимир ОСИПОВ. Стыдливые чехи	238
Юрий ГИЛЁВ. Цифры той войны	239

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	242
Александр ЩЕРБАКОВ. Ни песен, ни басен... ..	252

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Души живая тайна	258
---	-----

ИСКУССТВО

Елена КОЗЛОВА. Юбилей настоящего мастера	276
--	-----

Лев КРИШТАПОВИЧ (Минск),
доктор философских наук

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Многие беды постсоветского общества от потери смыслов. «Независимость», «суверенитет», «демократия» — мы оперируем этими понятиями, зачастую не задумываясь о соотношении их с постсоветской действительностью, пребывая тем самым в очевидной терминологической и политической бессмыслице.

Возьмем такую проблему, как развал СССР и образование Содружества Независимых Государств (СНГ). Как истолковывались эти процессы? Взяли политический словарь, выхватили оттуда понятие «независимость» и сочинили аббревиатуру СНГ. Это напоминало логику персонажа наших народных сказок, который придавал общий смысл советам матери, которые годились только для конкретных случаев. Например, мать советует сыну при виде уборки урожая говорить «таскать вам не перетаскать», а «умный» сын такими словами приветствует и похоронную процессию. Аналогично мыслили и действовали те политики и ученые, которые требовали упразднения СССР и образования «независимых государств».

Первыми о своей независимости объявили лидеры прибалтийских рес-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

публик. Трактовали они свои политические декларации в самом формальном смысле, нисколько не привязываясь к реальным условиям жизни своих народов. «Империя», «окупация», «зависимость» были наиболее расхожими словами их политического лексикона. Развал СССР изображался как процесс суверенизации республик, обретение независимости. Формально слова вроде бы употреблялись правильные, а фактически выходила глупость, как в сказке о наби-том дураке.

В этом легко убедиться на примере действительного освобождения от колониальной зависимости стран Азии и Африки. Возникновение здесь независимых государств не вело к ликвидации независимости западных метрополий. В ситуации с развалом СССР все обстояло иначе. Упразднив Советский Союз, лидеры «независимых» республик спровоцировали межнациональные конфликты на постсоветском пространстве, встали тем самым на дорогу разрушения собственной государственности. Английские колонии действительно освободились от британского владычества. Распад же СССР привел к крушению не мнимой советской империи, а создал условия для распада государственного тела всех бывших советских республик.

Взять, к примеру, «независимость» России. Если аргументация лидеров других постсоветских республик о своей «независимости», под которой они подразумевали «независимость» от России, еще имела видимость правдоподобия, то от кого «освобождалась» Россия, которая вслед за прибалтийскими республиками приняла Декларацию о суверенитете? От самой себя? Глупость.

Так же глупо утверждать, что «новая» Россия освободилась от зависимости от других республик, от необходимости содержать их на собственный счет. Если так «освободиться» и «заботиться» о собственном благополучии, то неизбежно придешь к границам Московского княжества времен Ивана Калиты. Что же получается? Лидеры бывших союзных республик считали себя колониально зависимыми, но где же тогда метрополия, если сама Россия якобы считала себя колониально зависимой? А все дело в том, что никакой советской империи не существовало в природе, так как не было советской метрополии, существующей отдельно от союзных республик. В том-то и бессмыслица «парада суверенитетов», когда освобождались от того, чего не существовало в реальной действительности.

Скажут: «новые независимые государства» освободились от советизма. Ничего подобного. Постсоветские республики

освободились не от советизма, а от собственного исторического бытия, поскольку все они возникли только благодаря советизму. Как говорится, целили в советизм, а попали в собственную государственность.

Государственная несостоятельность «новых независимых государств» проявляется и в их претензиях быть правопреемниками СССР, претендовать на его имущество. Если постсоветские республики освободились от Советского Союза, то говорить о правопреемстве — абсурдно. Ни одна из действительно бывших колоний никогда не претендовала на право быть преемницей западных метрополий. Например, Индия не считала себя правопреемницей Англии. Почему же тогда так называемые «новые независимые государства» предъявляют территориальные и другие претензии, так сказать, к «имперской» России? Ведь Индия и Алжир никогда не предъявляли территориальных претензий к Англии или Франции. В чем же здесь причина? В том, что произошла подмена понятия «деэтанитаризация» (разрушение государственности) понятием «империя» (метрополия). А в ситуации разрушения государственности разрушитель действует по принципу урвать себе побольше, пока еще нет никакого порядка. Именно так и действовали все разрушители в ситуации геополитической катастрофы XX века, как Владимир Путин и Александр Лукашенко квалифицировали разрушение СССР. Вот почему всякие претензии лидеров «новых независимых государств», в частности прибалтийских, к России лежат в основе сохранения конфликтного потенциала в межгосударственных отношениях на постсоветском пространстве.

Взгляните на поведение правительств США и других западных стран в отношении постсоветского пространства. Они приняли даже меморандумы о защите независимости Белоруссии, Украины и других постсоветских республик. От кого они хотят защищать независимость Белоруссии и Украины? Разумеется, от «имперской» России. Спросим у них: если вы такие любители независимости, почему же тогда вы не хотели предоставить независимость, к примеру, американским индейцам, Индии, Алжиру, Египту, Индонезии, Конго, Анголе и т.д.? Ведь политики США, Англии, Франции и других западных государств не только всячески препятствовали независимости американских индейцев, Индии, Алжира, австралийских аборигенов, но даже устраивали постоянные боины против колониальных народов, которые требовали демократии и независимости. И только лишь в результате упорных и длительных национально-освободительных движений колонии западных стран завоевали себе национальную не-

зависимость. В США и Австралии американские индейцы и австралийские аборигены не завоевали себе независимости лишь только потому, что англосаксонские колонизаторы фактически уничтожили десятки миллионов коренных жителей этих стран, а оставшихся в живых загнали в резервации — современные гетто фашистских времен. **В истории человечества это был величайший геноцид незападных народов европейскими колонизаторами, перед которым блекнут все ужасы гитлеровских преступлений против человечества.** А здесь, видите ли, западные политики озабочены независимостью Белоруссии и Украины от «имперской» России? Всё это сплошное лицемерие, призванное прикрыть тот факт, что подобная независимость постсоветских республик есть проявление их зависимости от западных стран. Разумеется, такую «независимость» западные правительства и хотели бы сохранить на постсоветском пространстве. Поэтому все разговоры об «имперской» России сродни такой же брехне западных политиков и их марионеток в постсоветских республиках о том, что СССР собирался первым напасть на Германию или что Сталин преднамеренно спровоцировал гитлеровскую агрессию на нашу страну.

Поэтому попытки прозападно ориентированных политиков и ученых представить развал СССР в качестве некоего закономерного процесса означают только политическое оправдание антиисторического деяния. Истина в том, что развал СССР не был исторически обусловленным и представляет собой искусственно спланированную операцию по разрушению нашей страны.

Что же в действительности произошло? А произошло то, что под независимость подсунули совершенно другое понятие — разгосударствление. В самом деле, ведь республиканские элиты, в том числе и ельцинисты, боролись не за независимость, а за разрушение союзного центра. Под видом суверенитета осуществили деэтактизацию, то есть разгосударствление страны. Действовали по принципу: чем меньше государства, тем больше независимости. Суверенитета проглотили столько, что этот «суверенитет» привел не к социально-экономическому развитию и демократии, а к противоположным результатам. А именно: деиндустриализации экономики, политическому олигархизму, деградации научного и культурного потенциала, демографическому кризису, пауперизации населения в постсоветских республиках. Заметьте: ни в одной стране мира обретение независимости не приводило к таким негативным последствиям. Напротив, независимость означала крупный прорыв на пути экономического и нацио-

нального развития. В частности, ликвидация колониализма, как отмечается в докладах Программы развития ООН, «содействовала ускорению темпов прогресса в области образования и здравоохранения, а также экономического развития, что привело к резкому снижению уровня нищеты». Независимость же постсоветских республик шла почему-то вразрез с общей тенденцией национального строительства и демократизации в бывших колониальных странах. Логично предположить, что постсоветская независимость — всего лишь камуфляж, за которым скрывалось разрушение государственности.

В итоге территория бывшего СССР превратилась в зону социальных и межнациональных конфликтов, а «новые независимые государства» — в осколки разбитого государственного зеркала. И сколько бы мы ни вглядывались в эти осколки, мы не увидим ничего, кроме собственной глупости и позора.

Но свято место пусто не бывает. Образовавшийся вакуум на месте разрушенного союзного центра начал заполняться западным центром в лице всевозможных фондов, организаций и институтов. Дело дошло до откровенного вмешательства государственных структур США во внутренние дела «суверенных» республик. Чего, к примеру, стоили так называемые президентские выборы в 2004 году и так называемый Евромайдан в 2014 году на Украине, когда администрация США заранее определяла, кто должен победить и кому должна принадлежать государственная власть на Украине. Поскольку США экономически, культурно, цивилизационно никак не связаны с постсоветскими республиками, постольку они объективно превращались в метрополию «новых независимых государств» со всеми вытекающими отсюда противоречиями, деградацией и конфликтами, характерными для колониально зависимых стран.

Сегодня важно осознать геополитический и геоэкономический парадокс современности. Он состоит в том, что социально-политическая и стратегическая стабильность США зависит от факта нестабильности в других регионах планеты, в том числе и на постсоветском пространстве. Отсюда американские сценарии продвижения «демократии» и НАТО на восток, интервенции против Югославии и Ливии, противодействие интеграции постсоветских республик, развертывание американской ПРО в Румынии и в Польше, превращение Прибалтики в натовский плацдарм против Союзного государства Белоруссии и России, постоянные угрозы в адрес Сирии, Ирана и Венесуэлы, развязанная США граждан-

ская война на Украине. Так, Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» недвусмысленно заявляет, что «обязанности имперской геостратегии (США. — Л.К.) заключаются в предотвращении сговора между вассалами, сохранении покорности подчиненных и недопущении объединения варваров». А его последыш Януш Бугайский, ведущий аналитик Центра анализа европейской политики в газете «The Hill», которая финансируется Госдепом, Пентагоном, патронируется ЦРУ и издается для членов Конгресса США, в своей статье «Управляя распадом России», пишет: «Вашингтон должен продвигать региональное и этническое самоопределение внутри Российской Федерации», которое должно привести, по его словам, «к распаду России». Что у бжезинских и бугайских на языке, то у администрации США на уме. Все это резко дестабилизирует ситуацию как на международной арене, так и в постсоветском регионе.

Как видим, западные сценарии развития на постсоветском пространстве изложены предельно откровенно. Их цель состоит в недопущении подлинно самостоятельного и независимого развития постсоветских республик посредством расширения НАТО, коррумпирования местных политических элит, бесцеремонного вмешательства в избирательные процессы, антинародной приватизации.

При этом важно понять, что, пытаясь продвигать «демократию» на восток, руководство США и Евросоюза четко расписали роли между старыми и новыми членами ЕС и НАТО. Старым членам, то есть западноевропейским странам, отведена роль учителей на тему демократии и прав человека, гуманной европейской системы ценностей, а на новых членов, то есть восточноевропейские и прибалтийские страны (Польша, Чехия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония), возложена грязная работа по продвижению дезинтеграционной политики США на восток. Политические режимы в этих новых членах ЕС и НАТО выполняют сугубо дезинтеграционную функцию, играя роль провокаторов по нагнетанию напряженности и конфронтации по всему периметру общерусской цивилизации. Стоит только отделить политическую демагогию от политической практики, и сразу станет очевидно, что никакого отношения реальная политика США и Евросоюза к демократии и правам человека не имеет. Посмотрите, кого они поддерживают на постсоветском пространстве? Явные неонацистские тенденции и организации в странах Прибалтики, бандеровцев на Украине, идейных последователей румынского фашиста Иона Антонеску в Молдавии, антироссийский режим в Грузии, так называемых «пра-

возащитников» в России и так называемых «белорусизаторов» в Белоруссии. Ведь очевидно, что все вышеперечисленные силы никакого отношения к демократии не имеют. Но все они пользуются несомненным покровительством США и Евросоюза.

Стоит отметить и то обстоятельство, что и в самих западных странах никто в демократию не верит. Взять, к примеру, вопрос с принятием Конституции ЕС. Как только стало ясно, что на референдумах в западноевропейских странах Конституция не пройдет, то быстро свернули данную демократическую процедуру и решили ограничиться лишь парламентами. Когда греки решили вынести вопрос о решении своего суверенного долга на референдум, то в Брюсселе прикрикнули, и пришлось отказаться от демократии. Когда в Каталонии провели референдум о независимости от Испании, то бюрократия Евросоюза, наплевав на всякую демократию, объявила о незаконности волеизъявления каталонцев. В США и Евросоюзе господствует не демократия, а политическое фарисейство, то есть лицемерная демократия, которая должна создать видимость демократичности западной политической системы. Поэтому никакого на деле европейского гуманизма не существует. Есть лишь европейское лицемерие как та форма, которую использует западная бюрократия и олигархия в разговоре со своими гражданами, чтобы закамуфлировать свою антидемократическую сущность в целях сохранения власти в своих руках.

Если нарисовать собирательный образ западной бюрократии и олигархии, то он будет очень похож на персонаж античной мифологии — Прокруста и его ложе. Прокруст любезно предлагал уставшим путникам отдохнуть на его ложе, но подобный отдых заканчивался трагически для тех, кто пользовался услугами этого античного «благодетеля». Именно такую же прокрустовскую политику и демократию стремятся реализовать США и Европейский союз на постсоветском пространстве. Что, кстати, прекрасно понимают все дезинтеграторы в постсоветских республиках, под какими бы названиями они ни прятались, будь то так называемые «белорусизаторы» в Белоруссии, якобы «правозащитники» в России и всевозможные неправительственные организации на постсоветском пространстве.

Вот почему никакого ценностного конфликта между Западом и Россией, а следовательно, и Союзным государством не существует. Есть только конфликт между национальными интересами Белоруссии и России и дезинтеграционной политикой западных стран по отношению к Союзному госу-

дарству. Поэтому нет никакой необходимости в признании мифических европейских ценностей и европейского выбора для постсоветских республик. Идти по такому пути — значит идти по пути фарисейства и дезинтеграции.

В западные сценарии постсоветского развития не вписываются Россия и Белоруссия. Историческое значение Договора о создании Союзного государства России и Белоруссии заключается в том, что наши братские государства не пошли по пути разрыва исторической связи времен и тем самым спасли свою государственность. Казалось бы, СССР разрушен, и геополитическая победа США не вызывает сомнений. Но не всё так просто. Интеграционная (союзная) политика России и Белоруссии в определенной степени воспроизводит бытие великой державы, достаточно успешно противодействуя геополитическому диктату США или, по меньшей мере, купирует навязываемую американскую гегемонию на постсоветском пространстве.

Хитрость истории в том, что Союзное государство России и Белоруссии положило начало глубоким интеграционным процессам на пространстве СНГ. Именно здесь кроется загадка информационной войны, ведущейся западными средствами массовой информации и их клиентурой в постсоветских республиках против Союзного государства России и Белоруссии. Правящая элита США и Евросоюза озабочена не положением с правами человека и демократией в России и Белоруссии (это всего лишь обычная ритуальная риторика западных политиков, так сказать, дань, которую порок оказывает добродетели), а интеграционной (союзной) политикой наших лидеров, направленной на объединение народов бывшего СССР. В этом принципиальное различие между геополитическими интересами США и Евросоюза, реализующимися при условии дезинтеграции постсоветского пространства и национальными интересами постсоветских республик, требующими их объединения.

Иногда говорят, что, дескать, интеграция — это хорошо, но только не приведёт ли она к восстановлению СССР? Ведь молодежь как раз не примет такого развития интеграции, поскольку она уже живет в «независимой» Белоруссии и это и есть ее будущее. Что здесь необходимо отметить?

Во-первых, под предлогом опасений, не приведет ли интеграция к воссозданию СССР, на самом деле общественному сознанию внушается идея отрицания советского прошлого. Подчеркиваем: не идея возвращения к советскому прошлому (СССР), а отрицания этого прошлого. **Возвращение к прошлому и отрицание прошлого — это принципиально разные**

вещи. Возвратиться к прошлому исторически невозможно. Отрицать же прошлое — свидетельство исторического беспамятства и политического абсурда. Если встать на точку зрения отрицания советского прошлого (СССР), значит тем самым разорвать историческую связь времен, закрыть дорогу к настоящему и будущему страны. Поэтому опасаться надо не возвращения к СССР, что исторически невозможно, а абсолютного отрицания советского прошлого, без которого невозможно подлинное историческое развитие России и Белоруссии в современном мире.

Во-вторых, в политике надо идти вперед и смотреть не на сегодняшний день, а именно на будущее, т.е. на интеграцию (Союзное государство или Евразийский союз). Когда говорят, что мы, так сказать, не против интеграции, а против восстановления СССР, то тем самым общественное сознание как раз и ориентируют не на будущее, а на прошлое. На практике это означает оставить всё как есть, сохранить статус-кво, то есть нынешнюю мнимую независимость. Но эта нынешняя «независимость» уже есть прошлое. Ведь все понимают, что альтернативы интеграции нет, что необходимо объединиться, в противном случае у России и Белоруссии, да и у других постсоветских республик, нет будущего. И тот, кто выискивает риски и угрозы интеграции для независимости Белоруссии, кто выступает против Союзного государства Белоруссии и России, тот не осознает того, что при таком подходе он остаётся в плену дезинтеграционного мышления, работает в интересах западных фарисеев.

Таким образом, Союзное государство Белоруссии и России — это политика, основанная на объединении, на неразрывной живой связи национальных интересов наших стран, на единстве народного самосознания. Союзное государство — это исторический императив Белоруссии и России.

Союзное государство Белоруссии и России лежит на том историческом векторе, который отвечает реалиям современной эпохи и создает предпосылки для ликвидации конфликтных зон и очагов напряженности на постсоветском пространстве, строительства многополярного мира на принципах равноправного сотрудничества и справедливости.

И НА ЗЕМЛИ МИР..

ПОВЕСТЬ

Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие.

(Лк. 18; 16)

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.

(Мф. 18; 10)

Что-то зашбарчало на крыльце. Вроде бы кто-то пришел и начал подниматься по ступенькам, потом шаги стихли. Но сквозь ветер, ударяющий о стену и шелестящий в пазах, пробивались звуки, говорящие о том, что на крылечке кто-то примостился, сидел там и не уходил. Тяжело поскрипывали толстые доски, пошаркивали чьи-то каблуки.

Мать, глубоко верующая, а потому всегда спокойная и равнодушная ко всяким несуразным страхам, отчего-то вдруг заволновалась, напряглась на своем низеньком стульчике, вытянула шею, с тревогой в глазах заглядывала на сына, сидящего за кухонным столом и корпящего над уроками.

— Чого оно тамогде? На крылечки-то. Али пришел ето хто? Глянько, Егорушко.

ПРОЗА

Сынок оторвался от своей «арихметики», соскочил с конца лавки, сунул босые ноги в катаночки обрезки, раскиданные в углу избы, и раздетый, без шапчонки, выскочил на крыльцо. Ему самому давно уж хотелось хоть ненадолго убежать от книжек и тетрадок, от обрыдлого занятия, да размять малость ноги.

На крыльчке спиной к нему сидел-посиживал местный письмоноос Артемко, сидел почему-то согбенный и смирный в эту минуту, совсем не похожий на себя. Обычно бывал он шумным, матершинистым и веселым. Когда шел по деревне, то в любую минуту из любого конца деревни можно было определить его место нахождения. Вокруг него всегда гуртовался народ, всегда рядом с ним крики, хохот и веселая ругань. А тут разместился на крыльчке и помалкивал, сидел, обняв одной рукой свой почтовый мешок из старой замызанной парусины.

Отчего-то не заходил в дом. На Егорку глянул мельком и отвернулся.

— Дак заходи давай, дядя Артем, заходи-тко в избу-то. Холодно ведь тутова, — сказал ему Егорко приветливо. Он уважал почтальона за доброту и за простоту. И тот всегда уж ласково трепал ему вихры, когда встречал на улице.

А Артем отчего-то медлил, только спросил вполголоса:

— Агафья-та дома, аль нет?

— Сидит мама, шерсть чипат, дома она.

Почтальон как-то нехотя, невозможно кряхтя, поднялся на ноги, покачал головой и пошел в дом. Егор за ним.

Агафья выбирала из кучки овечьей шерсти, лежащей на расстеленных на полу газетных листах, всклокоченные спутанные комочки, понемногу раздергивала их и укладывала на стальные крючки старенькой чипахи. Потом накрывала другой и шаркала чипахами в разные стороны. Через малое время поднимала верхнюю чипаху и перед нею оказывался воздушно-мягкий, чистый и пушистый шерстяной пучок, готовый к укладке в прялку, к тому, чтобы ткать из него ровное шерстяное прядено.

Переступив порог, Артем повернулся к образам, сотворил короткую молитву и перекрестился. Потом стал перед Агафией.

— Здрава будь-ко, большуха Агафья Онисимовна, — сказал он негромко и вдруг заторопился, запустил руку в сумку и достал из нее большой серый конверт. Скособоленно как-то подшагнул к хозяйке и положил конверт к ней на колени. Вынул из мешка еще одну бумагу, ткнул пальцем в какую-то клеточку на ней и велел в этой клеточке расписаться.

— Это мне под отчет надо, — сказал он хрипло.

Агафья расписываться не умела, она нарисовала в указанном месте крестик.

Почтальон ничего больше не сказал, сунул бумагу в мешок и выскочил за дверь. Его шаги грузно протарабанили по ступенькам. Всё стихло.

В вечернем изъяном полумраке серый квадрат письма тускло отсвечивал на коленях матери. От него почему-то исходила смутная опасность — нечто, взволновавшее душу.

— Чево-то озарко мне, Егорушко. — В голосе матери зазвучала вдруг тревожная нота. Так меняется песня лесной птицы, распознавшей беду, возникшую перед ее птенцами.

— Ты почитал бы мне, Гоша, енти бумаги. Грамотной таперича... А у мяя с глазами-то худо нонеча. Ты ведь знашь...

Егорко забрал у матери конверт и осторожно большими овечьими ножницами с боку отстриг тонкую полоску. Достал само письмо. Оно представляло собой лист твердой бумаги, почему-то пахнувший тюленьей ворванью.

— Читай давай, Егорко, читай, чево оне там пишут, еретики ети?

Мать чем-то была встревожена. Оторвалась от своего чипанья. Сидела выпрямленная, настороженная. Глядела на сына растерянно, будто что-то чувствовала. В глазах — испуг и страх.

— На конверти-то чего? На конверти-то?

Читал Егорко медленно, спотыкаясь, путая рукописные буквы. Он еще не привык к людским почеркам. У него был всего лишь второй класс начальной школы.

— Му-мур-ман-ская... Это, значеть, мурманская. Чего там дальше? За-го-тови-тель-ная. А, это, выходит, заготовительная... Мурманская заготовительная зверобойная контора, — с превеликим трудом разобрал он название организации.

— Ну, ну, дак и понятно. Чево в письме-то самом? Прочитай ты ради Христа, — торопила его Агафья.

Сын развернул перед собой письмо и начал громко, по слогам зачитывать текст. Читал он долго.

«Васильевской Агафии Анисимовне.

С прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж Васильевский Андрей Павлович скончался во время зверобойного промысла от переохладения в результате крупозного воспаления легких на ледокольном судне «Георгий Седов». Тело его захоронено...»

— Стой-ко, стой-ко, погодитко-се, — не осознала мать сути написанного.

Она сидела с приоткрытым от ужаса ртом. До нее с трудом доходил весь трагический смысл этих роковых, леденящих сердце слов.

— Дак, они ошалели, али как? Чего тако оне пишут-то? Ты, сынок, не спутал там чево?

— Не, мама, тут тако написано.

Мать с остекленевшими глазами упала на колени, на пол и завyla протяжно, по-звериному. Заплакала волчицей в зимнем, холодном, промозглом и голодном лесу, у которой охотники убили вожака ее стаи, отца ее выводка. Теперь без него ей не прокормить своих детенышей.

Егорко, перепуганный стенаниями матери, так поначалу ничего и не понявший, убежал на повесть, забился в уголок и только там осознал громадную беду, на него свалившуюся. И тоже, завывая, заплакал, словно щенок, потерявший свою семью. Плакал долго и безутешно, навзрыд.

Потом к нему пришла мать. Она села рядышком, прижала к себе, и они плакали вдвоем. Два трясущихся от холода и горя человека.

Так девятилетний Егорко Васильевский стал сиротой.

Бабушка его, мать отца Феклиста Ефимовна, очень его жалела. В великую радость было для нее, когда внучек по какой-то причине должен был остаться в доме один. Тогда она скорехонько семеняла на стареньких, заскорузлых своих ножках в дом к невестке Агафье и всегда уж просила:

— Агаша, пушшай дитятко-то у меня, у бабки, поживет пока тебя-та не будёт. А уж я-та уважу его, паренечика-та. У меня и колобки сготовлены, и галагатка, и мусьничинка налажена... Не оголодат уж всяко парнишечко-то у меня...

И любил Егорка эти гостеванья у бабушки Феклисты.

Еще в недавние годы было у бабушки Феклисты шестеро внучат — детей сына Андрея и невестки Агафьи. Четыре парня и две девочки. Справными росли, послушными. Старшие уже всю на поле и в море помогали. Да не случилось им возмужать и войти в полноценную жизнь. Убила их нагрянувшая на морские побережья страшная лихоманка — неведомая и неслыханная здесь доселе черная оспа. Крепко выкосила она деревни. Умидали и стар и млад. Больше гибли дети. Растаяли на глазах и внуки бабушки Феклисты. Только-только еще катались на лыжах, помогали по дому родителям, удили окуней да ершей в речке и вдруг становились вялыми, бледными, валились с ног. Молодуха Агафья с мужем несли гробик на кладбище, отпевали там, плакали. Потом, бывало, возвращались изнуренные трагедией домой, а там уже упокоился следующий ребеночек. Лежит на кровати бледненький, личико изъедено ямками-оспинами. Еще один отлучился навсегда от дома, от любящих домочадцев. И от высасываю-

шей кровь и жизнь болезни. Теперь пришла очередь везти и его на погост.

Агафья от горя еле передвигалась. Шла по деревне словно сторбленная старушка, хотя ей не было и тридцати. Когда умерла пятая девочка — предпоследний ее ребенок, она совсем уже не смогла двигаться. Пришло то известие, и она упала посреди улицы, лежала без движения, словно сама покойница. Муж Андрей отнес ее на руках в дом и неделю потом выхаживал.

Остался в живых только Егорушко.

Измучив деревни, оставив после себя разор и опустошенные семьи, страшная хворь улетела в другие края, чтобы сеять и там смерть. Но перед тем, как исчезнуть, навестила она и его. Посидела у детского изголовья, провела костлявой рукой по лицу... Но почему-то не убила, а заставила долго лежать в жару и беспомощности. Перепугала родителей и бабушку. Видимо, костлявая карга пожалела его — последыша и оставила лишь память о своем огненном, смертельном дыхании да ямки на всем теле.

Егорушку поднимали, как могли, да какие были лекарства в те голодные, страшные двадцатые годы? И всё же встал он с болезненной своей кровати, поднялся на ноги. Не сразу, но пошел потихоньку по деревенской травке, пошел и пошел.

— Стал на ножки, хворобушко-то мой, — радовалась Агафья.

А через недельку-другую и побежал он босыми ногами по деревенским улицам, включился в домашние работы, в мальчишеские игры. Свалившая его с ног болезнь отпрянула от детского тельца, а потом и совсем забылась. Долго жила только слабость в коленках, да и та потом прошла.

Начало лета в тот тридцать второй год выдалось ладное. Шумное, ведряное, теплое. С середины мая как пошли благие ветра — бережники, да с лета, да шелонники, так и стояли они с маленькими промежутками, почитай, весь июнь и вот уже половину июля. Изредка, по светлым вечерам, хмарились погода. Небо припадало к земле, и из-за высоких угоров, громадными валами огородившими деревню с западной стороны, выкатывались тяжелыми туманами темно-синие тучи и выливали на деревню, на всю природу, на море потоки летних дождей. Эти проносные ливни обильно напитывали водой теплые поля, пашни и пожни. Оттого быстро и густо росла трава, сочнее зеленели житные нивы, суля селянам добрый урожай.

Егорушкина мама Агафья ходила в приполюки глядеть траву. Она всегда в начале лета хаживала туда, ей было интересно вызнать, какая она в этом году будет на родовой позже в

Андреевшине, густа ли да высока? Давно известно, какая трава в припольках, такая и на лесных пожнях, да в сюземках. Когда трава справна — больших раздолий выкашивать не надо. Двух своих пожень вполне хватает и для коровы, и для коня-трехлетки, и для овечек.

Было так до прошлого года. Егор только-только научился ладно сидеть верхом на домашнем мерине Ветерке. Отец долго не решался посадить его в седло, опасался, вдруг да свернется сын с лошадиной спины. Но когда парню исполнилось восемь годов, он сказал:

— Пойдем-ко, Егорушко, со мной.

И повел к коню. Взял Ветерку под узцы, вывел на морской берег и, подняв сына на вытянутые руки, усадил в седло.

— Крепко сидишь? — спросил.

Егорка маленько струхнул. Тут, на конской спине, сидеть было страшновато, земля казалась далеко внизу, отец тоже... Но нельзя ему было выказывать свою трусость, очень хотелось уметь скакать на лошади, как другие старшие ребята. Егор покрутил головой, поерзал и решительно выкрикнул:

— Крепко, папа, крепко!

И конь степенно завывшагивал вдоль морской кромки, неся на спине восторженного мальчишку.

Поддувал с моря восточный ветерок «сток», гулял по морю небольшой взводенек. А конь мерно и спокойно выхаживал по морскому заплестку. И от этого морского простора, распахнувшегося по правую сторону, и кипенья солнечных искр, бьющих в глаза, свежего прохладного морского ветра, бодрящего его детское тельце, и от счастливого осознания того, что отец разрешил ему самостоятельно проехать верхом на коне, Егорку охватил восторг.

И закричал Егорка в упоении радостной минутки:

— Вперед, Ветерок, вперед!

Теперь год, ровно год прошел с того момента, когда были в его жизни отец и жеребец Ветерок.

Вот теперь нет ни того, ни другого.

Отец погиб на Мурмане. Любимого мерина забрала другая беда. И коня, и корову Ромашку.

Зимой понаехали из района уполномоченные, важное руководство, и организовали в деревне колхоз.

Было большое, шумное собрание. Спорили, курили, галдели, отчего в избе-читальне висел непролазный чад. Кашляли задыхающиеся от дыма женочки. Создали колхоз «Промышленник», объявили кулаками три семейства. Через не-

делю всех их увезли на подводах. Мужики матюкались, женщины надсадно выли.

Обратно никто из них не вернулся.

У новоиспеченных колхозников, у всей деревни отобрали всю добротную скотину — лошадей и коров. Оставили только овец. И то благо — и мяско какое-никакое, и опять же шерсть на носки-рукавицы, на теплые рубашки для морской промысловой работы.

К Васильевским тоже пришли. Отец бросился на поветь, перекрыл дверь в хлев сухой березовой поперечиной, да и ломом припер. Незваные гости потолкали ее, поматюкались, а потом, видя, что бесполезно, принялись рубить дверь топорами. Корова Ромашка тревожно и как-то отчаянно замычала, начала биться беременными боками о стенки стойла. Ветерок тоже встревожился, застучал копытами, громко, на всю деревню, заржал.

Что было делать, отец открыл изрубленную дверь...

Теперь, проходя мимо колхозной конюшни, Егорко всякий раз выкрикивал:

— Ветерок, Ветерок!

И мерин узнавал его голос и тоже кричал по-своему, лошадиному что-то протяжное и обреченно-горькое.

Егорко всякий раз плакал при этом, и конь плакал тоже.

А Ромашка, когда возвращалась с выпаса с колхозным стадом вместе со своим теленком, всегда уж заворачивала к родному дому, стояла и мычала.

Мать никогда не выходила к ней, а только падала на кровать и потихоньку выла. И просила Егорку:

— Уведи-ко ее скорей, Егорушко, не могу я...

Теперь совсем не было нужно ходить в приполек и проверять траву, какова она «сейгод». Но мать все равно ходила и проверяла. Такая у нее была привычка.

Сенокосы, пятнадцать человек, вышли в сюземок. На разливные луга Сярт-озера, где самолучшие клевера, где всегда густое, душистое разнотравье, ушли ранним утром с косами-горбушами, с граблями.

Егоркина мать Агафья ушла с ними тоже. Уложила в пес-терек какой-никакой скарб: одежонку на пересменку, да хлебный каравай из самомолотого ячменя. Вышла из дома на зыбкой зорьке светоносного июльского дня, не разбудив сыночка, не перекусив толком, не глотнув горячего чая. Некогда ей было гонять чай — у колхозного правления к пяти утра, согласно спущенному сверху указанию, уже соби-ралась сенокосная артель.

Стояла пара мужиков с вилами, с топорами, уже подходили к ним всё новые женочки. И рыскал промеж всеми вездесущий бригадир Иван Перелогов, неугомонный и неустойчивый в колхозном своем рвении. Ему не стоялось спокойно. Тело его всё дергалось куда-то вперед...

— Че тянитесь, едри бабку, че тянитесь? Итить надоть уж давно! Солнышко запалит — как пошаркаите? Скисните ить, скисните!

Обошел каждую.

— Ты, Дашутка, всё взяла? Где брусок? Чем править косу будешь? А ты, Олена?

У каждой гребей, кроме пестерька, грабли в тугой связке с косой, лезвия обмотаны мешковиной и перетянуты веревками. Путь долгий, тяжелый — двенадцать верст через лес да болота — не шутка. Ежели в дороге чего расхлябается, времени на перевязку не достанет, ждать никто не будет. Беги потом одна по лесу, догоняй народ.

Хоть и знал Егорко, что мать уйдет в лес с косарями, а всё же нет никакой радости оставаться дома одному. Проснулся он и понял: нету мамы, он один в доме. И стало ему одиноко и тоскливо. Полежал он в нерадостном настроении. Солнышко уже висело над морем, било лучами по окнам и по нему, лежащему напротив восточной стороны. Ело глаза ярким светом, лежать дальше было невозможно.

Вставать не хотелось. По пустому дому гуляли какие-то звуки; Егорко всегда их побаивался и убегал к матери. Сегодня бежать было не к кому. Осознал он вдруг, что этот застаревший страх поглощается сейчас другим острым чувством. Что ему насущно не хватает гвалда братьев и сестер, которых неосознанно, невысказанно, без памяти любил, недостает дружбы с ними, детских драк, игр, таких привычных в совсем недавнее время. Не хватает той веселой обыденности, которая сопровождала его во все годы осмысленной жизни.

Нет больше отца, его широких, сильных плеч, которые Егорко так любил оседлать.

Ушла на сенокос мать, и бабы Феклисты тоже пока нет. Одному в доме страшно.

Егорку два года назад напугал домовый. Он явственно жил в их доме, всё время чего-то воровал, прятал вещи, вечно стучал в стены, в дверь, скребся за печкой и на повети. Все домохозяева знали о его присутствии, чувствовали его, и все относились к нему, как к обыкновенной, даже обязательной принадлежности деревенского дома. И почти не боялись его, потому что он никого не обижал.

А тут напугал.

Егорушко спал в горнице на деревянной лавке около стены напротив входной двери. В этой же комнате спали на широкой, самодельной лежанке мать с отцом. Вдруг сквозь сон, сквозь глубокое забытие услышал он, как открылась тихонько дверь, и послышались тяжелые шаги, от которых подгибались половицы. Шаги приближались к нему, и Егор почувствовал, что над ним склонился и тяжело дышит кто-то. Этот кто-то стоял над ним и стоял. И даже запах от него исходил, запах старого дома, и еще чего-то старинного и душного. Егорке было нестерпимо интересно: кто же это? Он выпрастал из-под одеяла руку и протянул к тому, жуткому и таинственному. И уткнулся рукой в грубую, длинную шерсть.

Тут же по руке его сильно ударили, и Егорко заорал от ужаса и боли. Подбежала испуганная мать, села рядом, прижала к себе... А он, мальчишка, еще долго не мог успокоиться и уснул лишь на родительской кровати, лежа между матерью и отцом.

А утром пришла к ним в дом баба Феклиста, зашла за печку и выругала домового в пух и прах:

— Ты чего творишь-то, проклятушкой! Ты пошто, змееватик, внучка мово пужашь? Штобы не было больше этого! Вишь, моду взял окаянной! Рыло свое выказал. Вот с иконой приду да с ладаном, ак будёшь знать, погана твоя морда! Загунь, штоб я больше не слышала тебя! Парня нашего вон как перепугал! Живешь, дак и живи как следоват, а нет, дак и уматывай отсель!

Егорко прибрал постель — и отец и мать всегда требовали убираться за собой. Сполоснул лицо и руки и на кухне съел то, что оставила для него мать — вареные в мундире две картошины с солью, соленую и тоже вареную сорожку, кусок хлеба и попил холодного морошечного чая.

Бабы Феклисты всё не было, и Егорко сунул ноги в шаршаки — старые истоптанные бахилы обрезки и пошел к морю. Вся деревня ходила к морю, когда выдавалась свободная минута — на морском берегу было всегда веселее. Сел там на полувсосанное в песок, подгнившее, а оттого мягкое бревно и стал глядеть на воду.

На море была «кроткая» вода — самый отлив. И каменистые кошки выпятили на свет божий покатые, обглоданные штормами валуны, пучки коричневых водорослей.

Но вода уже «вдохнула», потихоньку начинался прилив и струи приливного течения врывались из-за корги в прибрежное залудье.

Далеко-далеко, за ярко-синей полосой горизонта как бы из воды поднимался дым. Егор знал уже, что это за дым — там, в самой дальней морской голомении идет пароход. А дымит он оттого, что двигатель его работает на каменном угле. Ему это растолковала школьная учительница Таисья Павловна. Сейчас кочегары бросают в топку этот уголь, и он при сгорании сильно чадит. Идет пароход в горло Белого моря и везет из Архангельска лес за границу. Там лес продадут, государство на этом заработает деньги, и страна наша будет жить еще богаче. Даже богаче, чем сейчас.

Прямо перед ним за каменистой коргой жировала, гонялась за селедкой белуха Маня. Она показывала Егорке из воды свою белую, гладкую и мокрую спину, кажущуюся на густой синеве морской поверхности боком резвящегося в море белоснежного лебедя, шумно выстреливала из спинного отверстия струю влажного воздуха и опять уходила в глубину за новой добычей.

— Манька, Манька! — позвал ее Егорко.

Он дружил с белухой, и та была для него вроде ручной собачки, всегда откликалась на зов и приплывала за коргу, когда он выходил на берег. Егорко приподнялся на бревнышке и замахал белухе руками. Та, вынырнув, издала гортанный звук — поприветствовала приятеля, фыркнула опять воздухом и ушла под воду.

Егорко понимал красоту моря и хотел бы нарисовать ее, но рисование не давалось ему. А так он изобразил бы и море в шторма и в штилевую погоду, и проплывающие на горизонте пароходы, и рыбаков в черных просмоленных карбасах, и невода, и чаек, и свою подружку белуху Маню.

Он нарисовал бы свое море.

Посидел он на бревнышке, посидел... Послушал гуляющую по сердцу и разливающуюся по телу тоску. На него вдруг тяжеленным, неподъемным бременем навалилось одиночество. Ушла в сюземки мать, оставив его одного, не меньше чем на неделю. Вокруг пластался огромный мир с этим бесконечным морем, с полями и лесами, а он, Егорко, был в этом мире один-одинешенек.

Понял он, что не вынести ему одному целую неделю без матери. Что и взаправду помрет он от тоски. Ему невыносимо захотелось к родной душе, бесконечно ласковой и любимой — к матери.

— Егорушко, вот ты где! Здрастуй-косе, мил человек!

Бабушка Феклиста наконец-то явилась. В выцветшем платочке, в старом блеклом сарафанчике. Видно, что старушка запыхалась спозаранку со своими ягушечками, да двумя баранами, да с домашними хлопотами.

Она кое-как согнула старые свои косточки, поскрипела ими и уселась рядышком с внучком.

— Вот ты валяешься, бедошник, а овечки-то твои по деревни-то и калабродют. Их matka твоя Агафьюшка выпустила из хлева, а им куды девачче? Стоят кол мово дому, да и блеют, срамники. Ну да я их угостила кусочками с моима вместе и упехались куды-то. Всяко знают друг дружку, родня, дак чево... Да приду-ут оне, куды деваючче.

Она посидела рядышком на бревнышке, поглядела на море, на морскую даль и спросила:

— Ак, ты-то, мужичок, чево делать удумал? Один ведь. Али ко мне пойдешь, к бабушки своей? Я тебе и рада буду, парнишечку. Да и matka твоя мне заказывала тебя приютить.

Егорко поглядел по сторонам, фыркнул пару раз, как деревенский мужик бы это сделал, потом сказал решительно:

— Не, баба, я к маме пойду. Не могу я без мамы, заскомнал я...

Феклиста вызняла кверху руки, шлепнула ладонями по коленям.

— Поглядит-косе на его, на шаляка! Куды удумал! В сюзёмок хошь! Один!

— Куды ишше? Мама-та ведь тамогде.

— А не пушшу я тебя, парень. Один-то по лесу как пойдешь? Зверье тамогде, ведмедя! Страшшают оне... Замнут, да и всё...

— А и страшшают, дак чего? Пойду, да и пойду, дойду всяко! Всяко не замячают меня...

— А дороги-то не знашь, окаянной! Уведет лешой кудынинабудь. Загинёшь один-то!

— А я, баба, по следам косарым пойду. Натопали всяко благошко, пятнадцать человек, заметно всяко...

Феклиста посидела, повсплескивала руками.

— Разумник нашелсе едакой! По следам... Оголодашь тамогде в дороги, замрешь с голоду под кустом...

— Ак ты, бабушка, положи мне кусок какой... Да и я дома у мамы поишшу. Мама всяко уж оставила.

— Не знай, чо и делать с тобой? Удумал чего не надоть, бедошник. Ты топорик положи в пестерек, да ножик, как без их?

Феклиста с растерянным видом посидела опять, поразмышляла. Ей не удавалось предостеречь от неразумного поступка своего непослушного, самовольного внучка, идущего прямо в пасть лютого зверья. Она бормотала тревожную ругань и всё всплескивала руками.

А Егорко твердо сказал:

— Выйду рано утром. А сѣдни, баушка Феклиста, байну бы затопить.

И он знал, и Феклиста знала, что ни один мужик в деревне не начнет серьезного дела, не помывшись в бане. Обычай таков. И отец его так же всегда поступал.

Бабушка с трудом, с кряхтением, с хрустом в древних косточках поднялась с бревнышка. Махнула старой ручкой.

— Решил, дак уж чо. Ташии в байну воду, да дрова, у мня-та, мил человек, мочи некакой нету.. Натаскашь, дак крикни, я приду, стоплю.

И пошаркала к своему дому. Оглянулась на секундочку и сказала негромко с неприкрытой гордостью за внука:

— Мужичок стал... Ишь, сам всё решат...

Покачала седой, старой головой и, ступая к дому, до-
бавила:

— Без батька теперь дак, куды деваться.

И утерла слезу кончиком платка.

Егорко долго тюкал топором по чуркам, пока наколол дров на три охапки — этого хватало, чтобы натопить байну до крепкого жара. Отцовский топор был тяжел. Выздымать его над головой было непростым делом. Да и удары по чуркам не попадали в одну точку. Приходилось тюкать по многу раз, чтобы располовинить каждую чурку, а потом расчетверить. Отнес поленья в предбанник. Начерпал порочкой воды из колодца, залил чугунный бак, что был встроен в булыжную кладку черной банной печи. Это для горячей воды. Принес еще два ведра холоденки для самой помывки. Поставил в предбанник.

Слазил на чердак, снял с сушильной веревки высохший до звона березовый веник. Занес его в парилку и положил на полок. Потом надо будет запарить в кипятке.

Он крепко замаялся от проделанной работы — вода да дрова — дело тяжелое. Надо бы передохнуть, но Егорко пошел к бабе Феклисте, позвал затоплять баню.

А та — натодельный мастер по растопке да натопке черных бань. Совсем скоро байна пыхала во все стороны густым дымом — из продушин и из дверей. Огонь взялся за привычное дело — начал усердно нагревать выложенные сводом-печурой гранитные каменюки.

Пока баня топилась, Егорко сделал попытку собраться к завтрашнему походу. Вынес из прохода на поветь отцовский пестерь, пахнувший лесом и дичью с косачинными и рябчиковыми перьями на днище. Взаялся собрать какую-нибудь одежду — не получилось. Он не знал, чего брать, а чего не надо, если идешь в лес надолго? Какую еду, и где ее взять? Матери нет рядом, и некому подсказать. Егорко еще никогда не уходил из дома так далеко, да еще и на несколько дней.

Но пришла из бани бабушка. Увидела разбросанные на полу, на лавках драные, старые братовьи штаны и рубашки и наругала внука:

— Ничего-то ты, Егорко, не толкуешь! Давай-ко, батюшко, садись-ко сюды, а я буду сказывать, чего брать, а чего не надоть. Пока байна настаиваичче.

Она порылась в местах, где лежала одежда, хоть и ношенная, зато выстиранная матерью, пахнувшая чистотой.

— Кладешь сперва рубашку нательну да кальсонишки. Это, когда испотешь весь, на передевку. Опосля гляди: рубашка вязана. Это, когда ночью изба выстынет, оденешь. Вот чепец тебе батьков. В лесу нельзя без шапки. С лесин много чего на голову падат, чепец-от и оборонит. Вот косоворотка для роботы, опять, когда обмокнешь ли, спотешь ли — тоже на передевку.

Феклиста глянула на босые Егоркины ноги:

— Обувка кака у тя на ноги?

— Не знай, баба, я думал, босиком...

— Вот ты, шально место, не знашь, а ето перво дело — обувка. В лесу-ту, брателко мой, босы ноги сразу и истыкашь чемнинабудь. Коренья, да сучья... Беда! Искровишь лапы свои... Есь у тебя чего?

— Вот бахильчи, да лапти стары батьковы...

— Не-е, нельзя. Тут так понимать надоть: бахилы зальешь и будешь водой хлюпать. Тяжелы бахилы с водой... Тебе, Егорушко, надо бы стары бахилы обрезки натить, дырявы. Оне в самой раз — в воду ступил, ноги замочил, и топай дальше, вода сама вытечет. Лето чичас, не холодно всяко. Зато можно везде ступать, ноги не обранишь.

Феклиста поразмышляла, покачала головой:

— Ладно, огудан, дам я тебе свои шаршаки. Тебе в самой раз и будут. Мне-то куды таперича? Отбегалась я по лесам...

— Вот, баба, хорошо ето, хорошо.

Когда Феклиста ушла, Егорко пошел за ружьем. Последнее дело — ходить в лес без ружья. Дичина какая выскочит, а ты с пустыми руками. Да и не страшно в лесу с ружьем.

У отца была «берданка». Старинная, разболтанная во всех соединениях, но надежная и легкая. Егорко снял ее с гвоздя на повети и занес в избу. Намотал на конец самодельного шомпола промасленную тюленьим салом тряпку и протер ствол. Вынул затвор и посмотрел на свет в ствол. Тот был во вполне надлежащем состоянии — за ним с отцовской стороны всегда был надежный пригляд — ствольная поверхность тускло и ровно отсвечивала матовым светом.

Отец всегда выговаривал в таких случаях:

— Дырка есь, значит, пулька вылетит!

И почему-то всегда сильно дул в ствольную дырку.

Егорко тоже дунул и сказал то же самое.

Снаряженных патронов было всего только два. Остальные отец распулял на глухаринных да на косачинных токах. Страсть как любил он это дело. Была бы его воля — на них бы он и жил. Ну, два, так два. Теперь заряжать поздно. Поднес один к уху, тряхнул — звук сыпучий и звонкий. Значит, мелкая дробь — «пшенка». Отец держал ее для чирков да для рябчиков.

Жалко, не оказалось пули на случай, если вывалит медведя. Егорко закатал бы в него пулю-то.

«Ничего, — думал он, — зато ружье имеется. Медведь самого вида ружья боится. Не вывалит, струсит он, трус тот ишше...»

Так ему рассказывал отец.

Егорко поднял берданку, решительно передернул затвор, прицелился в окошко и нажал на спусковой крючок. Затвор шелкнул.

— Во-во! — сказал сам себе Егорко удовлетворенно. — Работат оружье!

Вот так он хряпнет по медведю, ежели тот осмелится напасть.

Страхи Божии! Как Егорко не любил жаркую баню! Когда отец брал его с собой на помывку, он посиживал, скрючившись, на нижней полке и слушал, как отец, развалившись на самой верхотуре, кряхтя, повизгивая, выкрикивая какие-то несуразные вопли, хлестал сам себя веником по всему телу и еще поддавал и поддавал жару.

— Ы-ы-ы! — кричал он, — еддрри в маковку! Крепко зацепило! А ну-ко ишше ожедернем! — И плескал из ковшичка кипятком на раскаленные каменя. Потом скакал на середку пола, подпрыгивал и обливал себя из ведра холодёнкой. После всего этого выскакивал он в прохладу предбанника, лежал там на лавке минут пяток, сладко там стонал... А потом опять забегал на верхний свой полоч...

Егорко поглядывал на это форменное смертоубийство, ежился и... завидовал. Как бы ему вот так же с жару да в ледяную воду.

А сейчас он пришел один, без отца. Посидел в предбаннике, поразмышлял... Горестные то были мысли, и Егорко всплакнул. Всё теперь одному... Он не был готов к тому, что отца теперь не будет совсем...

Надо теперь быть в доме хозяином. Всё делать без него и за него. И даже в бaigne мыться, как он. Так положено. В доме должен быть мужик.

Егорко разделся и вошел в парилку. Постоял в тяжелой жарe, скрестив на груди руки с прижатым ко груди подбородком. Маленько попривыкнув и прокричав «у-у-ухх-ты!», ринулся на верхний полок. Честно выдержал там секунд десять, больше не смог. Жар впился в тело, в каждый его сантиметрик, ударил вовнутрь, под кожу, ожог все печёнки, глаза, уши, перехватил дыхание...

Егорко сдался и сошмыгнул вниз, на пол. Схватил ковшик, булькнул его в ведро с холодной водой, зачерпнул полный и выплеснул всё себе на голову. Потом еще и еще... Выскочил в предбанник... Сидел там и глубоко дышал. А сердце стучало и стучало, и молоточки колотили по вискам... Не получается у него пока по-отцовски, не получается...

Он открыл дверь в парилку и долго выпускал жар. Зашел, когда стало просто тепло. Помылся.

Баня победила его, Егорко не смог ее одолеть.

Уходя, он повернулся лицом к ней и сказал мужицкие, твердые слова:

— Все равно, баинка, попарюсь я в тебе! Некуда не денется ты, таперича я твой хозяин! Так и знай, голубушка, вот чего.

Спал он у бабушки Феклисты, намаявшийся за день, усталый мальчик.

Свой дом Егорко накрепко закрыл, так, как закрывают свои жилища все поморы: просто приставил к двери батожок. Через этот батожок никто и никогда не переступит и не войдет без спросу в дом.

Феклиста проводила его за деревню до самого леса. Здесь начиналась тропинка на Сярт-озеро. На ней отчетливо виднелись следы большой группы людей, недавно здесь прошедших. И сам Егорко хаживал уже когда-то тут до Самосушного озера.

— Вот тутогде твоя матка и топала, — сказала Феклиста.

Они посидели на маленьком угорышке, поглядели на деревню, лежащую за полем, за Белой рекой. Отсюда виднелись темно-серые крыши, расположенные рядами вдоль морского берега, и само море, сейчас, спозаранок, еще не всклокоченное резвыми летними ветрами.

В деревне орали петухи и дружно мычали коровы. Это колхозное коровье стадо выбредало со скотного двора на выпасные пажити. На море темнели очертания черных карбасов, вышедших на проверку сельдяных и семужьих неводов.

Начинался рабочий день.

Баба Феклиста всё покачивала головой. Не согласна она была с затеей внука одному пойти в дальнюю дорогу. Наказывала:

— Ты, Егорушко, не сворачивай с дорожки-то некуда. Всё поди, да поди, как она бежит, туда и ты. С ей отвороток нету. А закружашь, дак не робей, не бегай шальком по лесу, не убивайсе, а то силенки быстро потеряшь. Всё одно — выскочишь к любой речки ли, к ручейку ли — вниз по теченьицу-то пройди, дак оно тебя, баженого, к морюшку-ту и приведет. Вся вода из лесу в мори текет. А там уж и дом, у моря-та!

Она посидела, повертелась на угорышке, с сердитым видом постучала своей палочкой по стволу корявенькой сосны:

— Ты, вот што, парень, ведмедя где встренешь, дак не бойси ево. Ему самому озарко тебя увидеть, сам и умильнёт первёхонькой.

— А я, баушка, из берданки батьковой на его как нацелюсь, дак он и перепужаичче, проклятой, убежит в лес, оне боячче ружей-то, мне папа сказывал...

— За зайцами, за птичками не бегай, все-равно не догонишь. Только время в затрату уйдет. И дорогу опеть потеряшь.

Феклиста подумала, чем бы еще надоумить внука, поглядела в ту сторону, куда ему предстояло уходить.

— Штё ишше... Как к озеру-то выскочишь, к Сярти-то, там салма будет, проливина, не широка она. Ей надоть будет переплыть. Скинь одежду, оставь на берегу и переплыви. Плавать-то умешь аль нет?

— Всяко уж умею.

— Ну вот, на том бережку, маленько в лесочки, увидишь избу. Людев в ей нету, все на покоси. Опосля будут. Напротив, на бережку карбасок с веселками. На ем сходи за одежкой, да за пестерьком своим. Карбасок поставь на место, штобы сенокосы тебя не кастили.

— А откуда ты всё знашь-то, баба Феклиста?

— Дак, ети пожни исконья наполовину наши были. Я тама с измала босиком бегала. Всё мной исхожено с батькой да с маткой...

Она постояла, пожала старыми плечиками. Ей не хотелось уходить в деревню одной.

— Матке своей, Агафьюшке, поклон мой передай. Всем баженным тоже скажи, ште им баушка Феклиста кланялась.

Она тяжело привзнялась с бугорка.

— Ну, побегай с Богом, внучок.

И, глядя на его, уходящего, крикнула вдруг:

— Погодь-ко, парнишко. Погодь!

И неуклюже заторопилась, посеменила к нему скрюченными ногами. Подошла, обняла, прижала к себе. Зашмыгала, перекрестила.

— Ты вот чего, Егорушко, побереги ты себя, паренчик. Ты ведь один внук у меня, остатней. Сиротинушко. Ежели с тобой чего, я ведь помру тогдысь, стара бабка. Земляна старуха...

И Егор ее тоже крепко обнял. Он ведь сильно любил свою бабушку.

Шагал он быстро. От деревни до Сярт-озера четыре часа ходу, но Егорке хотелось поскорее попасть туда, чтобы наконец-то встретиться со своей мамой. За несколько дней разлуки он по ней сильно соскучился.

Ребята в деревне не очень-то любят, когда кто-то из них так привязан к своей мамке. Таких называют «подподольщиками», «хвостами», а то и чем-нибудь похлеще. В общем всяко называют. И Егорко побаивался эдаких кличек. Но поделаться с собой ничего не мог. Он любил свою мать беззаветно и готов был снести ради нее любые прозвища.

Тропа была непростой. То с горки на горку, то надо было пересекать вязкие места, то кривлялась она промежду деревьев, как змеюка какая. Егор, тем не менее, нигде не спрямлял путь, старательно ступал на дорожку, истоптанную сенокосами. Опасался он потерять ее, вертлявую. Только пару раз отошел маленько в сторону. Когда проходил мимо озера, вдоль проблескивающего через листву и хвою серебра воды. Эти места были ему знакомы. Досюда он хаживал со своим отцом.

Тут могли быть утки!

Он не удержался. Воткнул в край дорожки палку, на нее сверху повесил свою кепку — это была метка, чтобы не потерять дорогу. И свернул к озеру.

Егорко повторил все, что ему когда-то показал отец. Из-за деревьев, из-за кустов подкрался к береговым зарослям, перед самой водой раздвинул ветви, осторожно просунул между них ружье, потом лицо и огляделся, нет ли поблизости уток. В глаза била солнечная дрожь водной ряби. В этих ослепительных, радужных брызгах разглядел прыгающие силуэты двух уток, снующих между кувшинками.

Стрелять или не стрелять? Впрочем, у Егорки сомнений не возникло. Отец бы, конечно, подстрелил утку и принес на сенокос в общий котел.

Он оттянул затвор берданки, положил ствол на веточку куста и прицелился. Прямо на мушке, среди желтых цветов

кувшинок, в гуще ярких блесков солнечной дорожки плескались и резвились в озере ничего не подозревающие утки.

Егорко нажал на спусковой крючок.

Приклад сильно стукнул в плечо. В глаза ударила вспышка выстрела, полыхнувшая из ствола. Глаза невольно зажмурились.

И вослед вспышке бьющие по воде хлопки крыльев в панике улетающих уток.

— Промазал!

Егорко поднялся, ошарашенный такой неудачей, положил берданку на плечо и побрел к дорожке. Представил, какие слова сказал бы ему сейчас отец? Наверно, ничего бы не сказал, а только покачал бы головой, махнул бы рукой и побрел бы куда-нибудь прочь от него, мазилы... Егор уже переживал такие моменты. Горькие они и противные... У тропинки он присел на кочку и погоревал. Всё, одного патрона у него уже нет. Одного из двух. Один только и остался. Хоть бы его не потратить впустую. Как тогда от зверья отбиваться?

Но в другой раз выскочил на дорожку заяц, увидел мужичка с ружьем, да как сиганул в сторону. Как тут удержишься? Руки сами подняли берданку, палец сам нажал на спуск. Опять шархнул выстрел... И в глазах замелькали белые лапы стремительно улетающего зайца.

«Неужели опять профукал?»

Егорко с бешено стучащим сердцем пошел смотреть то место, куда должна была ударить дробь. Понимал, конечно, что не найдет там ничего. Ничего и не нашел.

Что тут поделаешь? Мазила он! Как есть мазила, пустое место, а не добытчик. Если будет и дальше так стрелять, наголодаются они с матерью, лесной дичинки-то и не попробуют...

С такими вот мыслями положил он ружье на плечо и уныло побрел дальше.

Теперь, оставшись совсем без патронов, Егорко оказался один на один со всем лесным диким зверьем, безо всякого сомнения, обитающим среди кустов да деревьев в великом множестве. Темные сгустки сучьев в кронах елок и сосен, возвышающиеся по сторонам дорожки вывороты деревьев, черные, торчащие из земли корневища казались ему злыми чудищами, готовыми в любую минуту напасть. Егорко наставлял на них ружье, целился и, состроив страшную физиономию, злобно, гортанно выговаривал:

— Чего это ты, гад, рожу-то на меня выпятил! Я чичас вот пульну в твое рыло пулей, дак узнашь у меня! Кокну да и все! Поди-ко прочь, мзеватик!

Он одолел уже большую часть дорожки и всё поджидал, когда же начнет она спускаться вниз, к озеру. Ему так скажут, что в конце пути будет этот спуск. И вот тут навстречу ему попалась Евлалья, молодая колхозница. Она вывернулась нечаянно-негаданно из-за деревьев. В коротких бахильцах, с закатанным выше колен, выцветшим подолом старого сарафана, раскрасневшаяся, запыхавшаяся. С видно что пустым и легким пестерьком на спине. Беленькая косынка ее сбилась на затылок, отчего волосы слегка растрепались. Лицо красное и... доброжелательное, как у большинства деревенских женочек. Выбежала навстречу, всплеснула руками и, крикнув:

— Ох, темнеченько-то мне! — как шла, так и села на бугорок.

Сильно, видно, испугалась встреченного неожиданно мужичка с ружьем. Вгляделась и заулыбалась:

— Ак, ты ште ли, Егорушко? Ты-то во стрету-то мне и попал!

— Я, кто ж ешшо, — важно, по-мужицки ответил Егор. Так положено в лесу встречаться мужику с женочкой, а не прыгать от радости, не собачка он маленькая всяко.

— Ак, куды наладилсе-то, паренечек?

— К мамы иду, в сюземок. Помогать тамогде нать.

— О, дак я оттуль и попадаю...

И поведала Евлалья, что «травишша в сем годе страшена», что «работушку надоть будет на два дни продлить, потому как не поспеть убрать ето сенишшо, как хотелось, за четьре-то ноченьки. Надоть все шесь»...

— А Агашка, мать-то твоя, с нами и робит. Вся исприбилась, бажена. Всё скоре, да скоре ей надоть. Парень, грит, один у мян в доми-то осталсе... А ты-то сам-то к ей и бежишь. Вот уж ей радость-то будет...

И Евлалья с удовольствием чмокнула пару раз губами:

— Работнича она самолучша, матка твоя...

Поморский порядок требует поинтересоваться, куда и за чем идет человек? И Егорко спросил:

— А ты-то почто в деревню летишь, тета?

— Ак, хлеба-то мало будет на эстолько-то ден. Сам разумешь всяко. А ишше две косы хрупнули, о каменя треснуты... Надоть замену принести. Косари стоят, ждут меня.

Уже убегая, поинтересовалась:

— А дробовку-то почто ташшишь? Дичину каку чикнуть?

— Не-а, ошкуя боюсь, озарко мне без ружья-та.

— Рад он тебя порато... Не бойсе ты его Егорушко. Он первой в штаны наложит, ежели встренутесь. Я дак в умах не вожу.

И вдруг она всполошилась, у нее было еще много неперделанных дел:

— Карбасок-от на место поставь, паренечок.

И умчалась в деревню с пустым своим пестерьком.

А вот это была уже забота-заботушка! Лодку в самом деле надо будет возвращать, а значит — самому голышом переплыть на другой берег.

Он спустился к Сярт-озеру. Перед ним лежала салма, неширокий пролив посерединке озера. А по бокам — справа и слева раскинулась серо-голубая озерная ширь, убегающая к дальним, темным полосам лесов, в легкой ряби падающего с боку на воду летнего ветра — шелонника. С белыми облаками, улетающими за горизонт, утыканный острыми вершинами высоченных елок.

На берегу, в конце дорожки, стоял уткнувшийся носом в песок тот самый карбасок. Был он привязан за веревочку к тоненькой прибрежной березке, словно бычок, вернувшийся с прогулки и ждущий теперь хозяев.

Егорко поднял из кормы старое дырявое ведро с помятыми боками и вычерпал из лодки воду. Это всегда первое дело. Положил на заднюю банку свою поклажу, поставил в нос берданку и оттолкнулся от берега, переплыл озерную проливину.

На противоположном берегу никого не было. Только шумливила на ветерке желтая треста, да кричало на елках растревоженное воронье, охраняющее подросших уже птенцов.

Лодка с легким шелестом напозла носом на берег. Егорко посидел на банке, послушал звуки — лес, озеро, ветер. Голосов косарей не было слышно. Значит, все они, и его мама — где-то далеко. Сходил к сенокосной избушке, там тоже не было никого.

Значит, надо всё делать и всё решать самому.

Он занес свой пестерек в избушку, оставил там в сенях, на него сложил и одежду. Остался в одних трусах. И пошел опять к озеру, к лодке. Столкнул ее с песка и на веслах переплыл на другой берег. Привязал лодку к березке.

Егорко всё сделал так, как бы поступил любой мужик из деревни — оставил карбас человеку, который потом придет на озеро и которому нужна будет переправа.

А сам ступил в воду и поплыл к избушке, к одежде, к маме.

Плавал он по-собачьи и совсем худо. В другой раз испытал бы он жуткий страх от дикого, неведомого лесного озера,

от одиночества в этом огромном, чужом пространстве, в котором никогда раньше не бывал, от опасной, глубокой водной бездны, которую надо было преодолеть во что бы то ни стало.

Но впереди его ждала, очень ждала его мама, и встречи с ней он тоже ждал со всем своим детским нетерпением. И страх сам собой куда-то уходил.

Движение получалось трудно. Егорко перебирал перед грудью руки, согнутые в локтях, загребал воду по себя, загребал... Долго и тяжело работал ладонями... Наконец, стало казаться ему, что стоит он на месте, и берег, к которому хотел он приплыть, оставался всё так же далеко, не приближался.

Руки, наконец, совершенно устали. Егорко понял: еще маленько и все... И он не знал, что ему поделаться с этой усталостью. Она мешала ему приплыть к матери, доплыть...

Заливший руки свинец давил и давил, тянул в глубину его маленькое тело.

И в этот последний момент своей беспомощности увидел Егорко лицо своего отца. Спокойное, доброе, спасительное.

— Помоги ты мне Христа ради, папа! — взмолился он, прокричал из последних сил с уже залитым водой ртом, — Тону ведь я!

И отец помог. Проговорил спокойно и твердо:

— Помнишь, сынок, показывал я тебе, как на спине можно отдыхать? Переворачивайсе-ко, да ложись на спину.

И Егорко перевернулся и сразу стал опять тонуть.

— Ты тело свое, парнишко, вытяни, да руками, да ногами его поддърживай! Как-будто выталкивай маленько себя из воды...

Отец был рядом и учил, учил...

И Егорко отдохнул. Лежать на воде оказалось совсем не сложно.

— Есть силенки? — спросил отец через какое-то время.

— Есть, папа, есть! — радостно ответил ему Егорко.

— Ну, теперь опять давай-ко на грудь вертайся. Плыви, пока снова не опристанешь.

Егорко снова поплыл по-собачьи. Так он отдыхал и плыл, отдыхал и плыл. Отец все время был рядом, подсказывал.

Вот и берег. Егорко выполз на песок и оглянулся, чтобы встретиться взглядом с отцом, заговорить с ним опять. Отца с ним больше не было.

Потом он долго лежал на берегу, потому что сильно устал. Наконец поднялся на колени, сел на траву и, уткнув лицо в колени, заплакал.

Ему было нестерпимо жаль, что отец, бесконечно любимый им человек, опять куда-то пропал, снова исчез из его жизни.

Он пошел в сенокосную избу, где в бригаде заготовителей сена жила в эти дни Агафья, его мама. Никого там не было.

На полу лежал березовый голик — кто-то не успел подмести пол. На столе грудой лежали не помытые кружки, миски и ложки, посерединке стола — большая кастрюля и железный чайник, черный, обгоревший, служащий этой избе верой и правдой многие годы.

Егорко сполоснул железную кружку и налил в нее из чайника холодный, настоявшийся на брусничном листе чай. Жадно его выглотал: очень ему хотелось пить. Посидел, подумал: что же дальше-то делать? Никого пока нет, но он-то здесь! Он пришел сюда, в избушку, в которой царит кавардак. Он должен быть вместе со всеми, должен помогать!

И Егорко начал помогать.

Собрал он со стола в висевший на гвозде в сених веревочный куток всю грязную посуду и отнес к озеру. Там песком и травой всю ее отшоркал, сполоснул озерной водой и отнес чистенькую в избу. Оттер стол мокрой тряпкой и уложил посуду рядком по самому его краешку. Получилось красиво — стол заблестел и как бы обновился.

Потом Егорко взялся за пол. Сначала подмел его голиком, затем взял из угла половую тряпку, чохнул на пол два ведра озерной воды. Кое-как оттер замызганные доски. Еще раз пролил на пол чистую водицу и вытер тряпкой насухо.

Мамина и бабушкина школа мытья полов не пропала даром.

Устал Егорушко. Прилег на нары на минутку — так он решил — и проспал крепким сном, наверно, долго: намаявшийся маленький его организм нуждался в отдыхе.

Разбудила его хлопнувшая входная дверь и женский возглас:

— О, дак хто ето тутогде полеживат? Какой-такой мужичок?

В тускловатом предвечернем свете, посреди лесной избушки стояла какая-то молодуха. В старенькой, драной вылинявшей кофте, в неопределенного цвета такой же драной юбчонке, в скособоленно повязанном платочке. Спросонок Егорко не узнал ее.

— Ты ли ето, Гошка? — спросила женочка.

— Угу, — отвечал он, — я ето и есь.

— Ак ты откуль взялсе-то, шальяно место?

— Из деревни, откуль ешшо.

Егорко уселся на краешек нар и начал протирать сонные глаза.

— Ак, сам ште ли прибежал?

— Ну.

Женочка присела на лавку и изумленно раскрыла рот:

— Са-а-ам! Как не забоялсе-то? Страшно ведь одному-то, страшно ведь!

— А чего, у мяя дробовка вон...

— Малой ведь ты совсем, Гошка. Одному через лес...

Егорко понурил голову и сказал:

— К мамы я хочу. Вот и пошел...

— Ак, меня-та не признал ште ли, паренек?

Егорко уставил на женочку глаза и видел только одно — что-то родное, деревенское.

— Не, тета, не признал.

— Дак я ведь Татьяна, Олеши Новоселова, дружка твоего matka.

Она вдруг остановилась посреди пола, растопырила по сторонам руки:

— А матерь-то твоя, Агафьюшка-та, жде-ет тебя, жде-ет! Бывает, ште и поревит, как ждет...

Тут Егорко вспомнил ее. Она еще чаем его угощала, когда он приходил к Лешке в гости по какому-то рыбацкому поводу.

Хорошая она, Татьяна, и добрая. Повела она ему, что в сенокосной артели имеется у нее еще одна «роботушка» — быть поварихой. Вот она и пришла пораньше, до того, как косари, да гребей закончат сегодняшнюю работу. Надо соготовить ужин.

— Ох темнеченько-то, радось-то мне кака! Ты-то, голубеюшко, спомог-от мне как! Вон уж, подиткосе, полдела за меня сробил! — причитала она и громко радовалась. — Ну, придут, дак всем расскажу про тебя, про работничка!

Вместе они развели костер. Егорко бегал за водой к озеру и обратно, снова за водой, ходил в прилесок за сушняком, рубил сучья топором, подтаскивал к кострищу, помогал чистить и варить картошку.. Татьяна пошумливала, похохатывала, разворачивалась бойко и ухватисто. Звонкий ее голос улетал в озерные и лесные дали, звенел в пространстве.

— Экак бяда-а, крупы маловатенько осталось, не хватит на все дни... Зато картошечка-та есь у нас! А мы с ей-то и проживем сенокосье. С голодухи-то всяко уж не помрем! Проживе-е-м, Гошка!

Когда прозрачный июльский вечер размыл своей легкой акварелью очертания деревьев, когда наплывающая белая

ночь накинула на озеро, на лес и на людей воздушное серебряное покрывало, лес вдруг заполнился звуками. То были голоса косарей, возвращающихся со страды. Вот разноцветная толпа замелькала в прореженных просветах деревьев.

Вот на опушку вышли люди.

Егорко матери сразу не увидел, но побежал к ним. Мать разглядела его первой, выбежала к нему из толпы. Опередела всех.

— Егорушко, сыночек! Ты откуда тут?

Она обняла его, прижала к себе и встала перед ним на колени. От нахлынувшего волнения, от радости, захлестнувшей грудь, она не могла стоять. А Егорко прижался к маме, обхватил шею, заплакал навзрыд и только и смог сказать:

— Я, мама, соскучился по тебе! Страху Божьи как...

И люди все ему обрадовались. Подошли, окружили, назадавали вопросов:

— Как там мои?

— А мои как?

Егорко был для них доброй весточкой из деревни, от их жилищ, от родных.

Вечер был теплый, и работники не пошли ужинать в избу.

Усталые, они сидели вокруг костра, стучали ложками о миски, ели кашу, пили брусничный, несладкий чай и вели негромкие разговоры. И легкий ветерок уносил их слова вместе с вечерней росой в распахнутый, прозрачный простор озера и мягко опускал на успокоившуюся к концу дня воду, в которой отражалась закатная ярко-рыжая заря.

Подъем в сюземке в пять утра.

Егорко проснулся на нарах вместе со всеми. Косари лежали на полатах вповалку, рядком, друг за дружкой. Вставали дружно, хотя и постанывали, и кряхтели. Но собрались быстро.

Вышли.

Сам сенокос был в километре от избушки. Егорко полусонный, расслабленный радостной встречей с матерью, брел позади всех и нес маленькую косу. Самую маленькую. Она по размеру не подходила ни к одному из работников и была взята на всякий случай, «для запаса». Вот и пригодилась. Егорко нес ее радостно, с гордым видом равного со всеми косаря.

А косить он не умел совсем. Ох, какое же это тяжелое и хитроумное дело — скашивать траву косой-горбушей! Попробуйте поработать, скрючившись в пояснице, поразмахивать ею несколько часов подряд, долго и нудно срезать тяже-

лую густую траву! Не получится без сноровки и упорной тренировки. А тут девятилетний мальчик...

Но Егорко очень хотел помочь своей маме. Ну и, конечно, внести свой посильный вклад в общее дело деревни, в колхозное дело!

Его поставили выкашивать кулиги — затемненные, спрятанные в уголках пожней участка. Косари стараются не углубляться в них — слишком суетельное и непродуктивное это занятие — ковырять траву во всяких там узких отворотах. Ставят на них обычно тех, от кого мало толку на суземных просторах — слабосильных или неловких работников. Егорко как раз таким и был.

Матери некогда было его обучать. За него взялся сам бригадир Перелогов, напористый, доброжелательный мужик.

Он подвел парнишку к довольно широкой кулиге, глубоко уходящей в лесные заросли, и сказал:

— Смотри-ко, Гошка, как надоть!

И пошел с косой вперед.

Перелогов подошел к краю кулиги, крепко взял рукоятку косы двумя руками, склонился над травой, сделал широкий замах влево и резко секанул правую сторону.

— Рраз, — сказал он громко.

Тут же в продолжение полета косы пошел замах вправо:

— Два-а!

И пошел махать, передвигая вперед одну за другой ноги:

— Рраз-два! Рраз-два!

Поверженная трава ровными пластами ложилась перед ним по обе стороны.

Обернулся, повернулся к Егорке и приказал:

— Таперича пробуй сам! Давай-ко, колхозничок!

Егорко стал пытаться повторить движения бригадира. Наклонился, секанул в одну сторону. Кончик косы уткнулся в корневища травы, застрял в них. Еле-еле удалось выдернуть лезвие из тугих сплетений. Замахнулся с другой стороны. На этот раз воткнул косу в землю.

— Не пойдет так дело, — сказал бригадир совсем без укоризны, — ну, дак и не тушуйсе, парнёк, сперва не у кого не идет справно. Ты давай-ко присматривай получше, да и повторяй.

Он поправил косу брусочком и стал терпеливо показывать, как держать ее в руках, как делать замах, как следить за тем, чтобы лезвие срезало траву над самой землей, а «не прыгало туды-сюды»

— Чем ближе к земельке, тем длиньше трава, а, значит и сена больше, да зарод толше. Не режь травку в серединку, а режь во весь росток!

Егорко долго пыхтел, пока у него стало что-то получаться. Бригадир потом подошел и оценил:

— Ты, Гошка, справной мужик-от! Вон травы наваял э-только! Больше, чем я, куды мне до тебя-та!

Егорушко, хоть и понимал, что немилосердно перехваливают его, а все же маленько загордился.

— Ты, дружок, заканчивай-ко кулижку-то, да, когда зашабашишь, дуй-ко на речку. Надоть окуньков косарям на уху наудить. Все на каши сидят, бажены, да на картошки. Надоели оне, страхи Божьи! Удить-то умешь?

— Умею, а как же, — важно сказал Егорко.

— Ну, а умешь, дак и валяй.

Перед уходом на речку Егорушко глянул на пожню, на косарей. Средь высокой травы, между разноцветьем женских сарафанов и платочков сверкали на солнышке и повизгивали лезвия кос и журчали ручейки разговоров и переключек женочек, мерно покачивающихся в ритмах косьбы и медленно уходящих по своим прокосам в луговую даль. Среди них была и его мама.

Бригадир и подсказал, где взять готовую уду. Она стояла при-слоненная к одинокой березе, на обрывчике над речкой, впадающей в Сярт-озеро. Там же, в консервной банке, спрятанной между торчащими над землей корневищами хранились и навозные черви, припорошенные жирной черной земелькой, накрытые свежей зеленой травкой, живые и ядреные. Всё это хозяйство какой-то заядлый рыбакочк приготовил, но воспользоваться пока что не смог, потому что вместе со всеми был на сенокосе.

Егорко любил рыбалку. Еще прошлым летом он приноровился удить ершей на деревенской Белой реке, и его семья постоянно хлебала и нахваливала уху из его рыбешки. И его, Егорку, нахваливала, а уж как ему это нравилось!

— Добытчик растет у нас, — говаривал отец, — завалил батька с маткой свежей рыбой!

Он взял уду, выбрал червяка пожирнее и с трудом наживил на крючок — такой тот оказался верткий.

— Ты у меня, брат, повертись ишше, повертись, некуда ты все равно от рыбака Егора Ондreichа не денешься, а будёшь рыбу мне ловить. Так и знай! — сообщил червяку Егорушко и забросил удочку.

Довольно споро он натаскал окуней — штук шестьдесят. Окуньки клевали без устатку. Наверно, там, на дне омута, их были сотни, а то и тысячи. Егор принес от избытка старое, дырявое ведро, сложил в него рыбу и отнес стряпухе Татьяне. Вот уж она обрадовалась!

— Слава те, Господи, дитятко, не ведала уж я, чего и варить-то нонеча. Все кончаичче. А ты, Гошенька, рыбы навалил эстолько!

Взяла она из избы два наточенных ножичка, переделанных из сломанных кос, и они с Егоркой понесли окуней на озерный бережок.

Там рыбу почистили да промыли. А потом, когда до прихода косарей оставалось совсем немножко, Татьяна навела уху. Попросила рыбачка приготовить для засыпки картошку. «Да штоб нетолсту шкурку сымал».

Достала из общего мешочка соль, вытащила из газетного кулечка какие-то травки и высыпала всё это в кипящую уху.. Сидела рядом с котлом и все распробывала, доставая варево деревянной ложкой, фыркала, причмокивала. Потом закатила глаза, секунду поразмышляла и наконец твердо сказала:

— Кажись, готово!

Котел висел над углями на перекладине, ждал едоков, от него исходил невероятно вкусный дурман, заполнивший все окружающее пространство. Егорко, голодный, похаживал вокруг, вдыхал этот аромат и вздыхал и страдал. Ему очень уж хотелось, чтобы наконец пришли с пожней косари, чтобы вместе с ними сесть у костра...

Нагрянули наконец они, хмурые и голодные. Но на подходе запотевали носами, заулыбались:

— Эт чево у тебя, повариха, за кушанье за тако? Вкусно-тишша-та кака! Чего, бажена, наварила-та?

А та и рада ответить:

— Не меня хвалите, а благодетеля нашего, Егорку Агафьиного. Он, батюшко, рыбы наловил да начистил. Я-та чего, сварила, да и вся недолга...

Потом артель сидела на бережке и нахваливала Егорку, и нахваливала. И мама его, Агафья, очень рада была за своего сыночка за то, что растет он тружеником и за то, что народ им доволен.

И Татьяну тоже хвалили. Она посиживала около костра раздумывавшаяся от добрых людских слов, довольнешенькая.

Егорко был на седьмом небе. Ему хотелось еще чего-нибудь сделать для артели полезное. Только не знал, чего.

И висел опять над избушкой, над людьми, над костром, над лесом и озером длинный, тихий, слегка пасмурный вечер, наполненный звонкими колокольчиками трелей лесных птах, трескотней кузнечиков, легким шелестом маленьких волн, засыпающих в прибрежной траве.

Познал Егорушко в сюземке всякий труд по заготовке сена. Косил он траву, научился косить не хуже других. Только силенок у него не хватало для широкого и могучего мужицкого замаха. Освоился, как сноровистее сгребать подохшее сено и вместе с гребьями-женочками широко и легко орудовал граблями. Особенно приноровился он участвовать в постановке зародов.

Мужики-метальщики нанизывали на вилы огромные охапки сена и с бодрыми покрикиваниями забрасывали их на возрастающий зарод. А Егорко с какой-нибудь легковесной сноровистой женочкой ждали охапку наверху. Подхватывали они сено, раскидывали по верхушке зарода и утанцовывали — уминали. Задача заключалась в том, чтобы уложить его ровно, не утяжелить или не ослабить какой-нибудь бок, не скособочить весь зарод. От уминальщика и зависит, простоит ли он всю зиму один в лесу, не рухнет ли от ветра или от гнета снега.

— Поберегись! — кричали мужики, и с криканьем, с уханьем наваливали на самую верхотуру громадную кучищу сена. И Егорушко с напарницей раскидывали ее по всей верхушке, и всё повторялось сначала.

Когда вилы у мужиков переставали доставать до уложенного верха, Егорко выхаживал по зародовой «крыше» мерными шагами, из конца в конец. Высматривал, все ли стороны ровно уложены, уминал, выравнивал укладку. Потом кричал вниз:

— Имай работника!

И спрыгивал с зарода. Его подхватывал кто-нибудь из мужиков — ловил, обхватывал его руками и обязательно падал вместе с Егоркой. Лежал с ним и выговаривал:

— Ну, Жорка, ну и велик ты стал! Равзе удёржишь эку тяжесь!

И мужики, стоя вокруг, дружно и весело смеялись.

Потом все обходили зарод вокруг, разглаживали его граблями, выравнивали...

И стояли теперь они, красивые, ухоженные эти зароды, по всему сюземку.

Зимой, когда в ледяной корке будут стоять реки и озера и толстый, утрамбованный ветрами снег уляжется на уснувшей, промерзлой земле, сюда придут из деревни пустые подводы, запряженные колхозными лошадами, и крепкие, озябшие мужики вилами перебросают сено в дровни. Утопчут, умнут его, перемотают веревками пухлые возы. И лошадки под бойкие вскрикивания своих возниц уволочут сено в деревню. Там его уложат в копны и стога в ометах, что рядом со

скотным двором, с конюшней. И будут кормить колхозную скотинку-животинку всю зиму и всю весну. И будет продолжаться деревенская жизнь.

За эти жаркие дни и душистые вечера сенокосной страды насмотрелся Егорко всяких разных цветных картинок крестьянского бытия, подивился сложности человеческих отношений и проник в такие сердечные глубины, которые были немислимы для его понимания совсем недавно.

Деревенская жизнь казалась простой и понятной. И люди, его односельчане, тоже были обыкновенны, и тоже понятны и просты. А теперь по прошествии всего нескольких дней и ночей пребывания в сюземке обыкновенные деревенские люди оказались куда как заковыристее, с совсем необъяснимыми для него поступками, каждый со своими привычками, со своим норомом. Оказалось, что жизнь эта вовсе и не обыденна и не так уж размеренна, и что в ней множество загадок, разгадать которые ему пока что было не дано.

Понасмотрелся Егорушко, понаслышался всякого и разного, много чего в себя впитал. Открылись ему невиданные раньше картины человеческих отношений, сложные, противоречивые, раскрылись разные характеры. Впервые увидел он и воочию осознал, что и люди в деревне живут совсем не похожие друг на друга, чего он до этого просто не замечал. И эти новые впечатления запомнились ему навсегда, и память о них он пронес через всю жизнь.

Плехает и плехает в сторонке о берег озерная волна. Над сиреневой от дальнего заката водой, над прозрачным покрывалом вечерней росы, распростертым над озером, висит-покачивается тонкий серебряный серпик луны. Отмеривает кому-то долгий век неугомонная кукушка. И кто-то, словно не устающий плотник, стучит деревянным молоточком о сухое дерево. Это черный дятел-желна долбит своим желтым клювом верхушку просохшей, давно умершей ивы.

На толстом стволе упавшей березы сидят двое косарей, два уставших после тяжелого дня молодых парня. Слушают кукушку, глядят на озеро, разговаривают. Вечеряют.

— А и не жалко тебе его? Дядька ведь наш с тобой... Семейку егонную всю таперича угнали. А почто? Жалко ведь, загибнут тамогде оне в голоду, да холоду... Сывтыкар, бают, какой-то. Змерзнут оне...

— А чего ето змерзнут? Можа тамогде теплынь кака стоит? Можа, радуичче он в том Сытывкари, али как там его...

— Да-а, теплынь... Тебе бы таку... Вон, Александр-от Лукич помер уж тамогде. Написал кто-то... С тоски да с холоду.

Помолчали они. Тот, который задавал вопросы, всё переминался на бревнышке, не сиделось ему.

— Почто ты ето, Федька, письмо-то написал на мужика-та? Наврал ведь в ем, всё наврал... Его и замантифонили куды-то. Жалко мне его, не виноват он не в чем, дядя-та наш... Помрет семья.

— А я ето смышляю, чего ты морду свою от меня воро-тишь, двоюродник? Откуль остуда промежду нами пошла? Из-за дядьки, значит...

— Оттуда и есь!

— Да-а, не виноват... А ты вспомни, Тимоня, как матка моя копейку у него просила на новы сани. Дал он ей? Вот, и не дал. Сестры своей! Надо-то было сколько-то рубликов... А ишше сказал: пускай, грит, мужиченко твой сам робит, а не на печки поживат.

— Ну, а ежели батько твой попиват, дак чего? Не соврал дядька-та. А ты сразу письма писать...

— А и чего? Мироед он и есь! Кулачья морда! Всё ему больше всех надоть было. Три коня, да две коровы... Куды ес-только?

— Дак он ведь сам и гробилсе над имя. Да на поли, да на сенокоси... Сам всё. Не коналсе не у кого... У людев не канючил.

— Сам, да сам! Заталдычил... Нечего было гогольком хаживать по деревни, в хромовых сапогах. Погляньте на его, люди добры... Вот таперича пушай в Сутыкари своей походит. Там ему покажут хромовы сапожки...

Так сидели и мирно судачили они, колхозные парни на берегу засыпающего озера, под серпиком луны, среди шеле-ста травы и пения ночных птиц. Двоюродные братья.

Пелагея Маезерова, самолучшая гребея, колхозная звеньевая, крепкая женочка, вдруг занемогла. Рабочий день подходил к концу, и солнышко, спустившееся с зенита к самому закату, уже цеплялось за острые концы самых высоких елок, а она вдруг закричала раненой лебедушкой. Ничего не предвещало беды. Пелагея особенно не торопясь, переваливала тыльником граблей к уже почти сметанному зароду тяжеленную кучу сена и, на тебе: встала на колени, обхватила двумя руками живот и повалилась на бок. Женочки сгруппировались вокруг, стояли и не знали, чем могут помочь?

— Дак, чего оно с Пелагушкой-то тако? — спрашивали друг у друга.

— Ак, она цельной день сегодня приплакивала, чего-то у ей болело. Не знамо чего, робила, да робила, всяко с ног не падала...

Так рассуждали колхозницы. А Пелагея поднялась вдруг на нетвердые ноги, поглядела вокруг вытарашенными, видно, от боли глазами и с громкими стонами, держась за живот и качаясь из стороны в сторону, направилась в ближний лесок.

Она так шла, поднимая и резко опуская правую руку, несколько раз крикнула:

— Не ходите за мной не кто! Не ходите!

Но двое все же пошли — свекровка ее Наталья, да троюродница Алевтина. Та уж не могла не пойти, крепко она всю жизнь любила Пелагею.

— Ште оно с ей тако приключилось, с женочкой нашей, — судил-рядил народ, — кака-така лихоманка?

— Ребеночка она несет, — знаю я... — сказал кто-то.

И все замолчали

Пелагея родила прямо тут, в лесочке. Роды были скоротечные, с обильной кровью. Был выкидыш.

Женщины ей, как могли, помогали.

Пелагея сидела на земле с окровавленным подолом, держала на ладонях маленького человечка.

— Вон, уж не шевелится. Перестал, — сказала спокойно троюродница, — помер он.

А Пелагея сидела, растопырив колени, держа в руках мертвое свое дите. И плакала навзрыд, и плакала.

— Говорила я ему, змееватику, куды ты меня гонишь, несу ведь я... А он, проклятой, нечего, говорит, ты баба крепка, стерпишь...

Она не знала, куда положить, куда девать мертвого ребеночка? Но из рук его не выпускала, прижала к груди.

— Ты, говорит, лучша звеньева, куды без тебя... Надо, говорит, идти, поди и не спорь... Не срывай колхозной план... Дурак проклятой! А я сено сгребаю, а у меня в глазах красны уголья... Вот и догреблась, без сыночика и осталась... Лучша звеньева...

Она посидела, постонала, потом умолкла и тихо сказала:

— Чего таперича мне Николай мой скажот? Он ведь сыночика-та жда-ал.

Не сдержала она рыданий, когда оторвала от груди окровавленный комочек. Аккуратно, как живого, положила в сторонку на травку, подошла к березке, стоящей рядом, и около нее вырыла руками яму. Обложила дно сухими сучьями и листьями. Подняла с земли крошечное тельце, расцеловала

его всего и уложила на приготовленную постельку. Сняла с головы белый платок и обернула в него своего мальчика. Как в саван. Потом посидела над ним, постенала, как над родным покойником плачут поморские женщины, и завалила землей.

Похоронила.

Собрался вокруг народ. Ей никто не мешал. Все молчали.

А Пелагея склонилась над свежей могилкой. Сказала:

— Прощевай-ко, ребеночек мой, любименькой!

И, подняв к небу рот, завывла смертельно раненной волчицей.

Он давно, с деревенской школы, любит ее, она его. Они любят друг друга — молодой колхозник Кирюха Долгов и столь же молоденькая колхозница Настя Шмакова. Об этом знает вся деревня. Гремит и гремит на камушках лесной ручей Мошница, где-то на озере оголтело квакают лягушки. Голоса влюбленных звучат приглушенно.

Они сидят рядышком на берегу ручья, глядят на воду, прижавшись друг к другу плечами.

— Ндрависся ты мне, девка, — горячим шепотом рассказывает Кирюха, — давно уж, у попа когда учились... Всё я у тебя уроки списывал, штебы, значить, поближе к тебе быть.

Кирюха наклоняется немного вперед, вытягивает шею и заглядывает Насте в лицо. Долго на нее смотрит, хлопает влюбленными глазками, шурит. Физиономия у него счастливая и отчаянная. Он явно хочет сказать девушке нечто важное, давно выношенное.

— Люба ты мне, вот что. Обжениться хочу на тебе, Настасьюшка, страсть как хочу.

А та приотворачивает от него в смущении голову. Говорит как бы в сторону, кокетничает.

— Алюба, дак и чево? Сватов-то чево не присылашь? Давно бы уж... Я ведь обжидаю...

Кирилл шумно вздыхает, говорит жалостливо:

— А матка моя бурчит. Грит, оне в богатестве живут, нам, грит, не ровня. Киселя кажинной день хлебают. Тебя, грит, Кира, за печкой держать будут. Им чево!

Настя куксится, теснее жметя к жениху, ласково-твердо выговаривает:

— А пусь оне попробуют на тебя... На мово желанного. Я тогда им устрою жись...

И Кирюха, крепкий парень, поднялся вдруг над землей, над травой, и девицу свою на руки поднял, и понес ее куда-то. Унес.

Егорко так и не понял, куда и зачем?

С полудня всем объявили:

— Завтра утром воротишше!

А это значит, конец сенокосу, все возвращаются домой.

И Егорко сразу побежал на речку, за окунями. Вся артель попросила его:

— Натаскай-ко, парнишечко, окуньков. Стрась как ушки напоследок похлебать хочче.

Он всё успел, поспела и уха.

А вечером, на самом закате, косари и гребеи закатали «отвальную».

На западной стороне во всю небесную ширь и высь полыхал оранжевый закат. И серые облака, окантованные золотой краской, были разбросаны по всему цветному пространству. Казались они стадом овец, разгуливающих по небесным пажитям.

Сенокосный народ, еще пару часов назад еле-еле принесший ноги с поженъ, окончательно уставший, полуголодный, скрюченный тяжелым трудом, вдруг распрямился и поднял опять голову.

Народ наконец огляделся вокруг. И оказалось, что кругом шумит и колышется цветной лес, бушует вечная природа, блестит всеми красками озеро и щебечут птицы. И что вот уже завтра всех ждут родные очаги, свои хозяйства с тяжелыми, но необходимыми и близкими сердцу заботами, где звенят детские голоса.

Деревенский люд, нахлебавшийся свежей ухи, наевшийся ячменной каши, напившийся горячего чайку на брусничных, морошечных да клюквенных листочках, расселся вокруг костра на озерном берегу.

И, как всегда в такие минуты, русскому человеку захотелось петь.

Все вдруг, словно проснувшись, загалдели:

— Ну-кошь, ты, Онисьюшка, запой-ко давай чего-нинабудь, штебы сердечко проняло.

— Веселенько давай, веселенько! — подхватили сидящие поодаль.

Молодуха Онисья, первая запевала и деревенская красавица, поправила концы ситцевого цветастого платочка, разгладила их на груди... Распрямил плечики. Помолчала, оглянулась вокруг со смущенной улыбочкой, мол, не судите строго, ежели чего не так... Закрыла глаза и звонко и громко затянула:

*Не бела заря занимаичче,
А то парень молодой разгуляичче
На угори как да на угорышки...*

Она запевала, народ подхватывал. Все хотели попасть в такт, не у всех это получалось, потому что не все умели петь, у кого-то совсем не было голоса. Но после тяжелых сенокосных дней и ночей людям нужна была разрядка. И песня получилась громкой.

Когда она закончилась, Онисью стали просить:

— Ишше давай, женочка! Другу давай!

— А каку таку?

— А хоть бы и «косу оборочку» спой.

Тут Онисья встала, подошла поближе к огню, к середине сцены. Подбоченилась. Одна рука на поясе, другая, с платочком, поднята над головой. И пошла приплясывать в маленьком круге да напевать:

*Я стояла на угорочке,
Сарафан с косой оборочкой,
Сарафанчик раздуваичче,
Ко мне милый приближаичче...*

Егорушко прижимался к материнскому боку, разморенный, уставший. Вокруг него сидели с покрасневшими лицами и громко распевали песни косари, раздухаренные веселой минуткой. Но шумное это разгулье его не возбуждало. Егорушку немилосердно клонило ко сну.

— Мама, — сказал он, — пойду-ко я да лягу.

— Поди-ко, дитятко, поди. Да и я к тебе скоро приду. Посижу только ишше маленько, послушаю женочек. Хорошо оне поют..

— Я не в избу лягу седни, а в сено, на улицу... Можно мне?

Мать понимала, что никакой угрозы для сына в этом нет.

— Ложись-ложись. Да не бойсе тамогде, я ведь рядышком буду.

И Егорко пошел в сено. Ему хотелось напоследок подышать воздухом пожни, которую он полюбил. Опираясь на колышек, по боковой подпоре влез он на ближний зарод, улегся на самой верхушке и нагреб на себя с боков высохшей, душистой травы. Так теплее будет проводить ночь.

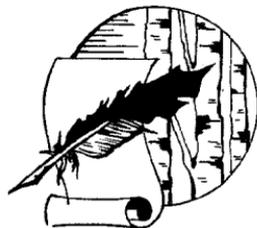
Какое-то время лежал и думал. Думал он о том, что очень сильно любит свою мать. И еще о том, что не зря сюда он пришел, в этот дальний сюземок, что принес людям пользу, и в деревне теперь о нем будут хорошо говорить. Народ, наверно, скажет:

— Агафьин парень-от порато работяшшой. Рыбы наловил косарям да сена спомог наметать благошко. Мужичок справной растет...

И было Егорке приятно от этих мыслей. С ними он и уснул.

И увидел во сне, как в высоком-высоком, прозрачном небе над ним среди неярких звезд белой ночи парили и парили, кружили в облачениях, расшитых светом, веселые ангелы. Их пушистые крылья трепетали на ветру. Посланцы небес, они трубили в длинные, точеные дудочки и дивным хором пели славу Богу и людям: «Слава в вышних Богу и на земли мир, во человецех благоволение!»

Спящий мальчик вслед за ангелами благоговейно повторял эти чудные слова молитвы. И было хорошо ему в этом сонном забытьи. Не знал он еще тогда, что Бога и мир надо славить не только когда всё вокруг благостно и умиротворенно, когда рядом любимая мама, когда всё удается, и все любят тебя, а ты всех. Но и когда приходят невзгоды и трудности и попускаются испытания...

Андрей ПОПОВ

РЕКА И РЕЧЬ...

* * *

Посмотрю на снег в начале мая,
Про себя решу, что повезло:
Замерзал Овидий на Дунае,
Мне — у моря Карского тепло.

Мне хватает света и озона,
И на размышления — чернил.
Милый край не одного Назона
В вечной мерзлоте похоронил.

Майский снег на улице кружится.
Дал Господь насущный хлеб и кров.
Что мне Рим, надменная столица?!
Почитаю я молитвослов.

Не живи, душа моя, в обиде
И за лад благодари Творца,
Не ропщи на местность, как Овидий,
Всё стерпи до самого конца.

* * *

А. Паинёву

Если вдруг доживем до расстрела,
То поставят, товарищ, к стене
Нас не за стихотворное дело,
Нет, оно не в смертельной цене.

Мир уже не боится поэта,
И высокое слово певца

Он убьет, словно муху, газетой,
Пожалеет на это свинца.

Для чего сразу высшая мера?
Водка справится. И нищета...
Но страшит его русская вера,
Наше исповеданье Христа.

В ней преграда его грандиозным
Измененьям умов и сердец.
И фанатикам религиозным
Уготован жестокий конец.

Вновь гулять романтической злобе.
Как метели, в родимом краю...
Если только Господь нас сподобит,
Пострадаем за веру свою.

А солдатикам трудолюбивым
Всё равно, кто поэт, кто бандит —
Не узреть им, как ангел счастливый
За спасенной душой прилетит.

* * *

Тоску позовешь — больше нет друзей,
И с нею начнешь кутеж.
Вот наглая гостья. Водки налей —
И душу вынь да положи.

Судьбу ей подай, а не общий хмель,
Не хочет меньшей цены.
Расстелет — разделит с тобой постель
И станет тревожить сны.

И будет твердить до скончанья дней,
Что Бог далек и суров,
А с нею ты нарожаешь детей
И набормочешь стихов.

* * *

Шумный рынок снеди и одежды,
Запах кожи и шашлычный дым.
Про какие русские надежды,
Что не сбьлись, снова говорим?!

Завершились пьянка и халява,
Время братья за серьёзный труд,
За прилавок встала вся держава,
И отцы, и дети — продают.

Спрос и выбор, упаковок глянец,
Распродажи, скидки и расчет...
Вечером придет азербайджанец
Выручку у рынка соберет...

ОДНОКЛАСНИКИ

Припомню вновь приветливые лица
Весёлых одноклассников моих...
Один в психиатрической больнице
Пытается понять свободный стих.

Чтоб не тревожить строгих санитаров,
Бубнит верлибры веку и стене
И верует, что обладает даром
Скрывать созвучья в уходящем дне.

Второй в тюрьме, глядит через решётки
На Божий мир любви, измен и слёз,
Где умирает от палёной водки
О русском сердце вспылчивый вопрос,

И привыкает к паханам и нарам,
Ко снам туберкулёзной духоты,
И верует, что обладает даром
Плывать на всё с тюремной высоты.

Другой на подоконник встал —
Влюбиться
Хотел в родную спящую страну.
И сделал шаг навстречу вольным птицам
В растерянную высь и глубину.

Упал на тротуар, но от удара
Никто не вздрогнул в хмуром городке...
А веровал, что обладает даром
Перекурить печаль на сквозняке.

Четвёртый сгинул в кишлаках Афгана:
Восточный муж, имеющий трёх жён,

Внимательный читатель сур Корана
Ему отрезал голову ножом.

Росла чинара, бляела отара,
Его «калаш» сгодился на калым...
А веровал, что обладает даром
Домой вернуться к матери живым.

А пятый — дьякон, учит мир молиться
И сильно пьёт за ближних и родных,
Припомнив вновь приветливые лица
Весёлых одноклассников моих.

И выпью я, раз не звучит кифара,
И нет в душе спокойного угла,
И кажется, что всё проходит даром —
Напрасны наши думы и дела.

Мы исчезаем... Остаётся смута.
Её бы словом дружеским унять.
Но, встретившись случайно, почему-то
Стараемся друг друга не узнать.

* * *

Когда Ты молитвам внимаешь,
Глядишь на тревожный закат,
Ты знаешь, конечно, Ты знаешь,
Зачем наши судьбы сгорают.

Сгорают не для точных ответов —
Мы только, как дети, поймем,
Что строгое таинство света
Дополним неровным огнем.

Запутавшись в снах и порядках,
И в чаяньях ночи и дня,
Мы просто сгорим без остатка
Неровного ради огня.

* * *

Жена!
Я не считал года —
Прошли легко, как дым.
Но почему ты молода?
А я вдруг стал седым?

Жена!
В какой беспечный миг
Вошёл внезапно страх?
Зачем мне этот скорбный лик
И пепел на висках?!

И снег, и мел —
В одной судьбе.
Как будто это грим.

Когда я изменил себе?
Когда я стал седым?!

ВАСИЛИЧ

Василь Василич назывался дедом,
Но был не дед мне — знал я про обман.
Он помогал чинить велосипеды,
До станции нёс маме чемодан.

Не воевал — в тюрьме сидел, наверно,
Украл чего-то — это я решил.
В России мир... Он пил дешёвый вермут,
Чуть что ругаясь — мать твою в кувшин.

А мама говорила деду строго:
— Не матерись, здесь не пивной буфет.
И дети слышат. Ты побойся Бога!
Василич отвечал, что Бога нет.

К нему приехал за отцовской лаской
Сын из Тамбова, тридцати двух лет.
На мотоцикле новеньком с коляской
Катал родню — и вылетел в кювет.

Все живы — их на «скорой» увозили,
Среди сочувствий, вздохов и машин
Дед отряхнулся от дорожной пыли —
Ни ссадины. Вот мать твою в кувшин!

В России мир... А мы идем в больницу,
Родным несём мы яблоки и мёд.
Василич верит, хоть и матерится —
Всё будет хорошо, и Бог спасёт.

МОЛЧАНИЕ РЕКИ

Течёт река, не зная языка —
Ни русского, ни коми, ни иного.
По ней плывут цветы и облака.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

Река и речь... Язык наш не забыл:
Одна у них природная основа.
Но речь на дно осела, словно ил.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

У Стикса невысокая волна —
Кто не прочёл молчания речного,
На время лишь поднимет ил со дна...

И вновь река
Не говорит ни слова.

ВОРКУТИНСКИЙ ВОПРОС

Я родился в краю гагар,
Куропаток и белых сов,
И сюда никакой Макар
Не гонял телят и коров.

И в судьбе моей падал снег,
Снова падал — как будто впрок.
Я смотрел на него, как зек,
У которого долгий срок.

Я смотрел на него в упор,
С ним легко соглашаясь в том,
Что не я выбирал простор,
Что не я выбирал роддом.

Кто же выбрал? Какая цель?
Непонятно. Туман и тьма.
Но зато впереди метель,
Но зато впереди зима.

НА ПЛОЩАДИ ВОССТАНИЯ

Человек, доверчивый, как лошадь —
И таких, как он, еще табун —
Выйдет на бессмысленную площадь
И на беспощадный выйдет бунт.
Говорит, что хмурая держава
Не удержит вздоха естества:
— Тварь ли я дрожащая или право
На дела имею и слова?!
Правду перемешивая с ложью,
Как с осенней грязью первый снег,
Он дрожит, как тварь.
Но тварь-то Божья!
Все-таки не лошадь — человек.

* * *

Солнце споткнется о времени край, как об порог.
Март остается зимою. Сон не найдет покой.
Вижу во сне, как падает птица, вянет цветок.
Вижу ночное небо и звезды над головой.

И мать умерла. И умер отец. И умер сын.
Ляжет на память снег и на улицы путь кривой,
Чтобы понять, никого нет рядом — и я один.
Только ночное небо и звезды над головой.

Время споткнётся о солнце — снова придёт весна.
Встанут отец и мать. И сын возвратится живой.
В это поверить сможет лишь память вечного сна.
Только ночное небо и звезды над головой.

* * *

Келья была у монаха проста:
Стол и божница, псалтырь и кровать.
Было окошечко в форме креста,
Чтобы сквозь крест этот мир понимать.

В сердце бы келью такую иметь,
Скромную келью монаху под стать,
Чтобы смотреть на рождение и смерть,
Чтобы сквозь крест это всё понимать.

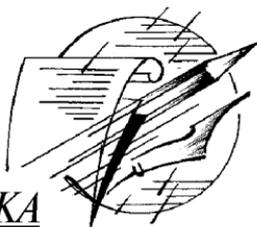
г. Сыктывкар

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ — АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛИЗМУ

Начало возвращения

Теперь трудно представить, что так говорил Борис Ельцин, но именно ему принадлежат эти слова, произнесенные на первом съезде народных депутатов РСФСР: «Не ломая старую систему строить рядом новую; надо проводить реформу без снижения жизненного уровня людей; надо сделать надежную социальную защиту; надо соблюсти приоритеты образования, здравоохранения, науки, культуры; передать власть от компартии советам; сохранить Россию в составе Союза». И что получили? Вскоре страна впала в полуколониальную зависимость от Запада и оказалась буквально на грани экономической катастрофы. Виной тому — либерально-криминальные реформы, отказ власти от традиционных основ нашей жизни, ее курс на потребительство, поклонение золотому тельцу.

С тех пор, правда, многое изменилось. Когда на встречах в коллективах, в общении с гражданами я слышу порой критику (а критиковать есть за что) действующей власти, то думаю, насколько мы бываем непростительно забывчивы. Вспомним бесконечные очереди в магазинах, разгул банди-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тизма, развал промышленности и сельского хозяйства, деградиацию армии, месяцы без заработной платы, бомжей в помойках... Да, в стране еще масса проблем, подавляющее число которых связано с либеральным выбором. Но и отрицать сделанное для России Владимиром Путиным и его соратниками было бы несправедливо. Если отсеять зерна от плевел, то вырисовывается немало положительных, важных изменений, что подтверждается и официальной статистикой.

Можно вспомнить и замирение Чечни, укрощение «семи-банкирщины», прекращение «парада суверенитетов», освоение арктического побережья, проведение успешной операции в Сирии. Кстати, насчет операции в Сирии хотелось бы сделать некоторое пояснение. Обычно говорится о том, что ее главная цель — недопущение боевиков и нетрадиционного ислама в подбрюшье России, чем являются среднеазиатские государства, в том числе бывшие советские республики. Но, помимо геополитического аспекта, присутствует и важнейший экономический аспект. Без сохранения у власти друга и союзника России Асада, через Сирию протянулся бы в Европу газопровод из Катара, что нанесло бы огромный ущерб бюджету нашей страны. Добавлю к этому, что реальностью стал российско-китайский стратегический союз. Но особо следует выделить такой геополитический успех как законное и естественное возвращение в Россию Крыма, что вызвало истошный вой «наших партнеров» на Западе с последующими жесткими санкциями. Ничего, переживем.

Если опуститься на уровень наших муниципалитетов, то и здесь положительные изменения очевидны. Не такие решительные, как хотелось бы, но того ощущения безнадежности, что было в 90-е и в начале 2000-х, уже давно нет и в помине. Строятся новые производства, все больше возделывается земли. Можно лишь согласиться с публицистом-аналитиком Александром Масловым («газета «Завтра», №31, 2019 г.): «...«диктатура денег», несмотря на все сложности, тактические отступления и маневры на отдельных направлениях государственного строительства и общественного развития медленно, но неуклонно сменяется «диктатурой национальных интересов». И это, пожалуй, главный итог прошедшего двадцатилетия для России».

Демография — наша боль

Однако мы не имеем права оставлять вне принципиально-го разговора проблемы, которые пока решаются неудовлетворительно. Одна из наиглавнейших, болезненных — сокра-

шения населения. Начавшийся еще в советские годы демографический кризис дает знать о себе все острее. К примеру, в прошлом году естественная убыль населения в России, по сравнению с 2017-м, составила 224 тысячи человек. За четыре месяца с начала этого года — 149 тысяч. Проще всего объяснить его объективными причинами: де, сказываются последствия Великой Отечественно войны или 90-х, но, на мой взгляд, эти процессы вытекают из навязанной России идеологии либерализма и в чем-то носят управляемый характер. Кандидат социологических наук, руководитель информационно-аналитического центра (Тирасполь) Игорь Белобородов приводит в «Аргументах недели» (интервью «Свято место пусто не бывает») факты, подтверждающие это.

Еще в 70-е годы в США был принят меморандум о национальной безопасности, согласно которому рост населения в других странах угрожает интересам американцев. Теперь же мы видим, речь идет не просто о сокращении его численности, но и об ослаблении, разбавлении доминирующих государственнообразующих этносов. Культурно и ментально нам близки жители Украины, Белоруссии, Молдавии. Однако, как пишет Белобородов, за последний год в России были приняты в натурализацию (имеются в виду и разрешение на временное проживание, и вида на жительство, и выдача гражданства) 130 тысяч граждан Узбекистана... и лишь 15 тысяч граждан Украины. Статистика по Тверской области подтверждает, что у нас пропорция оседающих мигрантов с южных направлений по отношению к убывающему коренному населению постоянно растет. По-моему, в центральной России не осталось ныне ни одного муниципалитета, где бы это не происходило, что вызывает обоснованную тревогу граждан.

Руководство страны, конечно, понимает опасность этих процессов. Наверняка ему известны оценки Росстата, согласно которым ежегодное сокращение россиян в 2020—2031 гг. составит примерно 450 тысяч человек. А по высказываниям председателя наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрия Крупнова, если к 2035 году процент многодетных семей, где 3-4 ребенка, не достигнет половины (сейчас их 7 процентов), то в России после 2060 года останется 80 миллионов человек.

Еще более удручающ прогноз профессора МГУ Анатолия Антонова: без возрождения многодетной семьи, считает он, в России уже к 2050 году будет 70 миллионов жителей. При такой численности может произойти распад страны и обособление автономий. Ведь к этому времени случится катастрофическое ослабление скрепляющего Россию (удержива-

ющего) этноса — русских. Именно на нашу долю сегодня приходится 85—90 процентов демографических потерь.

Разрешать демографический кризис решено немалыми финансовыми вливаниями. Насколько я знаю, в ближайшие 6 лет предполагается потратить на реализацию национального проекта «Демография» около 3 миллиардов рублей. В какой-то степени это смягчает ситуацию, однако, как показывает опыт сытой Европы, деньги в этом вопросе не способствуют кардинальному решению проблемы. Там на женщину приходится в среднем 1,8 ребенка вместо необходимых для разрешения демографического кризиса 2,5-3.

Кроме того, предполагается потратить немалые деньги, и это уже повсеместно происходит, на укрепление базы медицины и создание «комфортной среды обитания». Но, как показывает уже собственный опыт, это тоже не дает нужного результата, а лишь временно камуфлирует кричащую проблему.

Во-первых, муниципалитеты продолжают испытывать громадную нехватку квалифицированных медицинских кадров, что связано с вопиющей разницей в зарплатах столичных и провинциальных медиков. Москва (превратившаяся в государство в государстве), как мощный вакуумный насос, продолжает вытягивать из сельской местности не только врачей, медсестер, но и учителей, представителей других профессий. Это и немудрено, зарплаты в столице в разы выше.

Во-вторых, главным условием «комфорта» для человека являются не столько облагороженные дорогой плиткой тротуары, не детские и спортивные площадки, сколько наличие в провинции современных производств, где имелась бы достойно оплачиваемая, квалифицированная работа для коренного населения. Это лишает его пессимистичной перспективы, создаст уверенность в будущем для себя и своих детей. Тогда-то и повысится рождаемость! Но в широком масштабе индустриализации провинции, увы, не происходит.

Более того, экспансия в малые города и поселения так называемой сетевой торговли всё больше приводит к тому, что демпинговой ценовой политикой подавляются местные производители, прежде всего — в аграрном и пищевом секторе. Попытки конкурировать с «сетевиками» заведомо обречены на провал, т.к. основная часть сетевой торговли имеет западную юрисдикцию и берет кредиты на Западе под минимальные (от 2 до 4) проценты. В то время как кредит для отечественного производителя с обеспечением его прохождения достигает 20 процентов. Какая уж тут может быть честная конкуренция!

Россия всегда была сильна провинцией, Неспроста русский историк В.О. Ключевский подчеркивал: «В России центр — на периферии». Жаль, что эта очевидная мысль еще не овладела в достаточной мере теми людьми в правительстве, кто определяет внутреннюю политику. Совершенно очевидно, что провинциальные муниципалитеты и поселения решить вопрос массовой индустриализации провинции не в состоянии. Между тем именно такой поворот со стороны государства для решения демографической проблемы не терпит отлагательства. На мой взгляд, необходимо разработать и осуществить широкую общероссийскую программу развития местной промышленности и условия для ее господдержки. Это позволило бы смягчить ситуацию, когда тысячи жителей провинции уезжают работать «вахтовым методом» в столицу и Санкт-Петербург.

Кроме того, назрело перераспределение финансовых потоков в пользу провинции в социальном плане. Надо волевым усилием государственной власти ликвидировать ситуацию, когда врач или учитель в сельском райцентре получают по 10—12 тысяч рублей, а представители этих же профессий в Москве — 80—120 тысяч. А ведь мы в одном государстве живем!

Сама идея преимущественного развития мегаполисов, т.е. городской цивилизации, оглашенная мэром столицы Сергеем Собяниным, «обнаружившим» в обескровленной провинции 15 миллионов «лишних людей», представляется мне глубоко порочной и недальновидной. Хотя бы потому, что такой путь не способствует удержанию огромной, Богом нам данной территории России. Как мне представляется, весьма разумно поступают в братской Беларуси, где ограничено новое жилищное строительство в Минске с приоритетом в сторону наращивания строительства в малых городах и в сельской местности. За короткий срок там были созданы сотни агрогородков. В них имеются условия для производственной деятельности, наличествует полный набор социальных услуг.

Хорошо, что у нас наконец-то увеличен размер детского пособия, но следует идти дальше. Заслуживает внимания опыт той же Беларуси, где не первый год целенаправленно осуществляется программа «Молодая семья». Эта программа предусматривает льготное кредитование при приобретении квартиры или строительстве отдельного дома, содействует тому, чтобы жилищный вопрос для молодых семей решался без бюрократических проволочек и в короткий срок. При рождении третьего и каждого последующего ребенка в банке от-

крывается за счет бюджета депозит на 10 тысяч долларов. После достижения ребенком 18 лет деньги могут быть израсходованы на приобретение жилья, получение образования, лечение или на дополнительную пенсию для матери.

Необходимо также коренным образом изменить трудовое воспитание молодежи и подготовку специалистов рабочих профессий. Ведь не является секретом, как трудно бывает сегодня найти толкового токаря, экскаваторщика или сварщика. Должно быть возвращено уважение к рабочим профессиям, существовавшее прежде. Но самое главное, как отмечалось выше: молодые люди не должны метаться в поисках работы, что предполагает индустриализацию, в особенности — в малых городах и на селе.

Сейчас на страницах ряда патриотических изданий всё активнее обсуждается тема, связанная с выбором нового курса вместо либерализма, который, как заявил президент В.В. Путин, «себя исчерпал». Значит, официально признано: перемены назрели. Будет ли это выбор в пользу «славянского социализма», остается лишь предполагать. Идеи «славянского социализма» во многом совпадают с идеями русского традиционализма.

В любом случае в этом выборе есть много такого, что соответствует ментальности, устроению, характеру нашего народа. Это — возвращение простого человека путем народовластия в систему управления государством по типу земств. Уважение к традиционным семейным ценностям. Приоритеты производительного труда перед спекулятивным паразитированием, а социальной справедливости — перед социальной пропастью между «избранными» и «низами». Постановка банков под государственный контроль и превращение их в инструмент эффективного развития. Так же, кстати, необходимо поступить и в отношении частных строительных компаний. Это они породили нерешенную до сих пор проблему дольщиков, фактически обманув простых людей.

Земля, ее недра, леса, вода должны принадлежать государству. Хозяйствование на земле должно иметь различные формы: коллективно-общественную, личную, частную — допустим, в пределах до 50 га. Крайне важно ограничение продажи земли с целью недопущения земельного латифундизма. Необходим перевод под контроль государства и важнейших отраслей. Согласен и с тем, что в основе такого жизнеустройства должно лежать славянское, а не заемное римское или англосаксонское право. Безусловным стержнем нашей жизни должны быть: приверженность совести, чести, добру, милосердию, терпимости, а также уважение и равноправие по

отношению к живущим на территории России неслаянским народам на основе равенства всех перед Законом.

Хотел бы оговориться, что терпимость не следует путать с толерантностью. Теперь уже многим понятна, какое это коварное и разрушительное оружие. В результате навязывания толерантности добро и зло теряют свою полярность. Правда и ложь, честь и бесчестье, вера и лицемерие, героизм и предательство сознательно смешиваются, чтобы духовно обезоружить людей, вызвать в их душах смуту, хаос, растерянность и таким путем подмять заблудших под чужую волю. Фактически толерантность ведет к тому, что происходит потеря человеком своей идентичности, нравственного иммунитета.

Безусловно, коренного переустройства требует информационная политика. Только морально слепым не видно, к каким ужасающим последствиям привела монополия либералов на СМИ. Русофобские по своей сути, они уродуют нашу молодежь, осуществляя подмену ценностей и смыслов, навязывая «ложные маяки». Одним словом, всем миром следует выработать новый курс, уважительный к традиционным основам бытия населяющих Россию народов и раскрепощающий лучшие качества человека.

Служить народу

Меня могут спросить: «Как вы, член партии власти, решались обсуждать то, что может быть поставлено вам в упрек?» Но в том и состоит одна из причин наших бед, что мы зачастую подвержены келейности и не осмеливаемся произнести вслух то, о чем думаем. Возьмем российское ТВ. Оно с завидным постоянством устами политтехнологов и политиков ожесточенно обсуждает украинские проблемы. Это уже раздражает народ. «Да, тема Украины важна, но что же о собственных проблемах не говорим и не вносим дельных предложений?» — говорят люди. Одна из проблем связана с выборами и, непосредственно, с авторитетом «Единой России», который, давайте откровенно признаемся, в последнее время существенно снизился. И винить в этом нужно не оппозицию, не Запад, а нас самих, членов этой партии.

Считаю, мы недостаточно активно откликаемся, а иногда и вовсе не откликаемся на насущные вопросы, на сигналы снизу. К примеру, разве нет нашей вины за снижение жизненного уровня населения? За бездуховность, поразившую ТВ и театры. За то, что тихой сапой расползается ювенальная юстиция. Губятся леса. И не пора ли нам вспомнить мудрое изречение выдающегося русского философа И.А. Ильи-

на (из книги «Путь духовного обновления»): «Политические партии не должны делиться по принципу личного, группового или классового интереса. Они призваны служить не лицам, не группам и не классам, а родине, народу, государству».

Не сомневаюсь: если повсеместно во главу угла будет поставлена работа по воспитанию высокой духовности, это благотворно отразится и на развитии экономики, и на снижении социального напряжения в обществе, а Россия станет убедительным положительным примером для европейских и других государств, которые уже подверглись со стороны глобализма жестокому давлению и растрению.

Внедрение однополых браков, ювенальной юстиции, мультикультурализма, разрушение традиционного института родительства, пропаганда экуменизма, других «ценностей», бросивших народы этих стран в сатанинские объятия (иначе не скажешь), чреватые для мира самыми негативными последствиями. Неудивительно, многие думающие, здравомыслящие европейцы в надежде на духовное спасение всё больше обращают свой взор в сторону России.

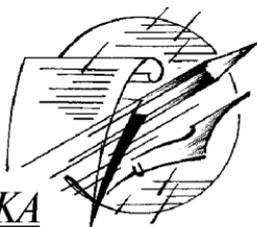
80 лет назад прозорливый немецкий философ В. Шуберт в своей книге «Европа и душа Востока» подчеркивал: *«Не европеец, а русский имеет ту душевную установку, с которой человек может оправдать свое извечное предназначение. Он руководствуется абсолютном, вселенским чувством, мессианской душой... В главных вопросах бытия европеец должен брать за образец русского, а не наоборот. Если он хочет вернуться к вечным целям человечества, ему следует признать русско-восточную оценку мира. Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз — как на салон, немец — как на казарму, русский — как на храм».* Эти слова не потеряли своего значения и в наши дни. Спасение мировых цивилизаций возможно только при сохранении национальной идентичности того или иного народа. И на этом направлении у России самые предпочтительные позиции.

Несмотря на усиливающееся давление со стороны Запада и непростые, требующие скорейшего разрешения внутренние проблемы, страна наша будет двигаться вперед. Сберегательный и созидательный русский традиционализм может и должен стать убедительной альтернативой влиянию либерализма и глобализма. Надеюсь, так и произойдет. Весьма кстати тут вспомнить повеление святого апостола Павла: «Выйдите из среды их и отделитесь», — говорит Господь, — и не прикасайтесь к нечистому, и я приму Вас».

МИГРАНТАМИ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ

Сообщение: *»Москва. 26 августа. INTERFAX.RU. Минэкономразвития разработало дополнительные меры по повышению потенциала экономического роста, заявил журналистам министр экономического развития Максим Орешкин. По его словам, соответствующий план мер был подготовлен по поручению президента РФ, и в ближайшее время он будет рассмотрен в правительстве. Министр отметил, что в базовый сценарий социально-экономического развития заложена успешная реализация ряда структурных мер».*

Я не буду касаться всех пунктов предложенного сценария, а обращу внимание только на один — касающийся безработицы. Цитирую: *«Второй мерой министерство называет повышение эффективности функционирования рынка труда. В базовый сценарий прогноза заложено снижение структурной безработицы и повышение экономической активности населения за счет преодоления ограничений следующими способами: формирование региональных программ снижения структурной безработицы с акцентом на региональные особенности (в т.ч. на сельских территориях), в том числе с*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

настройкой программ социального контракта, цифровизация трудовых отношений и развитие гибких (в том числе — удаленных) форм занятости, усиление миграционного притока с акцентом на высококвалифицированных специалистов с помощью реализации мер, направленных на упрощение получения гражданства и вида на жительство высококвалифицированными и высокооплачиваемыми специалистами, а также с помощью мер, направленных на технологическое упрощение получения мигрантами необходимых документов (по принципу работы «единого окна»).

Я не экономист, но, видимо, в силу своей некомпетентности считал, что лучшим механизмом для борьбы с безработицей является создание новых рабочих мест. И напомним, что выступая с посланием Федеральному Собранию 2012 году Путин поставил задачу к 2020 году создать и модернизировать 25 миллионов рабочих мест. 2020 год уже наступил, и о том, как эти планы реализовывались, мы можем уже судить.

«НГ» писала в 2016 г.: «Бизнес-омбудсмен Борис Титов предупреждает, что принятые в стране представления о состоянии нашей экономики могут сильно не совпадать с реальностью. По его данным, с 2012 по 2015 год Россия потеряла 6,8 млн. рабочих мест. И официальная статистика этих тенденций, по мнению бизнес-омбудсмана, не отражает. Хотя Росстат всё же позволяет косвенно судить о сокращении рабочих мест в стране. Как показывает статистика, сейчас куда больше ликвидируется предприятий, чем создается новых».

При этом перспективы очень нехорошие. Сообщение от 28.02.2017 г.: «В России в течение пяти-шести лет количество рабочих мест сократится на пять миллионов человек. Такое заявление на Российском инвестиционном форуме в Сочи сделал директор Фонда развития интернет-инициатив Кирилл Варламов в ходе дискуссии, посвященной теме «Человеческий капитал как фактор экономического развития». «Tipler» сообщил в 2018 году: «В России сократят 30% рабочих мест». А вот совсем свежая информация: «Эксперты подсчитали, что компетенции почти 34 млн. человек, трудящихся в России, избыточны или недостаточны для занимаемой должности, таким образом они попадают в «квалификационную яму». Об этом, как сообщает РИА «Новости», говорится в совместном докладе международной консалтинговой компании BCG и World Skills, подготовленном при поддержке госкорпорации «Росатом». Отмечается, что авторы документа ссылаются на статистику Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В августе 2019 года член комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Олег Шеин заявил URA.RU, что 15 млн. россиян рискуют остаться без работы из-за не востребоваемости их профессий на рынке в будущем».

Но есть один удивительный парадокс 2019 года. Всего лишь два факта:

— факт №1. Сайт РБК сообщил: «По данным аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, в 2018 году в России было открыто более 290 тыс. предприятий, а прекратили свою деятельность свыше 600 тыс. компаний. Число закрывшихся за год предприятий превысило число открывшихся в 2,14 раза».

— факт №2. «Росстат опубликовал статистику, по которой на июль 2019 года уровень безработицы в России составляет 4,4% от общего количества трудоспособного населения. Этот уровень является историческим минимумом».

Предприятия закрываются, а безработица падает! Как же такое возможно? Интересно, а в какой сфере вдруг вырос спрос на рабочие руки? В похоронном бизнесе?

О том, что со статистикой по безработице мухлюют, говорили давно, еще до того, как Росстат привели в нынешнее состояние. Например, «Росбалт» писал еще в 2009 году: «Региональные начальники пытаются фальсифицировать статистику, оказывая давление на «подведомственных» бизнесменов. От предпринимателей требуют скрывать данные об увольнениях и снижениях зарплаты на их предприятиях. О попытках давления на предпринимательское сообщество «Росбалту» сообщили представители объединения «Деловая Россия», в частности, член генсовета организации Анатолий Лейрих. О том, что ему поступают такие сигналы от коллег из регионов, рассказал журналистам и глава «Деловой России», сопредседатель партии «Правое дело» Борис Титов. Тревожная информация приходит, например, из Саратовской и Волгоградской областей».

А вот что написала правительственная «Российская газета» 26.05.2016 г.: «Безработных в России в 4 раза больше, чем зарегистрировано в службе занятости, посчитали в Росстате. Официальная безработица — это те, кто официально обратился в службу занятости, и его зарегистрировали безработным. Общая безработица считается с помощью опросов населения. По словам Александра Сафонова, регионы сейчас время от времени манипулируют с показателями безработицы». Ну то, как у нас могут проводить опросы, известно благодаря кристально честному ВЦИОМ... Так что реальных масштабов проблемы мы не знаем.

Но самое главное то, как наша власть в лице господина Орешкина предполагает с этими проблемами справляться. Еще раз процитирую его документ: *«В базовый сценарий прогноза заложено снижение структурной безработицы и повышение экономической активности населения за счет преодоления ограничений следующими способами: формирование региональных программ снижения структурной безработицы с акцентом на региональные особенности, в том числе с настройкой программ социального контракта, цифровизация трудовых отношений и развитие гибких (в том числе — удаленных) форм занятости, усиление миграционного притока с акцентом на высококвалифицированных специалистов с помощью реализации мер, направленных на упрощение получения гражданства и вида на жительство высококвалифицированными и высокооплачиваемыми специалистами, а также с помощью мер, направленных на технологическое упрощение получения мигрантами необходимых документов (по принципу работы «единого окна»)».*

Что такое «региональные программы снижения структурной экономики», в чем суть «настройки программ социального контракта» и как поможет «цифровизация трудовых отношений» — всё это очень смутно и гадательно. Но миграция — это очень конкретно и понятно. При этом речь идет не о внутренней миграции, т.к. говорится об упрощении получения гражданства. Как трудовая миграция поможет решить проблемы снижения структурной безработицы — трудно представить! У меня, возможно, в силу своей недалекости и некомпетентности в голову не приходит ни одного разумного объяснения, кроме того, что господин Орешкин при написании этого документа злоупотребил каким-то допингом...

Еще в далеком 2012 году после того, как Путин торжественно пообещал создать 25 млн. рабочих мест, руководитель рекрутингового портала Superjob.ru Алексей Захаров обратился к президенту России Владимиру Путину с открытым письмом. В своем обращении предприниматель высказал опасения о притоке мигрантов в страну: *«Вы ставите задачу создания 25 миллионов «хороших и высокооплачиваемых» рабочих мест к 2020 году. Это замечательная задача, и мы как работодатели обеими руками «за». Но реальная политика, проводимая в области кадров, ведет к тому, что к 2020 году будет создано дополнительно 25 миллионов рабочих мест для низкоквалифицированных мигрантов. Это в добавление к тем 10—15 миллионам рабочих мест, которые созданы для них уже сейчас. В результате проводимой государственной политики в ближайшие десятилетия количество привлеченных из-за ру-*

бежа низкоквалифицированных мигрантов составит более половины экономически активного населения страны». По словам Захарова, такие решения властей «делают абсолютно неконкурентоспособными десятки миллионов наших сограждан». Он утверждает, что россияне не станут устраиваться на рабочие места, которые будут созданы, так как «не хотят работать за зарплату, которая не позволяет родить и вырастить детей, нормально питаться и лечиться». «Невозможность привлечь дешёвую рабочую силу заставит бизнес вкладываться в те самые инновации, повышать производительность труда, создавать «хорошие» рабочие места. Я призываю вас, господин президент, принять жёсткие политические решения, направленные на полное запрещение ввоза дешёвой рабочей силы на территорию Российской Федерации», — заключил предприниматель.

Можно, конечно же, в очередной раз посотовать на то, что наши руководители — недалекие экономисты и политики, которые не понимают, что творят. А если всё-таки понимают? И если Орешкин писал свои проекты по заказу Путина на светлую голову, имея перед собой вполне конкретную цель? В чём же загадочная цель тех преобразований, что проводят уже какое десятилетие в нашей стране? Такое впечатление, что в России идет некий процесс, похожий на изгнание индейцев с их земель.

Некоторые граждане пишут, например, такое: *«В 2015 г. наше правительство отдаёт Китаю 2 500 000 га земли в аренду на 45 лет. Как Вы думаете, Китай по истечению срока аренды, вернёт нам наши земли? Моё мнение — это нереально, и нам стоит про них забыть.*

Разберём причины:

1) Китай учит детей, что Россия возвращает временно оккупированные земли.

2) Название посёлков в Сибири на китайском языке.

3) Строятся заводы, но при этом на них работают также китайцы.

4) Строят теплицы, где выращивают овощи на химии, тем самым травят людей.

5) Вырубают леса и на этом месте строят гостиницы.

Китай захватывает наши земли без войны, считают наши земли своими по праву — что, мол, Россия всё это время ими только пользовалась. Даже в учебниках, создаваемых в Китае, пишется: «временно оставленные Китаем территории». В их число входит: Хабаровск, Владивосток, Находка, Амурская обл., Бурятия, Сахалин — они обозначены на картах Китая их же названиями. В Сибири ценники в магазинах также на ки-

тайском и даже телевизионные новости — кошмар, мураши по коже да и только.

За последние 25 лет Россия добровольно отдала Китаю столько земель, сколько он не смог захватить в предыдущем веке. Отдано — Тунгир-Олёкминский район: 2 000 000 га, Магачинский район: 900 000 га, Газовый район: 300 000 га и т.д. Общая цифра составляет 4 000 000 га (40 000 кв. км) земли».

А вот что пишет член Общественной палаты Волгоградской области, бизнесмен и блогер Андрей Куприков на сайте infox.ru:

«На нашей земле китайцы по беспределу высасывают реки, подземные горизонты, гнобят землю, заливают её отравой, превращая в пустыню, выращивают галимый суррогат, который затем нам же и скармливают, делая на этом состояния, не платя ни копейки налогов. Всё это при полном попустительстве государства. Это уже не просто преступление, это диверсия и измена. Где Прокуратура? Где Полиция? Где Роспотребнадзор? Где Ростехнадзор? Где вообще власть? Это прямые вопросы. На широких просторах Городищенского и Иловлинского районов Волгоградской области раскинулись бесконечные плантации. В теплицах, накрытых голубой пленкой, женщины из Республики Узбекистан на корточках подкармливают молодые кусты помидоров. Месяц-другой — и к теплицам потянутся бесконечные потоки фур из соседних регионов. Уже больше десяти лет в двух районах успешно развиваются так называемые китайские теплицы. Местные власти убеждены: помидоры выращивают незаконно, используя неизвестные добавки и удобрения.

— И у всех этих теплиц нет хозяев, — говорит глава Иловлинского района Иван Гель. — Фактически помидоры растут сами по себе. Есть частники, которые купили земли и заявили о том, что будут вести на них сельскохозяйственную деятельность. Это свои же, волгоградские. Потом они сдали эти земли в аренду, и пришли люди, которые плохо говорят по-русски и на все вопросы отвечают: «моя твоя не понимать». Но официально у нас в Иловлинском районе нет ни одного юридического лица, которое занималось бы тепличным хозяйством, а его деятельность можно было бы контролировать по простому принципу: вот Иванов Иван Иванович, вот его бухгалтерия, вот его удобрения, вот пакеты, а вот место, куда он их сдал. У нас все теплицы никак не учтены. Нет тех, с кого можно было бы спросить: слушайте, а что это у вас тут за пакеты, почему вы их не вывозите? Это наша родина, и мы не хотим, чтобы было: «поматросили и бросили».

Люди простые идут к нам с жалобами, а мы физически ничего не можем сделать. Нет ИП — и спросить не с кого. Сегодня возле теплиц можно наблюдать тонны использованного целлофана, прошлогодней ботвы и прочего мусора. Свой след оставляют и химикаты, которые используют китайские сельхозпроизводители, выращивая помидоры ударными темпами. Местами от химии рядом с теплицами уже не растет трава, и земля выглядит так, будто покрылась язвами».

Ну понятно же, что это просто отдельные люди «сгущают краски», пытаются дестабилизировать ситуацию в стране... А надо верить, что «план Путина» — это победа России, и терпеть, не поддаваясь на провокации. И ждать, готовиться к будущему, например, учить язык — китайский или английский, это наверняка пригодится. Русский скоро будет не востребован...

«Российский писатель»

ДВА РАССКАЗА

ВЕТЕР ОКОЛЬНЫХ ДОРОГ

Александр Шурьгину почти сорок, но он по-юношески строен, всегда аккуратно подстрижен, всякая одежда ему к лицу — не мужчина, а загляденье. До последнего времени казалось, что жизнь у него ладится, он цветёт от неё, но неожиданно впечатление испортилось. И причиной этому стала Ксения — его первая любовь, когда-то забытая, но вдруг появившаяся будто ниоткуда, а против неё он не боец.

Как-то на исходе лета увидел её в магазине и обомлел, едва признав из-за непривычной полноты и узелка на затылке. Пригляделся и увидел приметную родинку на шее за левым ухом, а главное — голос ни капли не изменился, а её бархатный голос Александр узнал бы из тысячи иных голосов. Она болтала с продавщицей, а он застыл за её спиной, смотрел на родинку, на пушистый, словно пуховый, завиток рядом с ней, и, чувствуя как перехватывает дыхание, боялся глубоко вздохнуть, словно мог спугнуть волшебное видение. Мысли моментально унесли в юность, встречи с Ксенией вспомнились так чётко и ясно, словно он и не расставался с ней никогда.

ПРОЗА

Когда она расплатилась за покупки и пошла к выходу, Александр радостно окликнул:

— Ксюш...

Она не сразу, но оглянулась. На какое-то время замерла, словно ослышалась, и, улыбнувшись, кивнула, приглашая за собой. А он даже забыл, зачем заглянул в магазин. Выскочил следом.

— Вот кому не пропасть-то! — удивилась она на улице и прислонилась к его плечу, по старой привычке залиvisto хихикнула. — Ты откуда взялся-то, герой?

— Всю жизнь здесь живу, не как некоторые...

— А я вернулась к маме. Болеет она, а отец умер в прошлом году. Пришлось бросить работу, мужа. А детей у меня нет, Сашенька, — ты когда-то постарался, чтобы их не было.

Шурыгин сперва промолчал, а потом вздохнул:

— Чего теперь ворошить старое. Пустое дело.

— Да я и не ворошу, а как вспомню, как душу выматывал из тогдашней девчонки, то до сего времени ночью вскакиваю, слезами заливаясь... Молчишь. А тогда говоруном был отменным. Каждый день приставал: «Без тебя жить не могу!», «Всё для тебя сделаю!» Таким заботливым оказался, что даже к врачу потом водил, не постеснялся, денег не пожалел.

— Ты тоже не терялась, как ретивый сержант постоянно давала вводную: то «Проводи», то «Поцелуй», то «Чтобы завтра без цветов не являлся!»

Александр сразу вспомнил ту зиму, когда демобилизовался, начал работать водителем и влюбился в подростковую Ксению, жившую на соседней улице. Вернее, она сама влюбила его в себя, постоянно мелькая перед глазами. До его призыва в армию неприметной была, с косичками бегала, но после демобилизации увидев на танцах, едва узнал: невеста невестой! На один танец пригласил, другой — и всё, прикипел. Думал, это навсегда, на всю жизнь, но у неё были другие планы. Побывала она у врача после их встреч, кое-как сдала в школе экзамены и поехала поступать в институт. И не вернулась. А он сразу охладел к ней, зная, что уехала она с обидой в душе. Даже радовался, что всё обошлось без огласки и лишней нервотрёпки.

Вскоре познакомился с сероглазой Полиной из соцотдела, в тот же год женился. Жил сперва у неё, а когда родился сын Павлик, родители помогли купить двухкомнатную квартиру. Правда, пришлось немного занять, но Александр в ту пору заруливал на междугородном автобусе и неплохо зарабатывал. Но потом их автобаза развалилась, и Шурыгин, окончив курсы охранников, начал мотаться в Москву: две

недели отбарабанит, а две недели дома с сынишкой занимается. Встретит его из школы, проследит, чтобы тот сделал уроки, а после, если располагала погода, уходил с ним на Сосну — рыбу удить. Уловы почти всегда незавидные, зато с сыном настоящее общение. Поднимутся они от реки, оглянутся, окинут взором заречные дали, а Шурыгин скажет:

— Вот она, Павлуш, наша Родина! Разве можно её не любить?

Сын всегда отмалчивался в такие минуты, но как-то сказал:

— И мамку тоже любить надо!

— Об этом и разговора нет, — согласился Александр, хотел напомнить, что и об отце забывать нельзя, но промолчал, опасаясь уж слишком навязывать своё мнение.

Всякий раз они возвращались радостными, охотно занимались чем-нибудь по дому, и Полина в такие дни была спокойна за сына.

Когда муж уезжал на вахту, за Павликом следили его бабушки. Правда, они не всегда успевали за внуком, взрослевшим с каждым годом и проявлявшим всё большую самостоятельность. Сын мог улизнуть от надоедливой опеки и полдня бродить по городу: то на карусель отправится и там подерётся с мальчишками, то в тире все карманные деньги потратит. А как-то в Москву к отцу махнул. Но не доехал — в тот же день с поезда сняли. Но всё это теперь в прошлом. Сын повзрослел — правда, но по-прежнему ластился как детсадовец: «папка» да «папка».

Заботясь о семье, Шурыгин все эти годы ничего не знал о Ксении, хотя чего проще: сходи к её родителям, поговори, глядишь, какая-то появится ясность. Но не хотел ворошить старое. Хотя кое-что узнал в прошлом году от её одноклассницы. Оказывается, уехав после школы, Ксения вместо института устроилась в Москве на электростанции; поселившись в общежитии, трудилась в обмоточном цехе, но эта работа показалась по-настоящему тягостной. Узнав, что заводские подружки вербуются на Камчатку, примкнула к ним и потом на плавбазе разделявала рыбу, ставшую сниться в кошмарах.

Более её подруга ничего не рассказала, хотя знала, что Ксения при очередном возвращении из плавания закрутила роман с местным парнем, вскоре расписалась с ним, и как-то на плавбазе осталась только в воспоминаниях. Они, понятное дело, хотели ребёнка, но ничего не получалось. Ксения для вида ходила по врачам, хотя догадывалась о причине своего несчастья, нехорошо вспоминала Шурыгина и укоряла себя, тогдашнюю дурочку. Долго мечтала об искусст-

венной беременности. Когда же поделилась заботами с мужем, то он наотрез отказался показываться медикам, да ещё укорил: «Тебе надо — ты иди, а меня не позорь на весь город!» Ксения понимала мужа, но и обиду не могла терпеть: предложила развестись, и он легко согласился. Так и закончилась её камчатская эпопея. И вот уже полгода прошло, как она вернулась на малую родину. Устроилась диспетчером в автоколонну.

Шурыгин после разговора с подругой Ксении жил размеренно и спокойно, зная, что ничего изменить не может. Но вот, совсем не ожидая, встретил её саму, и вновь полыхнула весенней свежей молнией прежняя любовь, и вернулись не растраченные чувства, и он, забыв обо всём на свете, провёл с Ксенией на съёмной квартире несколько ночей. Вскоре бросил работу в Москве, вернулся за руль, теперь в такси, и Ксения обеспечивала выгодными заказами. Но главное, из дома ушёл, никому ничего толком не объяснив, не поговорив; однажды по-тихому заехал и набрал сумку вещей. Лишь жене потом доложил по телефону коротко и грубо:

— Можешь не ждать...

— Я-то ладно... А как же сын? — охнула она.

Он промолчал, не найдя нужных слов, потому что и сам не знал их, лишь надеясь на предстоящий разговор с Павлом. Он поймёт, должен понять. Взрослый ведь совсем, недавно паспорт получил.

Пока собирался поговорить, месяц проскочил как во сне, а он и не заметил этого из-за привалившего счастья, повторявшегося изо дня в день и ставшего продолжением начальных давних дней. Он всё-всё вспомнил, как у них начиналось: как впервые пригласил Ксюшу на танец, как впервые поцеловал, как утешал и вытирал слёзы после вспышки трепетной близости, когда никто из них не понял, как она произошла. Но ведь произошла и потом повторялась неоднократно. Шурыгин в те дни потерял голову. Он и теперь, пережив всё заново, продолжал находиться в необъяснимо волшебном состоянии. Даже забыл на какое-то время о сыне и вспомнил о нём, когда позвонила жена и будто обожгла, сказав, что он ушёл из дома и второй день не появляется.

— В полицию-то хотя бы заявила? — резко спросил Шурыгин, сразу вернувшись с небес на землю.

— Заявила, да что толку... Это всё из-за тебя, из-за твоей крали...

— Он и прежде сбегал, с поездов снимали.

— Когда это было-то? А если и сбегал, то с тобой хотел быть, а ты этого так и не понял. Променил сына неизвестно на кого.

— Хватит мораль читать. Найдётся. Не мог он далеко уйти. Где-нибудь на вокзале болтается.

Разговаривал Шурыгин при Ксении, и она сразу поняла, о ком речь, но всё-таки спросила:

— С сыном что-то случилось?

— Из дома ушёл.

— Ничего особенного... Набегается и вернётся. На Камчатке, бывало, молодёжь месяцами на реках живёт, когда рыба на нерест идёт. И ничего — родители не переживают особо. Это же так романтично! — А у самой рот до ушей, будто вспомнила что-то неопишимо приятное.

Уж лучше бы Ксения промолчала: после её пустых слов да ухмылочки в Александре всё перевернулось; он догадался, что она радуется его несчастью.

— Одно дело, когда с разрешения, а другое дело, когда... — Он не договорил, не стал уточнять, имея в виду свою вину перед сыном.

Ксения хмыкнула, а он вдруг посмотрел на неё невидящим взглядом, вспомнил все отношения — и сделалось необъяснимо погано на душе от её привычки беспричинно хихикать. И ладно бы если по-настоящему рассмеялась: открыто и радостно, если случай подобает, а то хихикнет и затаится. Разреши ей, она и сейчас бы заверещала. И представив это, он вдруг понял, как ненавидит её — обрюзгшую, липкую от пота. Никогда не думал, что перемена в отношениях может произойти в одно мгновение, но у него это случилось. И неспроста. Он вдруг понял, что она явилась наказанием за его прошлое отношение. Не надо было обращать на неё внимания в магазине, а уйти в тот раз или отвернуться, не заметить, как не замечают пустое место. Подумав об этом, он сразу посмотрел на неё с плохо скрываемым презрением.

Она это поняла, но промолчала, не стала обострять разговора, догадываясь, из-за чего ушёл из дома сын Александра. Но когда Шурыгин, вздохнув, отвернулся, она впервые почувствовала злорадство, вспомнив себя и его, из-за которого теперь не может иметь детей. Она даже согласилась бы на такого взбалмошного ребёнка, как у него. У неё бы он не убежал, она бы и на секунду не оставляла его одного. А то ведь он привык бегать из-за одиночества. У какого ребёнка хватит выдержки ждать отца две недели, если мать, как рассказывал Шурыгин, выражая недовольство, днями пропадала на работе, а после спешила в народный театр. А у их театра только название громкое, а так сплошная самодеятельность, но жене его об этом не скажи, а кто осмеливался — навсегда враг. Александр даже и о бабушках рассказал. Они ещё те у

его сына: суетливые, назойливые — либо закормят, либо заучат, а настоящей пользы от них почти никакой, если норовят всё делать по-своему, будто соревнуясь друг перед дружкой, особенно тёща, работавшая прежде бухгалтером, а теперь билетёром в кинотеатре, поэтому днём почти всегда свободная.

После известия о пропаже сына Шурыгин не стал долго пререкаться с Ксенией, сразу же поговорил со знакомым полицейским, с которым когда-то учился в школе, объяснил ситуацию, и майор успокоил:

— Не переживай, Санёк! Парень твой нормальный, никогда ни в чём не замечен, приводов не имеет. Оголодает — сам вернётся.

— В том и дело, что ни в чём не был замечен. На таких олухов всё и сваливают. Попадёт в историю, потом попробуй исправь.

— Всё пучком будет. Заявление от твоей приняли, завтра в розыск его объявим, но ты и сам по городу поищи, всё равно ведь мотаешься из конца в конец. В автоколонне объявление повесь, извести водил о пропавшем сыне, приметы сообщи, фотографию размножь. С волонтерами свяжись. Обязательно где-нибудь отыщется. Уж поверь мне.

Шурыгин только вздохнул.

Из-за одолевшей паники он сутки мотался по городу, изучил все подозрительные места вокруг вокзала, переговорил с бродягами, оставил им номер своего мобильного, дал денег, чтобы позвонили, сообщили о белобрысом парнишке в цветастой куртке. Несколько раз говорил с Полиной, но и у той никаких новостей — лишь слёзы. Шурыгин всегда считал, что она не особенно любит Павлика, но теперь понял, что это не так, если любой разговор заканчивала укором: «Ну что ты за отец такой, если сына найти не можешь!» Даже как-то заехал к ней, чтобы обсудить дальнейшие поиски. В прихожую зашёл и не узнал Полину. Она и прежде не отличалась упитанностью, а теперь совсем превратилась в тень, лишь глаза зарёванные округлились и смотрят до невозможности укорительно.

— Ну и зачем явился? — спросила, не глядя в глаза.

— О сыне поговорить... Я вот о чём подумал: может, его девчонка в курсе. Ведь знаешь, какие они в этом возрасте скрытные. Видел его несколько раз с одной из нашего подъезда — с короткой стрижкой такая, чернявенькая, на пятом этаже, кажется, живёт. Сходила бы к ней, может, что-то знает о Павлике.

— Об этом мог бы и по телефону попросить. Да и при чём она, если Паша меня заподозрил в измене... Видишь, сумка

стоимт? Двоюродный брат с женой на днях из Украины приехали работу искать... Несколько дней у нас помотались, а теперь в Воронеж отправились. Если ничего и там не найдут — в Москву поедут.

— Брат-то при чём?

— При том... Паша увидел его в коридоре и подумал, что я чужого мужчину привела тебе назло, вот и сбежал. Да ещё обозвал, как последнюю... — Она не договорила, закрыла лицо руками, зарыдала.

— Что же не разъяснила-то?

— Он и слушать не захотел. Рюкзак с учебниками бросил — и сразу за порог. Сказать ничего не успела.

— Да, закавыка... Ладно, успокойся — у нас теперь общая забота! — Он попытался обнять жену, утешить, но она оттолкнула:

— Не прикасайся гадкими руками... Когда зимние вещи заберёшь?

— Заберу-заберу — не переживай... — сразу осёкся он, хотел сказать, что до последнего времени был верен ей, но понял, что сейчас бессмысленно говорить об этом. Развернулся, торопливо шагнул к двери, ничего более не сказав от досады.

Перепалка с женой настроения не улучшила, но дала понять, что и Полина переживает о сыне всерьёз. Оказывается, ещё что-то шевелится материнское в её театральной душе. Шурыгин всегда думал, что у жены на первом месте самостоятельность и свихнувшиеся тётки с их косматым престарелым режиссёром, мнящим себя, как он говорил, небожителем. Иногда собирались у них на квартире — расфуфыренные, в невообразимых одеждах — и тогда они с сыном брали удочки и шли на Сосну или отправлялись гонять мяч на спортивную площадку.

После разговора с женой Шурыгину стало не до Ксении. Даже более того: она сделалась окончательно неприятной, особенно после того, когда у неё появились сигареты. Он отмалчивался, как мог, скрывал чувства, но как их утаишь, если они без слов понятны. А на работе и вовсе с ней о личном ни гугу. Она же из вредности стала давать заказы самые мелкие и невыгодные, а он как будто не замечал ничего: молча зайдёт в диспетчерскую, возьмёт путёвку, заказы, если есть, — и прощай до конца смены. На всю эту мелочность Александр не обращал внимания. В эти дни одна терзала забота: где отыскать сына? Уж весь город, казалось, прочесал, чуть ли не во всех подъездах побывал — никакого толку. С одноклассниками его разговаривал, с директором школы, волонтеров за-

мучил звонками. К кому ещё обратиться — не знал. Ведь всю страну не охватишь. Оставалось ждать и надеяться. Но хорошо ждать, когда знаешь, что встреча состоится, а вот как быть, если сплошная неизвестность. Волком выть?

Прошло несколько тягостных дней, и Шурыгин вдруг испуганно понял, что привык к поискам и ожиданию. И отупел от него. Оно стало привычным состоянием и почти не волновало, словно история с сыном должна разрешиться сама собой или с чьей-то посторонней помощью. А вот каким конкретно образом — это оставалось загадкой. Поэтому пустил розыски на самотёк, хотя продолжал по инерции присматриваться к прохожим, расспрашивать водителей автобусов. Всем показывал фотографию сына, но всё впустую.

Вскоре похолодало, иногда шёл снег. И где мог скрываться в такую погоду Павел? Где? Из полиции тоже никаких новостей. Позвонил приятелю, но тот — как о несуществующем:

— Потерпи, потерпи. Людей годами ищут.

— Вот спасибо, дорогой друг, вот обрадовал! — не сдержав досады, подначил Шурыгин. Он и прежде-то относился к нему, у которого главным в жизни было желание получить очередную звёздочку на погоны, насмешливо, а теперь и вовсе потерял уважение.

А тут ещё собственная мать, узнав от Полины об исчезновении внука и о том, что Александр ушёл от неё, закатила истерику, попросила немедленно приехать, сославшись на боли в сердце, а когда он, всё бросив, примчался, устроила показательную взбучку.

— И где же ты, милоч, гнёздышко новое свил? Кто же она, что сына вынудил скитаться из-за неё? — подступила она к Шурыгину, забыв о болячках.

— Мам, не бросал я его и никогда не брошу, потому что люблю всех сильнее на свете. Всё случайно приключилось.

— Такие дела случайными не бывают. В общем, так: пока дело далеко не зашло, возвращайся к Полине, вместе сына ищите.

— Был, не нужен ей стал... Брезгует.

— Простит, если к нам жить переберёшься, пусть и не сразу. А ту змею-разлучницу, какая пригрела тебя, забудь, пока не поздно! Чтобы нога к ней не ступала!..

— Что, достукался? — устало укорил вышедший из спальни на разговор отец, совсем поседевший за последнее время, сердито посмотрел из-под густых бровей.

— Что вы всем скопом навалились... Ладно, подумаю... — это всё, что мог сказать родителям Шурыгин. Хотел забыть разговор с ними и не обижаться на стариков, но их нагоняй всё равно не прошёл впустую.

Отношения с Ксенией вскоре окончательно разладились, и теперь он только ждал момента, чтобы рассчитаться из автоколонны и вернуться в охранники. Уж лучше так, чем неволить себя. В какой-то вечер сказал ей об этом, даже попросил прощения, что взбаламутил, но она совсем не удивилась, лишь зябко повела широкими покатыми плечами:

— Ты как был скотиной, так ею и остался. Уходи — держать не буду! — и завернулась от него в одеяло.

«Вот дожид до чего, — подумал он, — обе гонят и видеть не хотят!»

Перебрался на следующий день, хотя чего перебираться-то — сумку собрал и был таков. Правда, сказал на прощание, пытаясь сгладить расставание:

— Нам надо одним пожить. Вот тебе деньги за квартиру — расплатишься с хозяйкой. В случае чего — звони, я буду у родителей.

— И не подумаю, больно нужно.

От её вредных слов Шурыгину сделалось легко на душе. Значит, не надо объясняться, что-то придумывать, врать. Ушёл — и ушёл.

Вроде бы легче после этого сделалось, но мысли о сыне не покидали ни на минуту. Он ставил себя на его место, пытаясь воссоздать цепочку его возможных действий и поступков. Мыслями голову забивал, но разве можно всё проследить и предугадать, пусть и за сына. Ведь наверняка у него всё по-другому, если он и думает не так, как сам думал в его годы. У них на уме был футбол и хоккей, а то, бывало, драки устраивали: улица на улицу, милиция разгоняла. А разве теперешних чем-то заинтересуешь. Вахлаками растут, слова поперёк никому не могут сказать. И хорошо, что у него хватало времени заниматься Павликом, учить уму-разуму. За полмесяца они успевали многое: в футбол играли, за грибами ездили, опять же — на реку ходили. Зато другую половину месяца сын проводил под надзором бабушек. Придёт из школы — рюкзак под стол, перекусит и за компьютер. Напомнят ему об уроках, а у него один ответ: «Не задавали!» — «Как же так?» — возмутятся они, а если сильно пристанут, то он приврёт: «Теперь уроки через компьютер удалённо делают. Со всем отстали от прогресса!»

Они, конечно, жаловались матери, когда она приходила с работы или из театра. Та надоедливо ругала, призывала к совети, а потом усаживала за письменный стол, а он носом в тетрадку начинал клевать, засыпая. Поэтому у Полины и бабушек вся надежда была на него, Шурыгина, — всегда строгого, рассудительного и авторитетного: как сказал, так и сделал.

Но как ни слыл Александр примерным, всё-таки недавняя встреча с Ксенией, уход от жены всю его примерную жизнь поломали и всё в нём перевернули. Когда же пропал сын, ходил небритый, взъерошенный, к себе наплевательски равнодушный. Если прежде, когда в жизни всё ладилось, шагал легко, открыто, словно по проспекту, то теперь, поддаваясь студёному ветру надвигавшейся зимы, будто пугливо вихлял окольной дорогой, постоянно спотыкался, не зная, как свернуть с неё. И это продолжалось до того дня, когда у родителей привёл себя в порядок.

В эти же дни договорился с начальником автоколонны, что доработает календарный месяц, хотя надо было бы сразу расчитаться, чтобы не мелькать перед Ксенией и поскорее забыть её. Окончательно и навсегда. И Полину забыть, потому что дважды в одну воду не войдёшь. Теперь у него осталась только одна забота: сын! Вот кого он любил по-настоящему, и ради него готов на всё. Эта внутренняя установка вывела его из недавней меланхолии, когда опускались руки от неопределённости, отсутствия хоть каких-то вестей о Павле.

Мотаясь по городу, Шурыгин постоянно отслеживал прохожих на тротуарах, на автобусных остановках, в иных людных местах, пытаюсь не пропустить разноцветную куртку сына. Дважды обманывался. В одном случае оказался молоденький пацанчик, а в другом — кособокая старушка. «Тебе-то зачем молодой рядиться? — подумал он, чуть не поперхнувшись. — Модница выискалась, едрит твою в корень!» Но даже и эти случайные встречи не отбили охоту к поиску, и он превратился в механически озиравшегося робота.

В предпоследнюю смену перед увольнением он в поздний час возвращался в автоколонну и увидел на мосту через Сосну торопливого прохожего, в походке которого выделось много знакомого: левая рука прижата, а правая работала словно маятник. Такая походка была только у сына, только он мог так идти, словно загребая воздух. Вот только смутила непонятная одежда, казавшаяся в ночном освещении серо-грязного цвета, и высокая кепка, в каких прежде ходили старики. И всё-таки Шурыгин резко затормозил, заскользив по наледи, остановил машину, хотя на мостах запрещено останавливаться, и подбежал к шарахнувшемуся от него человеку.

— Стой же, стой! — отчаянно закричал Александр, узнав сына, еле догнав его и ухватив за широченную куртку. — Пашка, это я — твой отец!

Отдышавшись, Александр прижал сына к парапету, попытался посмотреть ему в глаза, но тот лишь отворачивался и вырывался. А когда, повернувшись, выкрикнул «Отстань,

всё равно домой не пойду!», Шурыгин увидел, что у сына подбит левый глаз, и от этого стало ещё жальче его.

— Погоди, не ерпенься! Не хочешь домой, поедем к бабушке! Ведь мы все ночи не спим, весь город по десять раз прочесали, а ты как растворился!

— В Липе неделю был, зря старались...

— Ну и чего в Липецке забыл? Это там под раздачу попал и куртки лишился?

— Да... Пацаны местные бортанули.

Через силу, исподлобья косясь, Павел будто цедил слова, и Шурыгин не знал, как успокоить его, заговорить нормальным языком.

— Чего не звонил-то?

— Телефон отняли... Но даже если и не отняли бы, всё равно звонить бы не стал. Ты и мать — предатели. Оба бросили меня!

Неожиданно Павел вырвался и пустился наутёк, но бежал, неуклюже прихрамывая, поэтому остановился, почувствовав, что отец догоняет.

— Стой! — истерично выкрикнул сын, не подпуская его к себе. — Если подойдёшь, в реку сброшусь!

Угроза прозвучала так отчаянно, что Александра обожгла мысль: «А ведь действительно сбросится... Тогда всё...» И он замер в нескольких шагах, стараясь не провоцировать сына опрометчивым движением, успокоить его, понимая, что в этот момент всё может произойти от случайного неуклюжего слова.

— Ладно, не подойду, только послушай меня... — обиженно попросил Шурыгин и замялся. — Ты дуешься на нас, но это правильно лишь наполовину. О матери ты зря плохо подумал... К ней брат с женой приехал из Украины — работу они искали, не нашли и дальше поехали. Вместо того чтобы поговорить и что-то выяснить, ты фыркнул, сделал по-своему.. Ладно, у тебя на меня обида, но мать с бабушками и дедом при чём? Или ты только о себе думаешь? Если считаешь, что такой безгрешный и умный, то продолжай скитаться, мне более нечего тебе сказать! — выкрикнул Александр срывающимся голосом.

Чувствуя, как от обиды глаза застилают слёзы, а более от своего неумения повлиять на сына, хоть как-то уговорить, он резко повернулся и пошёл к машине на ватных ногах, понимая, что проиграл, что зря старался, и не знал, что теперь делать. Хотел вернуться, ещё раз поговорить с сыном, убедить его, но почти у капота услышал сзади топот, оглянулся — а это Павел совсем рядом... Подбежал, ткнулся в грудь, вздохнул и посмотрел в глаза, жалобно попросил:

— Прости, пап! Я всё понял! — и совсем по-детски заревел.

От его признания и слёз Шурыгин онемел, крепче прижал к себе сына и долго стоял с ним в обнимку, чувствуя, как он весь дрожит. Когда они более или менее успокоились, Шурыгин твёрдо сказал:

— Садись в машину, к матери отвезу! Хватит, набегался!

И сын покорно согласился, а Шурыгин всё ещё не верил в этот счастливый случай, когда всё разрешилось столь неожиданно просто.

Пока ехали, Павел во все глаза смотрел на отца. Хотел что-то сказать и не решался. Только у самого подъезда, когда Александр спросил «Сам дойдёшь?», он попросил:

— Пойдём вместе, пап, пожалуйста!

Александр замялся:

— Не могу. Я ведь теперь у родителей живу..

— Как хочешь. — Не стал настаивать сын, укоризненно посмотрев. — Всё равно спасибо, что нашёл меня!

Он, оглядываясь, направился к подъезду, а Шурыгин смотрел ему вслед, всё ещё переживая и волнуясь. Но вот Павлу у двери остановился и быстро вернулся, твёрдо сказал в открытое окно, как приказал:

— Пошли, тебе говорю! Я мамке всё объясню. Она поймёт — вот увидишь!

— Как же это... — растерялся Александр, не ожидая от сына такого напора, и засомневался в себе, но лишь на малое время; тотчас душа его распустилась, и он не посмел послушаться, радуясь за Павла, за себя и за тех людей, кто в этот поздний час возвращался с окольных дорог.

СТЫЛЫЙ НОЯБРЬ

Столичный пенсионер, бывший водитель троллейбуса, Виктор Кудряшов несколько дней не мог дозвониться до мамы, жившей в соседней области, и переполошился. Правда, вчера удалось связаться с соседкой Настей, и та успокоила:

— Не переживай, Витя, с матерью всё в порядке. Сегодня должна вернуться из Рязани после операции на глазах — хрусталики ей меняли. Туда-то на машине медицинской отвезли, а возвращаться самой надо.

— Откуда же у неё деньги-то на операцию? Дорого, наверное?

— Повезло — под программу бесплатную попала.

-
- Удачно сделали-то?
 - Значит, удачно, если сегодня приедет.
 - Почему она не позвонила? Я бы домой отвёз! Ведь ей восемьдесят скоро, а она по автобусам скачет!
 - Телефон потеряла. Хорошо, мой номер был записан на бумажке. Попросила медсестёр позвонить.

Виктор сперва даже порадовался за маму, а к вечеру не находил себе места, представляя, каково ей теперь после операции. Связался с автосервисом, где ремонтировали машину; оказалось, что коробку пока не перебирали, и он решил, чтобы и далее не изводиться, завтра же ехать на родину своим ходом.

К полудню следующего дня Кудряшов добрался до райцентра, хотел взять такси, но ни одной машины у автостанции не увидел. Зашёл в магазин, купил кое-что из продуктов и отправился в родное село за четыре километра. Спешил, подумал: «А не помешало бы сейчас на «тачке» просвистеть!»

Кудряшов жил в одной квартире с бывшей женой, развёлся с ней несколько лет назад, вдоволь наругавшись, но окончательно отношений всё-таки не испортил. И теперь, когда вышли на пенсию, они даже иногда помогали друг другу, понимая, что молодость не вернёшь, а жить всё равно как-то надо. Поэтому забыли, как собирались продать трёхкомнатную квартиру и поделить деньги вместе с сыновьями на четверых, но отказались от затеи, потому что в Москве на причитающиеся доли ничего не купишь, и смирились с этим обстоятельством.

Собравшись на родину, Кудряшов предупредил бывшую, не называя её по имени:

- Завтра в Князево поеду. Ребятам скажи.
- Сам и скажи... — отговаривалась она.

«Ребята» — это сыновья: старший Евгений, работавший технологом на заводе, и младший Виталий — системный директор, оба в детстве любившие ездить к бабушке на молоко. А когда коровы не стало — не до села сделалось, хотя имеют машины: долго ли доехать — трёхсот километров нет. Поэтому их и просить не стал, чтобы отвезли.

И вот теперь торопливо шагал слободой и удивлялся безлюдности. Помнится, в молодости слободская улица казалась вполне городской. Посмотришь вдоль порядков — несколько машин по каменке громыхают, две-три повозки по обочинам пробираются, трактор телегу соломы тянет, прохожих десятка полтора можно взглядом окинуть. А теперь — никого. Только вдалеке колтыхается согнутая старушка.

Догоняя её, Кудряшов вдруг понял, что это его мама, Надежда Павловна, — по походке узнал, по приподнятому левому плечу — никогда прежде не унывавшая, всегда по-крестьянски охочая до острого словца. Только когда похоронила старшего сына, сделалась тихой, задумчивой. Сын под машину попал, работая на уборке хлебов: менял пробитое колесо, а какому-то пьяному лихачу дороги оказалось мало... Через год и дочь угасла, с детства страдавшая пороком сердца. У сына двое детей остались, а дочь так и не завела семью. А вскоре и муж убрался — одно к одному. Виктор тогда зачистил: накопит выходных и мчится к маме. Несколько дней поработает по хозяйству — и назад, в Москву, «баранку» крутить. Когда вышел на пенсию, почаще стал ездить, подольше гостить. Но опять же летом. А зимой в селе делать нечего, поэтому реже ездил. Да и матушка заботливо упреждала: «Чего по снегу колготиться? Вот весна придёт — тогда другой почин!» Он так и делал. В этом году в середине сентября напоследок бывал и не знал, когда судьба приведёт на родную землю.

Кудряшов роста среднего, сухой, лёгкий, и быстро догнал маму, окликнул. Услышав родной голос, она остановилась, во все глаза рассматривая сына.

— Вот ты каким стал?! — радостно удивилась его неожиданному появлению.

— Каким же? — спросил Виктор и поцеловал, обнял и отобрал сумку, укорил: — Чего же про больницу-то не сообщила?

— До последнего дня не знала — попаду ли туда. А то знаешь как: наобещают, а язык-то без костей. Перед операцией хватилась — телефона нет. Где-то посеяла.

— Да уж знаю, вчера Настя доложила!

— Ну и хорошо, что доложила.

— Как зрение после операции?

— Ой, и не спрашивай. Хоть и один хрусталик поменяли, а как заново родилась. Теперь всё подряд вижу, тебя вот разглядела. Не очень-то изменился. Это и хорошо. Не спеши, успеешь состариться.

— Второй-то будут менять?

— Обещали... Сказали, сразу нельзя, но я и одному рада... А ты зачем пешком-то?

— Машину в ремонт отогнал...

— А-а... А я подумала: уж не случилось ли чего?

Она пыталась подладиться под его быструю ходьбу, а он, разогнавшись, не мог приспособиться к её частому шагу, невольно увлекал за собой, и Надежда Павловна останови-

лась, кровь отхлынула от её лица, а «уточкин» нос, как она сама говорила, сразу обострился.

— Погоди, сынок, отдышись! — Она несколько раз глубоко вздохнула, словно проверяя себя, и сказала: — Вот теперь можно и далее идти, только не спеши.

Миновав слободу, они увидели своё Князево, и шли не то-ропясь, хотя погода не радовала: моросил дождь и подгонял стылый северо-западный ветер, по-здешнему — чичер. Настоящий, ноябрьский — такой, что от его студёного дыхания ломило бок. Асфальт заходил в село с правой стороны, а они шли напрямик, краем разбухшей грунтовки вдоль лощины — той самой дорогой, какой исстари ходили в райцентр.

В Князеве всё блестело от дождя: крыши, асфальт, пожухшие листья, местами мотавшиеся на клёнах и вётлах, а пруд покрылся рябью, казавшейся серебряной. Пока шли на свою улицу, никто им не встретился: мало осталось жителей на зиму, да и тех ненастье загнало под крышу.

Непорядок в доме Виктор заметил издали, увидев распахнутые ворота. Поставив сумки на скамейку перед палисадником, он прошёл во двор с нехорошим предчувствием. И действительно: дверь задней веранды оказалась незапертой, с вырванным пробоем, и он насторожённо ступил в дом и обомлел от беспорядка: провода содраны со стен вместе со счётчиком, концы того и гляди заискрят, кровати нет с периной и подушками, и телевизор пропал. Прошёл в кухню — там ни плиты газовой, ни холодильника, ложки-вилки загребли, а на полу разбитая банка с вареньем. Пока он осматривался, с улицы пришла мама и ужаснулась:

— Это что же такое творится-то, сынок? Горе-то какое! Ох-ох, съездила, называется.

Виктор позвонил в полицию, сообщил, кто он и откуда и попросил прислать кого-нибудь, чтобы зафиксировать кражу.

— А чего её фиксировать? — услышал в ответ. — Напишите заявление, составьте список похищенных вещей и принесите к нам.

— Хорошо, завтра так и сделаю.

— Сынок, а будет ли польза? — вмешалась Надежда Павловна, услышавшая разговор. — Ведь это не первый такой случай. Частенько по домам шарахаются. Одно время вроде поутихли, а в последние годы вернулась эта зараза. И никто никого не ищет. Это всем известно.

— Погоди...

Он вышел на улицу, заглянул в металлический короб, где всегда стоял газовый баллон, — его не было. Вернувшись, доложил:

— А ты знаешь, что и баллон уволокли!

— Ну и ладно. К Насте пойдём, у неё перекусим да почаёвничаем. Всё равно ведь плиты нет.

Уж чего-чего, а таскаться по чужим дворам Кудряшову не хотелось, поэтому не согласился:

— Печку сейчас протопим, воды принесу — не пропадём. А ты пока отдохни с дороги! — сказал он, как приказал, и снял с вешалки старую фуфайку, уложил на диван: — Вот тебе под голову. — Потом принёс из кладовки пальто на вате. — Укройся, в доме-то зябко. И лекарство выпей — щёки красные, наверное, давление поднялось от волнения.

При упоминании о печке Надежда Павловна встрепенулась:

— Сынок, у меня же под ней деньжонки хранятся. В кофейной банке они. Может, целы. Кочергой-то ковырни в правой стороне.

Хотя и трудно что-то разглядеть в тёмном подпечье без света, но, пошуровав кочергой, Кудряшов почувствовал, как что-то погромыхивает. Помаленьку, полегоньку подрёб банку, открыл крышку — и вот они, денежки. Виктор достал свёрнутые кольцом купюры, спросил, не пересчитывая:

— Сколько здесь?

— Тридцать две тысячи должно быть. Мои смертные. Возьми их теперь себе — сохранней будут.

Кудряшов деньги убрал и отправился к колодцу с уцелевшим ведром. Вернулся — дородная Настя пришла, о чём-то говорит с хозяйкой, приладившись у неё в ногах и заняв полдивана. Увидев Виктора, встрепенулась:

— Кому же это на ум пришло грабить старуху?! Ведь нас в селе осталось-то восемь постоянных жителей. Наверняка из райцентра прискакали. От кого-то узнали, что хозяйка в отъезде, значит, можно безобразничать.

— Кто это сделал, тот не придёт, не доложит! — отговорился Виктор.

Он сходил за дровами, принёс охапку и, зло грохнув её на пол у печки, начал драть с поленьев бересту для растопки, но Настя остановила:

— Не занимайся пустым делом. Собирайтесь — ко мне пойдём, а то мать совсем заморозил. Щами вас накормлю, и кровати две свободные имеются. — Она сказала это вроде бы настырно, но к её словам никто не прислушался по-настоящему. Тогда она поднялась, подошла к Виктору, положила руку ему на плечо: — Хватит, говорю, ерундой заниматься!

— И правильно, — вздохнул он и сказал маме: — Павловна, а ведь соседка права. Пошли!

Вместо того чтобы собираться, Надежда Павловна беззвучно затряслась в плаче, закрыла лицо руками и начала приготавливать:

— До какого срама дожила — по чужим избам приходится скитаться! Ох, хо, хо...

Виктор заколотил крест-накрест досками заднюю дверь, забрал продукты и, закрыв дверь с крыльца, они отправились наискось через пустынную улицу; мама прихватила горшок с геранью.

— Герань-то зачем таскать туда-сюда? — укорил Виктор.

— А затем, что в нетопленной избе растение испортится от холода. Вот зачем!

Молча дошли до соседки, повесили на вешалку куртки, разулись. Вместо тапочек хозяйка выдала по паре шерстяных носков, пояснила:

— В них теплее будет.

Уж сколько раз бывали здесь, а всё равно неуютно — не своё. Да и мысли по-прежнему об оставленном доме, словно брошенном на окончательное растерзание.

Пока гости располагались, Настя поставила на плиту разогревать кастрюльку со щами, порезала принесённую гостями колбасу, сыр, положила на отдельную тарелку соления. Видя, как посмотрел Виктор на огурцы, Настя сдержанно улыбнулась:

— Вижу, интерес проявил. Самая закуска. Могу и рюмку налить. Свойской.

Виктор рубанул ладонью по воздуху:

— Наливай, тётя Настя. В долгу не останусь.

Он выпил рюмку, с превеликим удовольствием похлебал щей с уткой. Пока они гремели ложками, хозяйка принялась чистить картошку, но Виктор остановил:

— Не суетись! Колбаса, сыр — всё есть. Лучше ещё рюмку налей!

Кудряшов никогда не увлекался выпивкой, но сейчас, после свалившихся волнений, с отчаянным удовольствием выпил повторно, а выпив, почувствовал мягкое расслабление. Пока мама рассказывала соседке о больничных днях, он обдумывал завтрашние заботы. Хочешь не хочешь, а надо покупать новую кровать, плиту, моток проводки, спросить в газовой службе о баллоне с редуктором — в общем, забот на завтра столько, что за один день не уладишь. И ещё подумал о том, что очень кстати захватил банковскую карточку, денег на которой вполне хватит на текущие расходы. Ведь не оставит же он свою мамульку на произвол судьбы, пока всё не обустроит. И деньги её не потратит. «Хорошо бы, конечно, её

взять с собой, как многие перевозят стариков на зиму в города, но как это исполнить, если сам занимаю десяти-метровку, пусть и в трёхкомнатной квартире, где есть одна свободная комната. Но это комната сыновей, живущих у жён. И если сыновья не станут возражать против приезда бабушки, то с женой об этом не особенно поговоришь, если она всегда недолюбливала свекровь, шпынявшую за курение. Мол, «мужикам уподобилась, сама мужиком станешь». Кому такие слова понравятся, пусть и справедливые?»

В последние годы Раиса, работавшая когда-то вместе с Виктором водителем, не курила, но холод в отношениях со свекровью так и остался. И Виктор редко когда вспоминал о маме при бывшей жене. Так что рад бы проявить сыновью любовь в нынешней ситуации, но нет к этому возможностей. Пришла и другая мысль: «А что если самому остаться, пожить зиму в Князеве. Привезти ружьё, вспомнить былые дни!» Он только в последние годы забросил охоту, а так каждый год, разбивая отпуске пополам, приезжал на две недели в село и гонял по окрестностям зайцев и лисиц с гончаками школьного товарища. Но товарища не стало, а без собак неинтересно ноги обивать. Так что теперь не до охоты, но ради мамы можно просто пожить рядом с ней, скрасить одиночество.

Много у него роилось мыслей, но по-настоящему зацепился только за одну: «Сейчас главное — наладить быт!» Под эту мысль он и заснул, когда Настя разобрала пышную постель и чуть ли не утонул в пуховой подушке и такой же перине.

Проснулся среди ночи от непонятной тревоги. Показалось, что за окном светила полная луна, но тени почему-то волновались, пульсировали, словно ветром колыхало лунный свет, казавшийся багровым. Пока он размышлял, сделалось совсем светло, и это заставило подняться, посмотреть в окно... Горел их дом!

Он вскочил, включил свет, в минуту оделся. Мама забеспокоилась:

— Сынок, что случилось?

— Случилось, Павловна, случилось... Пожар — наша изба горит!

— Ой, ой, ой...

Выскочив на улицу, Виктор побежал к избе, запоздало ругая себя за вчерашнюю беспечность с проводами... А малиновые снопы пламени тем временем загогулинами вырывались из окон и не подпускали к себе. Он вспом-

нил о телефоне, позвонил в экстренную службу, назвал адрес и стоял, не зная, что делать, наблюдая, как пламя струится под крышу. Подбежали запыхавшиеся женщины: заголосили, засуетились. Виктор спросил у Насти, где топор, сбегал за ним, принялся рубить прожилыны, пытаясь спасти хотя бы двор, но, пока рубил, огонь просочился через сени и полыхнул лавой с другой стороны. И Кудряшов окончательно отступил, понимая бессмысленность усилий.

Пожарные приехали тогда, когда остатки крыши напоминали о себе трескавшимся в огне шифером. Пламя не сдавалось, у пожарных закончилась вода, и они поехали к пруду. Вернулись — тушить стало нечего: балки и бревенчатые стены обрушились и догорали. Лишь печь с покосившейся трубой возвышалась закопчённым постаментом, усиливая отчаяние в душах.

— Ой, Господи, всё сгорело! — вздохнул кто-то из сельчан, разбуженных криками. Погоревав, потоптавшись вокруг, они вскоре разошлись.

Пролив дымившиеся головёшки, пожарные уехали, а тут и метель разыгралась. Сверху снег за воротник лезет, под ногами вода хлопает — хуже момента не придумаешь. Вскоре всё вокруг сделалось белым-бело, только горелище зловеще чернело в свете хмурого утра, казавшегося бесконечно стылым — по-настоящему, по-ноябрьски. Копаться в головешках, пытаясь хоть-то что-то найти из утвари, было бессмысленно.

— Ну и что, сынок, нам теперь делать? — спросила Надежда Павловна.

— В Москву поедем. У меня теперь будешь жить!

— А как же моя сноха распрекрасная?

— Что сноха? У неё своя комната есть, вот пусть в ней и сидит. А тебя поселю в большой, ширму поставлю.

— Рьяная у тебя Раиса, как есть рьяная! До сих пор обиду держит, что развёлся с ней. Поэтому и со мной разговаривать не будет.

— Нужен тебе её разговор. В крайнем случае, в моей комнате обоснуешься.

— А ты? Ведь я помню твою клетушку — в ней одному-то не повернуться.

— Поворачиваюсь. Стол с компьютером разверну к окну, секретер выброшу — ещё одну кровать поставлю.

— Сынок, а может, мне пока у Насти пожить, а ты съездишь в Москву, с Раисой обговоришь эту затею, чтобы мне не нахрапом явиться. Чего зря бучу поднимать?

— Зачем мотаться туда-сюда? Пробежусь сегодня по конторам, разузнаю, как перевести твою пенсию, о страховке за дом похлопочу — и можем отправляться. Чего Насте мешать?

— Да она только рада будет, если останусь.

— Сперва-то, может, и будет, да тебе самой-то каково? А дети её навестить приедут, чего она им скажет?.. Молчишь! Вот именно! Так что не будем зря переливать из пустого в порожнее.

Вернувшись к Насте, Виктор выпил бокал чаю и попытался дозвониться до такси по номеру, кем-то жирно нарисованному на листочке над дверью. Дозвонился, и через пятнадцать минут пришла машина.

Шёл уже десятый час, все конторы в райцентре работали, но без доверенности нигде заявления не приняли, а его объяснение ситуации ни на кого не подействовало.

— Да вы не спешите, — попыталась его успокоить в страховой компании молодая, уверенная в себе женщина, аккуратно причёсанная и светившаяся внутренней чистотой, будто спустившаяся с заоблачных высот, — выплата страховки по несчастному случаю — дело нескорое. Вам сперва необходимо получить от мамы доверенность, потом восстановить документы. В общем, дел много, и все тягомотные.

— Но ведь зима на носу!

— Понимаю. Поэтому тем более необходимо поступать разумно. Отвезите маму, оформите доверенность, а после возвращайтесь. Остановиться есть у кого?

— Есть.

— Вот и прекрасно. Тогда желаю удачи.

После такого разговора у Кудряшова сразу сложился план: немедленно уехать в Москву, пожить какое-то время с мамой, чтобы она освоилась в квартире, а после вернуться и разделаться с бумажной волокитой. Так и решил. И хорошо, что не отпустил такси. По дороге в Князево попросил водителя подождать за дополнительную плату, пока они соберутся, чтобы потом отвезти к автобусу. О деньгах Виктор в эти минуты не думал, а заботился лишь о том, как поменьше волновать матушку. А та действительно разволновалась, когда он сказал о скором отъезде.

— Уехать недолго. Добился чего? — спросила она, заглядывая сыну в глаза, словно он мог утаить правду.

— Мам, чего добьёшься насскоком? Так, навёл кое-какие справки. Суеты будет невпроворот.

— А я кошку нашу нашла! — неожиданно похвалилась она. — Ты как уехал, я вновь пошла на пепелище, глядь, она из кустов выбегает. Теперь с Маруськой не знаю, что делать. Видишь, не отходит — боится потеряться.

-
- Теперь не потеряется...
- Сынок, а как же с пенсией быть? Мне же на днях принесут её!
- Настя получит, куда пенсия не денется. А потом напишем заявление, по новому адресу будешь получать. Не проблема.
- А дома-то у тебя как? Раиса примет?
- Мам, ты не к ней едешь, а ко мне. Чего непонятного-то?
- Надежда Павловна промолчала, уставилась в одну точку, и её внезапное оцепенение не понравилось Виктору. Вдруг, она встрепенулась:
- А если на порог не пустит! Что тогда делать?
- Опять ты за старое. Только же объяснил, что едешь ко мне, а не к ней! В общем, давай-ка перекусим — и в путь с Божией помощью! Машина ждёт — прохладиться некогда.
- Надежда Павловна обиженно вздохнула, а Виктор спросил у хозяйки:
- Тётъ Насть, чего-нибудь пожевать найдётся?
- Хватился. Пока ты отлучался, картошки нажарила, огурчики есть, суп свежий на плите дожидается. А вы всё-таки уезжаете?
- Сейчас соберёмся, хотя собирать-то нечего. Да, мам, — вспомнил он, — а паспорт твой где?
- В куртке должен быть. Как вчера вернулась из больницы, так и не трогала.
- Ну и хорошо, а то бы сгорел с другими документами. А без паспорта сейчас ни в автобус не пустят, ни в экспресс!
- Он убедился, что паспорт на месте, оставил его у себя. Когда перекусил, поблагодарил:
- Спасибо, тётъ Насть, что приютила! Мам, нам пора!
- А та сразу к хозяйке приткнулась — и в слёзы:
- Оставляю тебя, милка дорогая, а у самой как нож вострый под сердцем!.. Герань часто не поливай, за Маруськой приглядывай. Мы с ней за одну ночь стали бездомными...
- Ерунды-то не говори! У такого заботливого сына — бездомная? А о пожаре забудь. Как говорится, страшно гореть, а отстроитесь — будет любо смотреть.
- Куда уж мне теперь строиться... К сыну поеду. Сноха не примет — в интернат своим ходом уйду.
- Вот, возьми — пригодится! — попросила Настя.
- Что это?
- Бельишко на первый случай... Новое совсем.
- Теть Насть, это нормально? Неужели в Москве не купим? — возмутился Виктор. — Лучше одолжи носки. Промок на пожаре — до сих пор ноги мокрые.
-

Пока он переобувался, Надежда Павловна спросила:
— А может, взять белишко-то? Чего же я побирушкой явлюсь?

— Мам, хватит огород городить, — и подхватил её под руку: — Пошли!

Они выбрались на крыльцо, и кошка за ними.

— Теть Насть, не пускай её, пока сядем в машину.

Увидев их, мухортый, коротко стриженный водитель смахнул с подбородка шелуху подсолнушков, завёл двигатель, а отъезжающие обнялись с хозяйкой. Чтобы не разводить канитель, Кудряшов ускорил прощание, буквально оторвав маму от Насти, державшей на руках Маруську.

— Поехали, шеф! — попросил Виктор, как только закрыл двери. — Как говорится, с Богом!

Он сам перекрестился, перекрестилась Надежда Павловна и вновь скукожилась. Доехали быстро. До автобуса оставалось полчаса, и, отпустив водителя, Виктор усадил маму в зальчике ожидания автостанции, купил билеты и сходил в магазин — взял еды и воды на дорогу. Выйдя из магазина, позвонил жене, объяснил ситуацию, попросил на несколько дней приютить маму в большой комнате, пока не купит для неё кровать. Раиса вроде бы согласилась, но неохотно, хотя чего он хотел? Чтобы визжала от восторга? Совсем-то не отказала — и то хорошо.

Когда подошёл автобус, Надежда Павловна вздохнула:

— Вот, Витя, и дня не прошло, а я каликой перехожей стала.

— Мам, хватит, — негромко отозвался он. — Всё уже решили.

До Рязани они почти не говорили. Вышли на площади Победы, переулком добрались до вокзала и через час устроились в вагоне второго класса экспресса «Рязань—Москва». Надежда Павловна давно не ездила на поезде, тем более таком, где всё светилося чистотой, и, усевшись в мягкое кресло, покачала головой:

— Барыней поеду. Вот страсть-то какая.

Она какое-то время озиралась, обживаясь, а пока поезд мягко набирал скорость, неожиданно задремала, уткнувшись сыну в плечо, а он боялся шевельнуться, чтобы не нарушать её покоя, и смотрел на себя словно со стороны. Никогда Кудряшов не думал, что так сложатся обстоятельства, когда надо принимать нелёгкое решение, и он его принял. И теперь радовался этому. Представляя, как удивятся сыновья, когда приедут навестить бабушку. Кудряшов даже улыбнулся от такой картины, но улыбка долго не светилась — забота перешила. И главное в ней — мысль о том, как встретит жена

свекровь, как вообще отнесётся к её приезду. Ведь не на два-три дня, как прежде иногда приезжала, а навсегда.

Перед Коломной неожиданно позвонила Раиса, чем немало удивила Кудряшова, и спросила, когда их ждать.

— В десятом часу будем дома.

— Ну и хорошо. Женьке сейчас сообщу. Он обещал подъехать.

От звонка жены, от её заботы настроение улучшилось. А если и младший сын подъедет, то и вовсе прекрасно. Оба сына всегда интересовались бабушкой Надей. Как приедут — сплошные воспоминания о детских поездках в Князево.

А бабушка Надя после Коломны проснулась и сразу оглядчиво спросила:

— Сынок, а уборная-то здесь есть?

Он проводил её до туалета в соседнем вагоне, сказал, что потом надо нажать нижнюю кнопку на стенке, и показал, где помыть руки. Дождался в тамбуре и проводил до места, подерживая под локоть, когда вагон качало. Она привычно уселась в кресло и вздохнула:

— Какая же я счастливая, какой же у меня сынок желанный.

Она помуслёкала пряник, попила воды и вновь прислонилась к его плечу, задремала.

Когда миновали Воскресенск и Раменское, Надежда Павловна будто бы вздрогнула, открыла глаза и тревожно посмотрела на сына:

— Что-то нехорошо мне стало, воздуха мало...

И действительно, её лицо изменилось, а глаза испуганно забегали, словно она не понимала, что с ней происходит. И вдруг сильно побледнела.

— Мам, мам, что с тобой? — Виктор испуганно встрепенулся, когда она обмякла и склонила голову. — Врач, есть врач в вагоне? — закричал Кудряшов, приподнявшись над креслами, и увидел спешащую худенькую проводницу.

— Что случилось? — торопливо спросила она.

— Маме плохо. Врача ей надо!

Проводница кому-то позвонила, сказав: «Срочно объяви, что в седьмом вагоне женщине плохо, попроси врачей подойти!» И добавила для Кудряшова:

— Не волнуйтесь. Такие случаи у нас бывают.

Машинист сразу же объявил по радио, что в седьмом вагоне плохо пассажирке, попросил подойти врачей, если таковые имеются среди пассажиров.

Пока Кудряшов разговаривал с проводницей, пока дождался объявления, ему показалось, что прошла вечность.

Вскоре с разных сторон появились нарядная женщина и седой мужчина, назвавшиеся врачами. На счастье, мужчина оказался кардиологом. Он только взглянул на обмякшую Надежду Павловну и сразу скомандовал:

— Женщину на пол... — и помог Виктору уложить её на ковёр в проходе между креслами.

Он начал делать непрямой массаж сердца, а женщина-врач дуть ей в рот. Мужчина при этом повторял и повторял:

— Ну, заводись же, заводись...

Кудряшов, слушая его, вдруг понял, что врач обращается к сердцу мамы... Значит, оно не работает, остановилось... От этой мысли Кудряшову едва самому не стало плохо. Он стоял за спиной доктора и почти ничего не соображал. Даже не заметил, в какой момент тот выпрямился, лишь услышал его слова:

— Не запустилось... Это выше наших сил...

Они подняли Надежду Павловну, неуклюже усадили в кресло. Врач закрыл ей глаза, а Виктор прикрыл лицо курткой. Любопытные пассажиры разошлись, а пришедшая бригадир поезда, строгая и уверенная на вид, объявила, будто на собрании:

— Уважаемые пассажиры, кто желает, может пройти в соседние вагоны. Мест достаточно. — И добавила для Кудряшова: — Мы вызовем «скорую» на Казанский. Вы в Москве живёте? — Кудряшов кивнул. — Вот и хорошо — вам проще будет.

«Ох, как просто — проще не бывает!» — подумал Виктор. Мысли его в этот момент были совершенно неорганизованными, сумбурными. Да и разве могут они быть иными, если за истекшие сутки, с того момента, когда он догнал маму в слободе, прошла череда опустошающих событий.

Бригадир ушла, некоторые пассажиры действительно перребрались в соседние вагоны, но многие остались, будто из солидарности с Виктором. Он осторожно присел рядом мамой, почти незаметной под курткой, только-только начиная понимать, что произошло самое ужасное событие в жизни. Он даже про себя боялся произнести пугающее слово, обозначающее её состояние; ему всё ещё не верилось в это. Казалось, стоило лишь приподнять куртку, посмотреть на маму, сказать ей ласковое слово, и они вновь разговорятся.

Когда поезд начал замедлять ход перед вокзалом, его мысли сменились. Теперь он представлял, что надо сделать сейчас, что завтра, что послезавтра: оповестить родственников, заказать машину, чтобы переправить маму на родину, где она, как всегда просила, обретёт вечный покой рядом с детьми и

мужем. Она в последние годы даже огородила колышками и обнесла проволокой место рядом ними, боясь, что его займут, и тогда придётся лежать в дальнем углу с чужими людьми. Он обязательно исполнит её желание, и даже когда это случится, поступит по её примеру: так же прирежет кусок кладбищенской земли, чтобы потом быть вместе со своими. Что ему Москва, зачем она? Увезут на какое-нибудь бесконечное подмосковное кладбище, и кукуй там, а в Князеве — совсем иное дело. А дети и внуки уж раз-то в год соберутся, приедут. Зачем чаще душу травить. Да и не любит земля тех, кто частит: начнёт манить, притягивать.

Когда поезд остановился, на перроне Кудряшова ждали два санитары и какой-то начальник из железнодорожников. Они уложили Надежду Павловну на носилки, прикрыли лицо зелёным полотнищем, казавшимся при освещении чёрным, и понесли к выходу с перрона, где их ждала санитарная машина. Когда тело погрузили, у Кудряшова спросили фамилию, уточнили, кем он доводится женщине. Повезли, как сказали, в морг 36-й больницы. И он поехал. На месте ничего особенно не объясняли, лишь забрали мамин паспорт, сообщили номер телефона, по которому можно звонить для справок, спросили, когда родственники планируют забирать тело.

Он вышел из больницы и только-только вспомнил, что до дома десять минут ходьбы, подумал: «Совсем немного мама не доехала». Пока шёл, позвонили. Достал трубку — звонил Евгений и сразу с вопросом:

— Вы где? Ждём вас!

— Скоро буду.. — У Виктора пока не хватило сил сказать о том, что произошло. Да и не расскажешь обо всём по телефону.

Дома его действительно ждали. Сын, увидев одного, удивился, спросил таким тоном, словно отец обманул:

— Пап, а где баба Надя?

— Сейчас расскажу.. Позволь хотя бы раздеться. — Он внимательно посмотрел на сына, вдруг обнаружив, что тот удивительно похож на бабушку.

Кудряшов молча разделся, умылся с дороги. Жена и сын тоже выжидаючи молчали, понимая, что что-то произошло.

— Иди, поешь! — неожиданно предложила Раиса. — Всё на столе.

Виктор не чувствовал голода, но всё-таки заглянул на «чужую» территорию, как он называл большую комнату, и увидел накрытый стол, а на диване приготовленное для мамы постельное бельё. Он присел, в душе радуясь отзывчивости бывшей жены, по-доброму откликнувшейся на его просьбу.

— Ждёте, что скажу?.. Нет больше Павловны. В поезде скончалась. С вокзала увезли в морг... Поэтому и задержался. — Жена и сын не знали, что сказать, а зашевелились лишь тогда, когда он вздохнул: — Ладно, её уже не вернёшь. Теперь надо думать о том, как проводить в последний путь.

Виктор сел за стол, налил себе соку, осушил бокал и рассказал, что произошло за истекшие сутки.

— Чего я один-то. Садитесь рядом.

Жена присела, а сын извинился:

— Помчусь я, жена ждёт. Созвонимся.

— На похороны-то поедешь?

— Пап, обязательно. Бабушка ведь! И Виталик, думаю, тоже.

— И я! — заявила Рая. — Чего вы там без меня?!

Сына проводили до лифта, а сами вернулись к столу. Кудряшов внимательно посмотрев в Раины тёмно-карие глаза, словно давно их не видел:

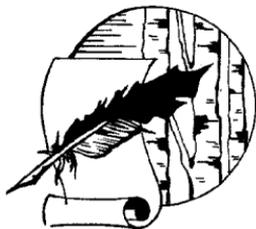
— Спасибо тебе за маму!

Она попыталась что-то сказать, но он мягко остановил:

— Не надо, ничего не говори.

Тем не менее они проговорили допоздна, хотя в иной день и единого слова могли не произнести. А теперь будто ждали сегодняшних событий. В какой-то момент он всё же замолчал, приобнял её, мягко привлёк к себе; они так и сидели, думая о чём-то своём.

Кудряшов не знал, как сложится дальнейшая жизнь с бывшей женой, чем ещё она удивит, но в том, что она со временем непременно станет иной, лучше — не сомневался. Ему очень хотелось этого, хотелось прежнего внимания, тепла, перед которым был бы бессилён даже ноябрьский промозглый чичер, разгулявшийся за окнами в эту ночь...

Людмила ЩИПАХИНА

ДАР ВЕЧНОСТИ

ВСПОМНИМ...

Судьба тяготеет к общению.
Нам опыт полезен чужой.
Взаимное обогащение —
Где разум сольётся с душой.

Ведь каждый неизвестный житель
Прекрасной планеты Земля,
Твой родственник, друг и учитель —
Флажок на борту корабля...

Житейскую выдержим выюгу,
Добра и любви не тая!..
И выйдем навстречу друг к другу
В любом уголке бытия...

ВОЙНА ИНФОРМАЦИОННАЯ

Мы всё время под прицелом,
Неудобный, трудный класс...
Лживым бреднем миром целым
Злоба рушится на нас.
Не теряют ни минуты,
Искажают каждый звук
Шулерские институты
Охмуряющих наук...
За валютную награду
Мировой поднимут крик.
Ну а мы-то знаем правду!
Чуток слух, хоть нем язык.

Есть у нас святой, глубинный,
Осененный Богом, код.
Наш незыблемый, единый
Русский праведный народ.
Не в пустыне обитаем...
Нам разгадки по уму.
Мы-то видим, мы-то знаем,
Понимаем, что к чему...
Злом на зло не отвечаем.
Но в ответе за страну.
Смертоносное молчанье...
Правда — любит тишину.

УКРАИНА

Вспоминаю с лёгкой грустью:
Жили отпрыски славянства
Слитно с Киевскою Русью
Без враждебности и чванства.

В отдалённую годину —
Выжечь память не велю —
Я любила Украину!
Может, всё ещё люблю...

Были вместе — мощь и сила!
Был понятен нам язык.
Я кохала. Я любила.
Пела песню про рушник...

Кто же за твоей спиной
Рушит древнее родство?
Что ж враждуешь ты со мною?
Ложь возводишь в торжество...

Я тебя не оттолкнула.
Ума-разума ждала...
... Ты же мене пидманула,
Ты же мене пидвела.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

...Вот гул фанфар умолк
И в буднях — разметался...

Прошёл Бессмертный полк...
Прошёл? Или — остался?

И сквозь буран вестей
Мы слышим голос дерзкий,
Что по планете всей
Прошёл народ советский.

Что мы — к плечу плечо.
Что память — нам награда.
Что в силе мы ещё,
И нас дразнить не надо.

Хранители веков,
Морей, лесов и пашен,
Мы все — бойцы полков,
И гнев святой наш — страшен.

Знамён нетленен шёлк...
Ну а в недобром часе —
Бессмертный мирный полк
У нас всегда в запасе!

САНКЦИИ НА ПОЭЗИЮ

Какая долгая дистанция
Душевной смуты и грехов...
На Музу наложили санкцию:
Без денег — никаких стихов!

За публикации — платите!
Нет денег — и поэта нет.
Властям опасен мир наитий,
Мир красоты и правды свет.

И телевизор не покажет,
И радио не повторит.
Такие санкции, что даже
И рукопись твоя сгорит!

Такие жизни повороты.
Но, как поэтов ни кляни,
Они в России — патриоты,
Коль настоящие они.

Они не смолкнут, обессилив, —
На санкции плевали те!
И, может, лишь они Россию
На горней держат высоте.

* * *

Неправда, что я далеко
От взрывов смертельных и боли.
Меня уничтожить легко
И в тихой, домашней неволе...

Не зря, как незримая тень,
Я словно дежурю у пульта...
Почти что — живая мишень.
Почти что — на грани инсульта.

И если пока повезло,
И спрятана чёрная метка,
Мы знаем, вселенское зло
Работает чётко и метко.

И как безутешную мать,
Рвёт сердце глухая забота:
В Синайской пустыне искать
Забытую тень самолёта...

Пускай никого не спасти.
В песках, где чернеет воронка,
Но можно к губам поднести
Остывшую руку ребёнка...

И снова от боли кричу.
И снова — всемирная драма.
И вновь зажигаю свечу
На скорбной плите Нотр-Дама...

Найти меня в мире легко
По флагу, слезам и одежде...
...Не верьте, что я далеко.
Я, может быть, ближе, чем прежде.

* * *

Как сладко возвышенно жить!
В корректном и мирном блаженстве.
Народному счастью служить,
Владея враньём в совершенстве.

От фальши трещит голова.
Унынье, порой, — у собратьев...
А левых и правых слова
Сомкнулись в горячих объятьях.

Клянясь, призывая, кляня,
Подобием мутной стихии,
Уже довела болтовня
Отчизну до гипертонии...

Запрятаны в космос концы.
В реальных делах, без наитий —
Вожди, фарисеи, лжецы —
Подельники крипто-событий...

Наш путь — не левее сердец.
А правда — Пророк и Учитель!
И каждый разумный — борец.
И каждый прозревший — воитель!

РУССКАЯ ВИНА

Ты тем уж, русский, виноват,
Что территорией богат,
Что Бог пространством одарил
От Балтики и до Курил.

Сибирью прирастил простор.
Кольцом морей, громадой гор.
Все земли, щедро населив
Народом, сказочным, как миф...

И тем ещё ты виноват,
Что каждый ближний — друг и брат,
Что свято чтят и млад и стар
Соборности великий дар.

Ты виноват, что тыщи лет
Хранишь величие побед.
А беды злые сквозь года
Не забываешь никогда...

Грозит чужая сторона,
Что русским — велика страна!
Взорвать её, распять, спалить!
Всё отобрать и поделить...

Не обольщайтесь, мудрецы.
За нами — деды и отцы.
С судьбой не затевайте торг.
Мы — русские...
Какой восторг!

ХАОС

Нет ни правды, ни покоя...
Всё увязло. Всё — не впрок!
Хаос — что это такое:
Способ, метод или рок?

И проплаченная гласность
Разъяснит феномен наш:
Это — русская халатность!
(А не чей-то саботаж...)

Мы же знаем эту моду
Загрebuщих ловкачей: —
В грязных водах, в мутных водах
Рыбка ловится легчей.

И без ёрничества злого
Я скажу на это так:
Хаос — это, право слово,
Управляемый бардак!

ЕСЛИ ВМЕСТЕ

Ранним утром ветер звонкий,
В бликах розовых строенья...
Даже властные подонки
Не испортят настроенья.

Пусть они нам ямы роют,
Обещают бездны бед,
Но зарю — не перекроют!
И не выключат рассвет.

Нас запугивать не надо,
Будет утро — день придёт.
Если вместе — мы Громада.
Если вместе — мы Народ!

Просыпайтесь! Утро встало.
Пусть надеждой дышит грудь!
Выбирайте, как бывало,
Позабытый *светлый путь!*

...Кто — налево, кто — направо,
Кто совсем куда-то вбок...
...Сокрушительно и здраво,
Всё исправит Русский Бог!

* * *

Вдали от солнечного света
Моя Славянская планета.
Но всем клеветникам назло
На ней по-прежнему светло.

Иной, благословенный Свет,
Хранит её сквозь темень бед .
Иная, неземная власть
Не даст ей сгинуть и пропасть.

От тайных знаний, от зари
Тот свет сакральный, он — внутри.
Дар вечности моей стране.
И ей не нужен свет извне!

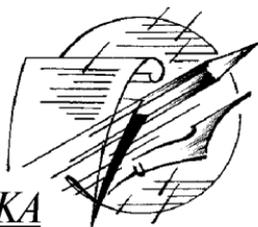
БЕДЫ РОССИЙСКОГО ЛЕСА

На фоне острого социально-экономического кризиса и экологических бедствий в России закономерно назрели и перезрели вопросы, касающиеся сохранения лесного фонда. Российский лес бесконтрольно вырубается, выжигается, загрязняется. Как остановить столь убийственный процесс?

Тайга гибнет — власть бездействует. После развала СССР так называемые «эффективные собственники», почуяв быструю прибыль, невзирая на неприкосновенность природных заповедных мест, начали вырубать лесные массивы и возводить для себя «элитные посёлки», фактически уничтожая флору и фауну нашей страны.

Нужно признать, что нынешняя власть не может (или не хочет) кардинально исправить ситуацию в экологической сфере; причём беспощадная и бесконтрольная эксплуатация лесных ресурсов уже обернулась для России самыми тяжёлыми последствиями.

В данной статье ставится цель не только показать всю опасность хищнического отношения к лесной отрасли, но и то, что с радикальными мерами медлить нельзя.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ещё в 1990-х годах в процессе разрушительных «рыночных реформ» начался процесс ликвидации лесничеств, пожарных команд, противопожарной авиации, который продолжается до сих пор. При этом роковую роль сыграли не только приватизация госсобственности, но и финансовое удушение лесных хозяйств. При этом олигархи, пользуясь явным попустительством со стороны как федеральных, так и местных властей, всячески стремились и стремятся захватить в свою собственность лучшие заповедные места и прибрежные районы.

Так, принятый ещё в 2006 году Лесной кодекс фактически привёл к упадку системы государственного управления лесами, что привело к колоссальным потерям. При этом в законодательство внесли многочисленные поправки, которые, по существу, уничтожили государственную лесную охрану. Разумеется, в интересах т.н. «эффективных собственников» и зарубежных «инвесторов». После вступления в силу злополучного кодекса всё управление лесным хозяйством было передано от центра в регионы; таким образом, нарушилось единство контрольно-надзорной и хозяйственной функции лесного ведомства. Были ликвидированы лесхозы, а вместе с этим было уволено свыше 90 тысяч лесников. О рейдерских захватах лесных участков и территорий водоохранной зоны для последующего строительства коттеджных посёлков даже говорить не приходится.

Лесные пожары в современной России стали вообще национальным бедствием. Так, только в июне-августе прошлого года площадь сгоревших лесных территорий составила свыше 13 млн. гектаров (в том числе в сибирских регионах — более 4,3 млн. га). Учитывая нынешнее «огненное лето», Россия тем самым быстрыми темпами превращается в выжженную пустыню.

Алчные лесорубы-предприниматели, опасаясь справедливого наказания, громко кричат: масштабы вырубок намного меньше, чем масштабы пожаров. Зачем запрещать рубки, если лес всё равно сгорит? Здесь разум совершенно отсутствует, и его заменяет страсть к прибыли любой ценой.

В настоящее время контроль за рубкой древесины фактически не ведётся. Порубочные остатки не вывозятся, а остаются на месте, увеличивая вероятность пожара. В этих завалах размножаются вредители леса. Ещё в прошлом году биологи выявили в России новую разновидность такого вредного насекомого, как полиграф.

В Советском Союзе ситуация была совершенно иной. Раньше в каждом регионе рано утром, как только рассветало, в

небо поднимались самолёты. Они пролетали над своим регионом, пилоты определяли, где находится очаг пожара и моментально высылали пожарных. В современной России такой авиационный мониторинг уже давно не проводится.

Кроме того, в советское время лесничества проводили масштабные проверки: к каждому из лесников было прикреплено трое пожарных-добровольцев из местных жителей. Если где-то что-то загоралось, они быстро выезжали на мотоцикле в район происшествия (причём бензин оплачивался) и тушили пожар «в зародыше». Лесники лично маркировали деревья, которые шли под вырубку. А чтобы вырезать большой лес, достаточно было получить разрешение в лесхозе.

С развитием частного рынка зарубежные дельцы стали усиленно проникать в лесную отрасль России. Ежедневно с «кругляком» вывозятся десятки грузовых машин и железнодорожных составов. Причём готовая продукция из нашего же леса продаётся нам втридорога, что наносит огромный ущерб не только экологии, но и отечественной лесной промышленности.

Более того, РФ лидирует в списке стран, уничтожающих леса; причём рейтинг был составлен в результате независимых российских и зарубежных статистических исследований, которые изучили информацию о глубоком кризисе в лесной отрасли и выяснили, что ежегодно на законных основаниях вырубается сплошным методом около 1 млн. гектаров российского леса. Кроме этого, по оценкам экспертов, ещё около 40% официального объёма вырубает нелегально. Значительно больше леса гибнет в пожарах: в 2017 году сгорело 1,4 млн. гектаров, а в 2018 году сгорело уже 3,2 млн. га. Часть лесов теряется из-за добычи полезных ископаемых, строительства инфраструктуры, вредителей. Только в 2017—2018 годах болезнями и вредными насекомыми было повреждено 4,8 млн. га леса.

Таким образом, общая потеря лесов (не считая повреждённых) в 2018 году составила около 4,6 млн. гектаров.

По подсчётам экспертов, для того, чтобы Россия смогла полностью восстановить свои лесные массивы, ей понадобится минимум 100 лет, при условии, что перестанут вырубать и выжигать леса.

Однако даже в такой катастрофической ситуации звучат предложения о спасении тайги. Так, депутаты Алтайского краевого законодательного собрания неоднократно требовали тушить пожары в Сибири с помощью водяных авиабомб, как это делают в Швеции и Китае. Оказывается, специальные авиабомбы с огнегасящим средством были разработаны ещё в Советском Союзе. Так, водяная авиабомба «АСП-500»

была разработана специально для тушения пожаров на огромных площадях. При взрыве подобной авиабомбы не только активно поглощается кислород, но и подавляются очаги горения. На сегодня в Китае ведётся борьба с пожарами при помощи специальных противопожарных снарядов. При ударе о землю такой заряд распыляет смесь, которая мгновенно гасит пламя на площади до 1 тыс. квадратных метров.

Но зато правительство России наперебой предлагает другим странам всемерную помощь в тушении лесных пожаров, ликвидации последствий других стихийных бедствий. При этом нашей стране никто даже не предлагает никакой помощи — РФ поможет всем, у россиян щедрая душа.

Однако от огненной стихии страдают не только леса. Огромный ущерб нанесён и животному миру. Так, газета «Новые Известия» попросила биологов Забайкальского края прокомментировать ситуацию с животными. *«У каждого региона есть теперь своя «Красная книга» животных. В «Красную книгу» Забайкалья внесены многие виды. Например, из млекопитающих — горный баран. Якутия — место обитания занесённого в «Красную книгу» стерха, белого журавля. Сколько стерхов спасутся после нынешних пожаров — не берётся анализировать ни один специалист. Погибнуть могут в первую очередь мелкие животные — летучие мыши, грызуны, соболь. Олень, лось, кабарга, волк, заяц-беляк, обитающие в наших краях, будут мигрировать, если спасутся. Сейчас млекопитающие в панике бегут от огня. Им некуда деваться — северный олень, медведи часто выходят к местам, где живут люди. Прощитать их поведение сложно, надо учитывать, что это раздражённые животные, они могут проявить агрессию»,* — прокомментировал кризисную ситуацию преподаватель кафедры биологии Забайкальского государственного университета, кандидат биологических наук Олег Корсун.

По данным независимых источников, если в нашей стране не прекратятся ни варварская вырубка лесов, ни поджоги, то уже через 35—45 лет в России лесных пространств не останется вообще. Комментарий, как говорится, излишни.

Наконец, необходимо признать, хотим мы этого, или нет, но мы, рядовые граждане также вносим свой «вклад» в уничтожение родной природы. Отдыхая от городской суеты, дачники, грибники и просто туристы оставляют после себя горы мусора, непотушенные костры и окурки, не задумываясь о последствиях, по принципу: «На наш век хватит», полагая, что именно другие люди должны за ними убирать.

К огромному сожалению, большинство россиян до сих пор не относятся к природе как к своей прародительнице, защит-

нице и целительнице. И хотя мы отовсюду слышим бесконечные призывы охранять природу и клятвенные заверения о её охране, грош цена таким призывам, когда в игру вступает большой бизнес, — главное, урвать кусок пожирнее, невзирая на совесть и законы.

Для отдельного человека в частности и общества в целом экологическая культура является способом согласования природного и социального развития, при котором обеспечивается сохранение окружающей природной среды. Формирование экологической культуры предполагает перестройку мировоззрения, создание новой системы ценностей, отказ от потребительского подхода к природе, выработку у человека умения соизмерять свои потребности с возможностями природы.

Чтобы переломить столь катастрофическую ситуацию в российской лесной отрасли, необходимо в короткие сроки принять следующие меры:

Национализировать лесные массивы и земельные угодья;

Создать Министерства лесного хозяйства и водных ресурсов с увеличением числа лесничеств;

Активизировать борьбу с «чёрными лесорубами»;

Существенно ограничить приток иностранных туристов в особо охраняемые зоны;

Внести новые, более жёсткие административные и уголовные наказания за экологические преступления. Никто не должен уйти от ответственности, невзирая на должность и чин;

Снести незаконно построенные «элитные посёлки», коттеджи;

Создать специальные экологические фонды для сборов укрупнённых штрафов с последующим облагораживанием территорий;

Существенно улучшить наблюдение за лесами (в том числе с помощью беспилотников); модернизировать авиапарк лесоохраны;

Запретить иностранцам арендовать российские земли.

Таким образом, леса России являются на сегодняшний день одной из важнейших составляющих восстановления свежего воздуха на планете. Так что лесные пожары в нашей стране — это проблема и глобального масштаба.

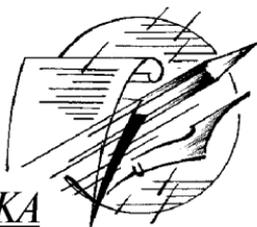
Но на помощь извне рассчитывать не приходится. Нам всем вместе надо осознать: уничтожение лесов России означает уничтожение самой России.

Именно с этой позиции и следует расценивать все связанные с лесом проблемы. Начать надо с того, чтобы на законодательном уровне, прежде всего на конституционном, **признать леса национальным достоянием России.**

НЕВОПЛОЩЁННАЯ МЕЧТА

Сахалин и Курилы не превратятся в острова кедров, как мечтал Иван Санжаров, создатель единственного в области кедрового питомника. В свободное от работы время сотрудник управления мониторинга городского хозяйства и главный борец с несанкционированными свалками вместе с сыном высадил в Корсаковском районе 5250 кедров, еще 22 тысячи раздал бесплатно всем желающим.

Семейный проект, реализуемый на собственные средства, разросся до впечатляющих масштабов. Было много планов: привлечение представителей власти и волонтеров, высадка «кедрят» в лесах, выращивание тисов, амурского бархата, белого ореха и других пород деревьев, выращивание красно-книжных растений, а в перспективе — разработка рекомендаций по восстановлению их популяций. И всё это — применительно к родному острову. Еще полгода назад, если бы кто-то сказал ему про переезд на Большую землю, Санжаров не поверил бы, но сегодня он собирается в Зеленоградск Калининградской области, чтобы посмотреть жилье и в августе следующего года перебраться туда с женой, сыном

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

и родителями. Власти Зеленоградска готовы выделить землю под кедровый питомник и всячески содействовать реализации экологического проекта. От сахалинских чиновников Иван Санжаров за почти десять лет такой готовности не дождался.

— Знаете, что поразило? Меня спросили: «А сахалинские власти вас отпускают? Как же так, ведь они потеряют такого энтузиаста?!» Так интересно было слышать это, зная, какой равнодушной проявила себя наша власть по отношению к общественным инициативам. Привыкший к этому равнодушию, я просто не мог поверить тому, что говорил мне по телефону представитель администрации Зеленоградска. Уже на следующий день после того, как я отправил главе района письмо, мне перезвонили и спросили — что вам нужно для реализации у нас кедрового проекта? Мы вам всё предоставим, создадим все условия. Это удивительно. В сахалинском правительстве на мои письма просто не отвечали. Значит, где-то есть еще неравнодушная власть. Была бы здесь хотя бы толика такой поддержки, я бы никуда не уехал, — говорит Санжаров.

Окончательное решение о переезде лесовод-любитель принял после истории с судом. Напомним, три члена дачного некоммерческого товарищества «Любитель» подали в суд на председателя этого ДНТ за то, что тот выделил Санжарову восемь соток под кедровый питомник. 27 сентября корсаковский суд признал выделение участка незаконным.

— В суде я почувствовал, что такое унижение. Представляете, мне 62 года, председателю 76, и мы стоим там, как нашкодившие пацаны, как оплеванные, и оправдываемся: ну, вы понимаете, кедровые же высаживаются на всем Сахалине, это же безвозмездно... Стыдобища! Как будто какая-то публичная порка. И при этом никакой поддержки, ни от кого. Мне никто даже не позвонил, чтобы поддержать морально. Только Галина Чуева пришла на заседание суда. Это учительница из села Покровка, которая организовала школьное лесничество. Я стоял и оправдывался перед теми, кто палец о палец не ударил на благо общества, — рассказывает любитель кедров.

Он вспоминает, как женщины, подавшие на него в суд, однажды подошли к ограждению питомника, обозвали его и спросили, почему он до сих пор продолжает заниматься «своей хренью». Санжаров корректно заметил, что это не хрень, а кедровые, которые он бесплатно раздает всем членам ДНТ и высаживает по всему Сахалину. В ответ на это женщины сказали: «А нам наср... на твой Сахалин!»

— Я говорю: так это и ваш Сахалин, не только мой. Вот как на такое реагировать? Были бы мужики, я бы врезал, а что с женщинами сделаешь? Но это ладно, это частная ситуация. А вот когда я обратился к губернатору, чтобы он приехал и посмотрел на кедровое хозяйство, и мне ответили, что это нарушение закона — заниматься посадками кедров... Как будто я коноплю выращиваю, — говорит Санжаров.

Сначала были обида, боль и горечь. Теперь же, говорит лесовод, он даже благодарен женщинам, затеявшим судебное разбирательство. Они сняли автору кедрового проекта пелену с глаз. Он понял, что все эти годы надеялся напрасно, что перспективы для развития дела всей его жизни на Сахалине нет. Никому здесь это не нужно — ни высшим чинам, ни простым садоводам. Есть, конечно, и те, кто поддерживали, но их немного. Иван Санжаров выражает благодарность Ирине Шишковой, Валентине Чугай и Марине Иванчиковой, которые часто приезжали и помогали, чем могли, а также всем, кто оказывал помощь разово и просто поддерживал морально. Просит упомянуть и единственного спонсора — депутата южно-сахалинской гордумы Владимира Федорова, который давал пусть небольшие, но все-таки деньги.

Свой участок в дачном товариществе Санжаров будет продавать. Надеется найти того, кто сможет хотя бы довести до конца то, что начато. Саженцы, которым больше двух лет, сахалинец заберет с собой, остальные, те, которые были высажены в этом году, оставит. Если их выкопать раньше времени, они погибнут. Останутся и тисы. За этот сезон высажено 40 тысяч кедровых орешков, больше 20 тысяч уже взошли. Весной основатель питомника планировал высадить еще тысяч 10—15 кедровых орехов, а также амурский бархат, но теперь, когда землю отняли, это невозможно.

Когда его называют героем, Иван Санжаров отмахивается. Говорит, что выращивание кедров и внедрение их в экосистему просто приносит ему огромную радость. Это его призвание, и он понимает, что может сделать больше. При должной поддержке кедры можно выращивать сотнями и миллионами. Бюджет одной семьи такое, естественно, не потянет.

— В Хабаровском и Приморском краях кедрами засаживают все леса, потому что понимают, что будет кедр — будет совершенно иная природа, иной животный мир, иная польза. Нашим властям это неинтересно, а один я не справлюсь. Хорошо, осилю я тут 300 тысяч. Но что такое 300 тысяч для Сахалина? Тут нужны десятки миллионов. Я думаю, в Калининградской области мое хобби получит такое развитие, о ко-

тором я не мог и мечтать. То, что здесь я сделал за девять лет, там я сделаю за один год, — говорит любитель кедров.

Конечно, уже поздно говорить о преимуществах кедровых лесов, потому что Сахалину они уже не грозят, но все-таки. Кедры выделяют фитонциды, сохраняют и формируют ценные почвы, способствуют расширению видового многообразия растений. Там, где есть кедр, появляются многоярусные насаждения, разнообразие древесно-кустарниковой растительности и животного мира. Ученые насчитали от 40 до 70 видов животного мира, в разной мере столующихся вокруг кедра. Где кедр, там белка, где белка, там соболь. Где кедр и дуб, там кабан и изюбрь, а где кабан, там и тигр. Обо всем этом Санжаров не раз говорил на разных уровнях, пытаясь донести важность своего проекта. Упомянул и о необычайной жизнестойкости любимого дерева. В мае прошлого года волонтеры высаживали кедры в Корсаковском районе. Через некоторое, довольно долгое время Иван Санжаров решил проверить, как прижились зеленые малыши, и увидел, что несколько саженцев погребены под плотным слоем глины, которая осыпалась с корней поваленных деревьев. Осторожно раскопав кедрики, лесовод увидел, что под землей они не просто не погибли, но и все это время прибавляли в росте. Выращивание кедра в лесных условиях — ноу-хау сахалинца. Считается, что за саженцами нужен кропотливый уход, в дикой природе они не выживут. Санжаров доказал обратное. Но сколько бы ни было озвучено плюсов, воодушевления во взглядах чиновников и в скупых письменных ответах из различных ведомств не прибавилось.

Теперь остается только подвести итоги. С 2009 года высажено более 210 тысяч орешков корейского и сибирского кедров, 550 орешков кедрового стланика, более 10 тысяч семян тиса, более 4 тысяч семян амурского бархата, 80 орешков сосны испанской, 60 орехов маньчжурского ореха, 55 корней женьшеня и 250 стратифицированных ягод женьшеня, 450 семян амурского (дикого) винограда, 800 семян липы, более 2 тысяч семян пихты корейской.

На безвозмездной основе школам, детским садам, больницам, поликлиникам и другим бюджетным учреждениям, управляющим компаниям, различным организациям, простым гражданам переданы тысячи саженцев кедра для высадки в городах, селах, лесах, на дачах. В Корсаковском районе, в районе Второй Пади, в лесу высажена тисовая роща из 70 деревьев. Сформированы два школьных лесничества: в селе Покровка Долинского района и в Тымовском. В 2015—

2017 годах школьники высадили около 3 тысяч саженцев корейского и сибирского кедров.

— Меня часто спрашивают, а почему вы дальневосточный гектар не берете? Вы знаете, без проблем. Если бы я те 22 тысячи кедров, которые раздал бесплатно по области, продавал бы по сто рублей, я получил бы больше 2 миллионов и на эти деньги мог бы построить на своем гектаре отличный питомник, обустроить всю инфраструктуру, нанять людей и выращивать кедры. Но не каждая идея и не каждая мечта может реализовываться за деньги. Раздавая кедры бесплатно, я надеялся на то, что привью любовь к этим деревьям. Этого не произошло. Грустно, печально. Вроде бы и переболел этим всем, и все равно жалко до невозможности, — говорит Санжаров.

До отъезда осталось чуть меньше года, и за это время любитель кедров успеет сделать еще очень многое для родных островов и раздать еще множество саженцев кедров. После одной только июльской публикации Sakh.com удалось пристроить в добрые руки более пяти тысяч деревьев. Вместе с другими юными кедрками они будут подрастать в наших городах и лесах, напоминая о человеке, который дал им жизнь.

Sakhalin.info

ШАПОЧКА

РАССКАЗ

Анна все последние годы, как только ушла на пенсию, подолгу жила на даче, на своих шести сотках. Уезжала в начале мая, а возвращалась в Москву в конце октября. Вот уже семь лет, как наступило для нее другое время. Время без младшего сына. Оно породило безысходную тоску, какой-то предел нынешнего существования и полное непонимание, как жить дальше. Было ему сорок два года, и был он полон творческих планов. В тридцать лет он бросил свой бизнес, который приносил ему безбедную жизнь и начал всерьез заниматься музыкой. Сейчас, когда его нет, и она постоянно слушает его щемяще печальные или радостно озорные мелодии, ее мучает раскаяние. Это она помешала ему реализоваться, не подержала его, когда он хотел всерьез заниматься музыкой. Она, выросшая в многодетной и бедной семье в глухой деревне, искренне не понимала, что музыка может стать серьезной профессией для мужчины. Не понимала... и помешала сыну.

Ее сиротство, это острое ощущение неукорененности и быстротечности, с которой проходит ее жизнь,

ПРОЗА

с одной стороны, распахивали перед ней окно в вечность, а с другой — убеждали в окончательной невозможности вернуть то, что было так мило и любимо. Именно одиночество было главной причиной ее человеческих переживаний и делало ее отношения с миром глубоко трагическими. Наступление этого другого времени в ее жизни безжалостно обозначило еще одну сторону ее сиротства — несовместимость с наступившим временем, с его ложью, цинизмом, показушностью и мелким повсеместным жульничеством.

Именно в своем маленьком домике на даче она чувствовала себя более спокойно и уютно. И всё было бы хорошо, да вот поговорить было не с кем. Анна была убеждена, что ей нужен умный собеседник, и что все эти бабки — соседки по даче просто не могут понять ее. Бесконечные разговоры о рассаде, о сортах огурцов, кабачков, помидор, о методах их консервирования — просто раздражали ее. Но она как-то приспособилась. Завезла на дачу компьютер, сканер и занялась домашним архивом, писала историю своей семьи, сканировала старые фотографии, задумала для старшего сына подготовить семейный альбом. Свой участок она любила, было там много цветов и деревьев, которые они сажали, когда она только приехала в Москву, и еще все были живы-здоровы.

Так сложилось, что новогодние длинные праздники Анна тоже стала проводить здесь, на даче. Друзей она в Москве так и не завела. Все друзья остались там, в Сибири. Старший сын, который и привез ее в Москву тридцать лет назад, сам уже давно жил в Швейцарии со своей семьей, которая ее, Анну, членом своей семьи не считала. Когда ее приглашал кто-либо встретить Новый год вместе, она всегда отказывалась. В безжалостном свете одиночества пришло какое-то второе зрение или даже прозрение и ярко высветило и обозначило главное из детства, молодости и зрелости. Она поняла, что бегство от одиночества бессмысленно. Находясь в театре, в музее, на празднике или в какой-либо компании, Анна чувствовала его еще острее — то самое одиночество в толпе. И было непонятно ей самой, отчего больше ее тоска, — то ли от нереализованности ее мечущейся и некогда уж очень восторженной души, то ли от нереализованной мечты о большой и дружной семье.

Вот и в этом году она приехала в свой домик с утра тридцать первого декабря, расчистила дорожки от снега, натаскала из сарая дров, сходила в колодец за водой и затопила печку. Включила старенький телевизор, в комнате сразу стало безалаберно шумно... Дрова весело трещали, домик оживал и, казалось, вот сейчас со двора войдет мама или отец и

радостно начнут расспрашивать ее о детях, о работе... В хлопотах по дому она не заметила, как наступил поздний вечер. Накрыла стол, открыла бутылку шампанского, выпила бокал — попрощалась с уходящим годом... Дождалась поздравления президента и выпила уже за Новый год... Убавила звук и включила музыку Андрея. Вспомнила тот день, когда он первый раз сыграл ей этот вальс, и как она была счастлива, и как танцевала, кружась по кухне, в восторге от музыки, от счастья, от веселой гармонии бытия... А Андрей играл и смеялся.

Анна вышла из домика, кругом светился голубой снег... Небо яркое со светящимися звездами и ярким Млечным Путем... Эта светлая небесная дорога на темно-синем небе, знакомые с детства Большая и Малая Медведицы. Ярко мерцала Полярная звезда. В который раз пожалела, что так и не нашла времени изучить карту звездного неба... Оно завораживало. Анна долго не могла оторваться от распаханной перед ней Вечности. Луна ещё не взошла, но звёзды сияли ярко и весело. Она вновь изумилась этому бескрайнему звездному пространству и его немислимой красоте... Ей показалось, что всё это только для нее. Исчез страх одиночества и сиротства. Ей подумалось, что вот так человек встречается с Творцом. Именно одиночество распахло перед ней эту звездную бездну, которая завораживала и манила к себе. И снова, уже в который раз она почувствовала эту особую немоту: тихое молчание в душе — свое тайное сокровище... Уходить не хотелось, но мороз давал о себе знать.

Анна вошла в дом, плотно закрыла все двери на ночь, занавесила теплым одеялом входную дверь, чтоб не дуло. Подошла к большой фотографии младшего сына, пожаловалась: «Ну вот, Андрей, я опять не смогла найти созвездие Рыб... Но зато какое небо под Новый год, какое небо!» И снова встал перед ней младший сын и насмешливо сказал: «Мама, будь осторожнее, одиночество может свести не только с Богом...» Он опять намекал на что-то своё... В последние годы перед болезнью он много пил и каялся...

Снова включила телик. На всех каналах голосили одни и те же певцы шоу-бизнеса... Выключив эту вакханалию, она встала перед иконой и сказала, как всегда перед сном: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. Прости деток моих, Господи. Прости того, который на небе, и того, который на земле...»

Спалось ей хорошо. Но проснулась рано, потому что замёрзла. За окнами было еще темно, часы показывали семь часов. Растопила печку. Огонь затрещал весело. Надо же, Андрюшка так хорошо приснился, как будто новую музыку

сочинил, играл ей и напевал... Только успела заварить чай, как в калитку постучали. Пришел сосед — Сашка-алкаш. Он всю зиму жил на даче. Жена, похоже, давно выгнала за пьянку из городской квартиры. Анна впустила его, налила чаю, поставила на стол холодец и соленые огурцы. Сашка уже успел принять. Как всегда, его потянуло на разговоры.

— Хорошая ты баба, Анна, только шибко несчастная. И несчастная ты не оттого, что Андрюха твой помер, не ты одна такая. А несчастная ты от этого своего мудрствования. Больно затейливо высказываешься. Попроще надо жить. Сколько годов прошло, как Андрюхи нет?

— Семь.

— Вот, а мужик твой умер еще на десять лет раньше. А ты всё одна-одиёшенька. А ведь хорошая ты баба.

— Ладно, Саша, поговорил и хватит, иди домой.

— Да нет, не хватит, я ведь к тебе не просто так, а по делу зашел. Родственник ко мне приезжает из Тюмени. Говорит, что его соседка, Надежда, что-то для тебя передала.

— Какая Надежда?

— Сестры твоей, Вали, подруга. Говорит, вы вместе ездили отдыхать на Красное море.

— А-а, да, Надя, помню, конечно. А что она хотела?

— Откуда мне знать. Вот Василий сегодня придет и скажет. Ты еще здесь, в Москву не собираешься?

— Нет, я завтра вечером.

— Ну, я пошел. Как только он придет, мы зайдем.

— Заходите.

После обеда, часа в четыре Саша пришел вместе с родственником. С порога представил:

— Знакомься, Анна Сергеевна, это мой двоюродный братан из Тюмени, Василий Авдеевич.

Анна снова поставила чай, затем пригласила к столу.

Василий Авдеевич достал из кармана маленький пакетик и протянул Анне.

— Что это? — спросила она.

— Откуда ж мне знать? Очень просили вам передать.

Анна взяла, раскрыла пакетик, достала из него небольшой сверток. Вопросительно посмотрела на Василия, развернула сверток и радостно воскликнула:

— Да это ж моя шапочка! Эту шапочку мне Андрюша подарил.

В пакете лежало письмо. Она его раскрыла и стала глазами читать: «Здравствуй, Анна! Прости нас, пожалуйста, если сможешь. Дашка твою шапочку не носила, всё твердила, что мы нечестно поступили. Год назад была в наших краях Ва-

лентина, сестра твоя. Даша ее просила передать тебе шапочку, но она сказала, что ты уже про нее забыла, и нечего дурью маяться. А сейчас вот едет к вам наш сосед и Даша заставила меня передать ее с ним. Прости меня, Анна. Я ведь видела, как ты расстроилась, когда узнала, что шапочка якобы потерялась. Дашка меня поедом ест...» Дочитав письмо, Анна улыбнулась и снова пригласила мужчин к чаю:

— Я вот яблочный пирог испекла, пробуйте.

— Что это за волшебная шапочка? — подсаживаясь к столу, удивленно спросил Василий. — Столько волнений вокруг нее! Может, расскажете?

— Да ничего особенного в этой шапочке нет, — улыбаясь, ответила Анна. Дело в том, что купил ее для меня мой младший сын. Мы с ним гуляли по Москве, зашли в Гостиный двор, а там была ярмарка — выставка «Русский лён». Андрюша увидел эту шапочку и говорит: «Примерь, мама». Я примерила, ему понравилось, и он ее купил. Шапочка и впрямь была отменная: крученые нитки из неотбеленного льна и очень простая вязь крючком. Бывают такие с виду очень простые вещи, которые придают вашему облику чуточку шарма, и ты понимаешь, что это твоя вещь.

Анна, помолчав, продолжила:

— Андрей тогда уже был очень болен, неизлечимо. Ему оставалось жить несколько месяцев, его из больницы только на выходные отпускали. Потом, когда Андрея не стало, я долго сама болела. И однажды приснился мне сон. Как будто раскалывается моя голова от боли, я одна, мечусь в постели, на помощь позвать некого... И вдруг ясно ощущаю, что кто-то родной положил прохладную руку на мой горячий лоб и говорит: «Мама, ты бы надела мою шапочку». Не поверите... Я прямо почувствовала Андрюшину руку. Проснулась и думаю: что это было? Как будто только что с Андреем пообщалась. Такая светлая радость в душе, и голова совсем не болит. Не дожидаясь утра, встала и пошла к шкафу искать шапочку. Нашла и с той поры с ней не расставалась. Порой голова так разболится, что не знаю, куда ее преклонить, а шапочку эту надену, с Андрюшкой побеседую — и хорошо так засыпаю. А года через два Валя, сестра моя, с подругой собралась на Красное море. Мой старший сын решил меня отправить вместе с ними. Там на отдыхе и потерялась эта шапочка. Я ее вместе с полотенцем оставила на лежаке, на пляже. Надя с Дашей уходили позже, увидели, что я ее оставила, и забрали. Во время обеда в ресторане сказали мне, что она у них. Жили мы в бунгало по соседству. В одном — мы с Валей, а рядом Надя с Дашей.

Анна встала, подошла к печке, открыла дверцу, поворошила клюкой угли, закрыла вьюшку и снова присела к столу.

— Ну вот, — продолжила она, — перед ужином я решила зайти к ним. Дверь у них была открыта, и я еще с веранды увидела, как Даша стоит перед зеркалом в моей шапочке, а Валя, сестра моя, восторженно восклицает: «Ой, Дашка, ты прямо как Джульетта. Эта шапочка к твоим роскошным волосам так идет!» — «Да-да, и правда! Надо же, как может какая-то маленькая вещь преобразить!..» — подхватила Надя. Я передумала входить и ушла. Подумала, ну пусть полюбуются на Дашку, заберу позже. Но на другой день, когда я зашла к ним, они мне сказали, что шапочка куда-то исчезла, что они всё перерыли, у уборщиков спрашивали... Одним словом, им очень жаль, но шапочка куда-то подевалась... Я попросила их еще поискать, сказала, что эта вещь мне очень дорога, что это память об Андрее. До конца нашего отдыха оставалось три дня, но шапочка у них так и не нашлась...

— Ничего себе история! А почему вы не сказали, что видели, как Даша примеривает шапочку? — спросил Василий.

— Да неудобно мне было.

— Почему неудобно? — не понял он. Но Анна промолчала. — А что, другую такую нельзя купить?

— Наверное, где-то можно... Я вам сейчас покажу, сколько у меня таких шапочек.

Анна встала, пошла в свою комнату и вышла оттуда с корзинкой. Из корзинки вынула вязаную шапочку, с виду такую же, как и та, которую привез Василий, и сказала:

— Когда шапочка потерялась, я пыталась связать такую же. Специально ходила на курсы и хорошо освоила это ремесло. Связала массу всяких поделок, а вот шапочка никак не получалась. Связала я их штук семь, да ни одна не получилась такой, как эта. — Анна с любовью прижала привезенную шапочку к щеке. — А Даше вот эту шапочку передайте от меня. Анна положила в новогодний пакетик связанную ею шапочку и протянула Василию.

Гости ушли. Анна села в свое старое-престарое кресло. Ощущение покоя и блаженства заполнило ее всю — прекрасное состояние легкого оцепенения, когда всё тело застывает в какой-то светлой истоме и не хочется двигаться. Как в детстве, когда она перед открытой дверцей печурки, не отрываясь, смотрела на огонь, а мама готовила ужин, и она растворялась в чем-то большом и целом, и это целое оберегало ее и нежило.

«Как хорошо начался Новый год!» — прошептала она...

ДЕРЕВЬЯ НА УСАДЬБЕ

ЭССЕ

БЕРЁЗА

В 1961 году наша семья переехала из села Глиницы в деревню Кочановку в новый дом. Отец с помощью нас, старших сыновей, насадил на участке сад, обнёс его по периметру тополями, раkitами, берёзами. Тополя и раkitы сажались с расчётом на защиту дома и участка от ветров зимой и жары в летнее время. Эту роль они выполняют и по сегодняшний день. Рябину во дворе под окном посадили на радость матери: она любила рябину. Но берёзку напротив ворот с уличной стороны посадили ради красоты...

Хотя берёза и считается у нас деревом женским, домашним, никто в деревне не сажал напротив дома берёзок: в лесах и посадках вокруг деревень её с избытком. Сохранились фотографии, на которых она молоденькая, тоненькая, хрупкая. Трудно было поверить в это, когда через пятьдесят лет напротив дома встало заматеревшее дерево с широкой кроной и вислыми почти до земли гибкими зелёными прядями ветвей.

Под ней фотографировали сестёр, племянниц, знакомых девушек. Не

ПРОЗА

знаю, почему так происходило. Казалось естественным потратить несколько кадров на съёмки молодых особ женского пола рядом именно с берёзой. Они становились красивее от такого соседства и обретали ореол загадочности. Казалось мне, щелчок затвора фотоаппарата определял их судьбу и напутствовал на будущее.

Вот двоюродная сестра Зоя, младшая дочь моего дядки Васи Головы. Лёгкая улыбка, чуть шурящиеся от весеннего солнца глаза, распущенные по плечам волосы. Она закончила среднюю школу, уехала на Донбасс и там вышла замуж за инженера на угольной шахте. Теперь живёт на чужой окраине в городе Красный Луч, и известий о ней мы не получаем. А это племянница Арина, дочь младшего брата Володи. Выпускные экзамены позади, потом учёба в институте железнодорожного транспорта в Москве, замужество со свадьбой на весь мир, рождение сына и дочери. Вот на лавочке у палисадника в тени березы моя дочь Аня и племянница Маргарита...

А берёза... Она молчала, и нельзя было понять по ней, нравилось ли ей такое соседство.

...Прошли годы. Я вернулся из десятилетних странствий под её родную сень. Улица обезлюдела. На ней всё меньше гуляет детей. И стал замечать, как год за годом редела, а потом засыхала вершина берёзы. Было ли причиной неудачное место посадки, или ядовитая подсочка (с колхозного поля под нашим домом сходили в лог пропитанные дустом подземные воды)? Берёзы погибают стоя. Сперва облетают иссохшие ветви, потом обваливаются крупные сучья и вершина, потом частями спадает к подножию ствол. Саша Посметьев, мой сосед, помогающий по хозяйству, не стал этого ждать. Аккуратно опиленный бензопилой у комля ствол берёзы он свалил точно вдоль уличной линии электропередачи, разделал его на чурбаки и снёс к себе домой на дрова.

Пень берёзы, спиленной впопай, на уровне земли, через два года провалился в центре, я присыпал ямку почвой. На третий год на нём неожиданно вспучилась грудка опят-чешуйчаток, нарядных оранжевых грибов с чёрными отметинами на шляпках. Грибы непредсказуемые, буйно-шаловливые. Урожай хватило на один супчик. На следующий сезон грибница добавила, но через год почему-то исчезла. На месте затоптанного корня уж ничто не напоминает о бывшем существовании дерева. Осталось только не заросшее травой твёрдое пятно с радиальными трещинами...

Вот уж несколько лет подряд выхожу из ворот и замечаю: чего-то не хватает. Берёза светила с улицы, будто неяркая

свеча и, не замечая её присутствия, я подспудно ожидал и с каждым выходом на улицу непроизвольно удовлетворялся скромным берёзовым свечением.

...Берёза живёт сто лет. Наша берёза, выходит, погибла молодой. Причин искать не нужно. Никто не фотографировался у её ствола и, мне думается, угадала она оттого, что ей некое стало напугать на будущее.

РАКИТА

Посаженная за уличной колонкой ракета подросла и начала задевать ветвями провода линии электропередачи. В сухую погоду это было не опасно, но в дождливое время в ветреную погоду намоченные ветви начинали мотаться и закорачивать электросеть. В непогоду ночью было видно, как по ним прыгали синие сполохи, как искрились обугливающиеся листочки. И в один летний день мы с братом Володей спилили ракету и разделили ствол на чурбаны.

...Однажды я набирал воду у колонки и заметил, что вокруг ракетового пня из-под коры веером вылезли тонкие побеги. Через месяц они вытянулись выше моей головы и я решил их сечь топором. Нельзя было отпускать ростки на волю, иначе через десяток лет с густым ракетовым кустом повторилась бы та же история — вплоть до короткого замыкания проводов.

В ту осень я редко наезжал к матери и перед самыми морозами снова обрубил уже заметно обредевший венчик ракетовых хлыстов. А следующим летом за хлопотами в саду и на огороде, за работами на родительской усадьбе не сразу обратил внимание на то, что среди прочей зелени, воспрявшей к жизни, почерневший ракетовый пенёк выпустил вновь несколько крепких стеблей, которые уже обзавелись собственными крохотными кронами из бледно-зелёных веточек и листьев. Дивясь упрямству бездушной, как считается наукой, древесины, бестрепетно применил топор. И посчитал, что с ракетой покончено. Но не тут-то было...

Уже на исходе лета ракета напомнила о себе тремя довольно крепкими отпрысками из-под осыпающейся коры на пне. Я остановился над ней в лёгкой оторопи и задумался. Что-то нужно было с нею делать... Нагрёб на пенёк мусора, палых листьев, сухих веток, sprыснул кучу бензином и поджёг. Поддерживая огонь, подсыпал ещё разного горючего хлуса, вывалил в костёр даже кучу сплюснутых полиэтиленовых бутылок, которые, вспыхнув, подобно напалу плавают даже землёю... От обуглившегося пня остался круглый чёрный шиш.

Эта история почему-то не давала мне покоя. Конечно, я знал о том, как приживчива ракета. Не зря про нее говорят: воткни ветку в землю — и возьмётся дерево. Неприхотливость ли древесной плоти, необузданная сила жизни или чья-то осмысленная воля то и дело возбуждали клетки живого вещества делиться и идти в рост подобно амёбе — не ведаю. Чем-то ракета напоминала джеклондоновских героев — такая же упорная и живучая.

На третий год весной я с удовлетворением невольного разрушителя отметил: конец твоему веку, глупая ракета! И огорок пня, и выжженная вокруг него земля не подавали признаков жизни. И всё лето я не оглядывался на ту сторону. До тех пор, когда, обкашивая триммером траву и сорняки вокруг усадьбы, не наткнулся мимоходом на чудно зеленеющий на кострище ракитовый побег! На мгновение остановился — и смахнул его безжалостным механическим секачом.

А потом, весь в состоянии безотчётной тревоги, заглушил триммер, сходил домой и вернулся с широким ножом и пачкой соли. Откопал у бывшего пня обрубок побега, высыпал в ямку соль, забросал землёй и туго, с вывертом каблуков, испытывая смешанное чувство убийственной мстительности и жалости, притоптал землю.

Уж соль-то убивает всё живое...

ГРЕЦКИЙ ОРЕХ

Давать жизнь — в женской природе.

Мать на огороде чего только ни сажала в надежде — авось приживётся. Приживляла коноплю по старинному русскому обычаю, как делали отец её и мать, чтобы использовать на замашки домотканые изделия. Потом сказали — запрещено. А она человек законопослушный. Однажды раздобыла семена сорго и посадила повдоль огородного забора — на венники. Будто только венников ей и не хватало.

Дочь из Одессы присылала ей фанерные посылки с грецкими орехами. В Одессе орехи ничего не стоили, а мать любила колоть их деревянной толкушкой на столе и лущить ядрышки. И вот взошло ей посадить орех под кухонным окном, хотя ей и сказали, что даже если это южное дерево и вырастет, орехов не даст: оно не районированное, не приживлённое к этой местности и погодным условиям. Мать же орех посадила и дерево дало росток. Затем его нужно было пересадить. Только ты сперва выкопай яму метр глубиной и положи кусок шифера, велела она мне, когда я прилучился в отпуск из армии в 1970 году. Когда центральный корень, дескать,

упрётся в шифер и пойдёт расти не вглубь, а параллельно уровню почвы — образуется не дикий куст, а культурное дерево. Об этом она прочла в какой-то заметке из журнала «Крестьянка». Дерево прижилось, пустило корень куда надо и скоро разрослось так, что стало застилать кроной и без того скудное светом западное окошко.

Пришлось его пересаживать за сарай, в яму напротив акациевой шпалеры, на полосе, которую не трогал плуг. Дерево уже было высокое, сильное, пришлось мне помучиться, прежде чем выполнил нужную операцию. Выполнил — и удалился на Камчатку сперва на несколько лет, потом на полтора десятилетия. Приехал однажды летом в отпуск и так случилось, что как раз исполнились обещанные пятнадцать лет, отдающих плоды. Дерево красовалось на усадьбе: буйственный широкий лист глубокого зелено-коричневатого цвета цедил прохладу и давал такую густую тень, что заигравшиеся под ним бабушкины внуки тонули в сумраке. На концах многих ветвей появились шаровидные отростки на ножках — завязи орехов. Но только завязи, ещё не развившиеся в полный орех.

И зимой эта красота вымерзла...

Мы с матерью, конечно же, огорчились. В письме на Камчатку мать описывала это единственное дерево в саду и на усадьбе, весной не давшего и листа. Представил его нагой профиль, крошево опадающих на землю сохлых ветвей... Видно, не судьба этой капризной южанке пустить у нас корень, подумал я. Потом мать попросила кого-то из деревенских дерево спилить. И то ли она забыла сообщить новость, то ли не придавала значения этому факту, но когда я на следующее лето приехал в отпуск, то обнаружил три довольно крепких отростка от корней пня. Грецкий орех передумал умирать и начал новый, пятнадцатилетний отсчёт жизни.

Ох же и помучился! Поскольку побеги пошли не от центрального, стержневого корня, а от боковых отростков, он стал расти не единым деревом, а разлатым кустом. А розное племя всегда слабее дружного. Южное существо стало искать обходные манёвры и приспособливаться к тёркам непогоды. Случалось, одним суровым зимним заморозком все стволы грецкого ореха замерзали полностью и до середины лета не подавали признаков жизни, но их ветви вдруг разом выбрасывали запоздалый лист и покрывались буйной зеленью к осени, когда пора было ронять летнее убранство. Бывало, что некоторые уже толстые жизнеспособные ветви отмирали внезапно посреди лета, и их на следующий год, выждав для порядка, приходилось выпиливать.

Но дерево жило. Дождалось, когда я переехал с Камчатки и, помыкавшись по городам, осел на родных корнях. Вжился обратно, похоронил мать. Имел возможность каждое лето ожидать орехового безумия. А его всё не было и не было. Однажды на концах нескольких ореховых ветвей появились знакомые шишечки на длинных ножках... Я напрягся, как в прошлый раз, — и не напрасно напрягся. Дерево зимой вымерзло полностью и бесповоротно. И стволы и ветви до середины следующего лета стояли пронзительно голые, неприкаянные...

Тридцать лет! — сокрушался я. — Да где же справедливость!

А разговор должен бы идти не о справедливости, а о любви к жизни. Любовь всё побеждает — и справедливость тоже. И к середине лета нахлынуло... И зацвело и заколосилось — и даже горстку орехов получили от этой мученицы!

Дерево перебороло невзгоду и северный мороз, перебороло свои средневековые инстинкты, собственную инфантильность и изнеженность, переболело недостатками южного комфорта и приспособилось к средне-кочановским условиям.

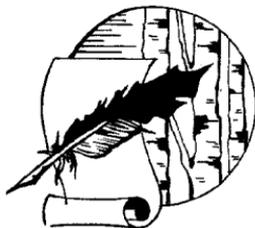
Грецкий орех отдал две пригоршни орехов на следующий год — и не погиб. И в этом году наградил ведром добротных, вкусных, маслянистых, хрустящих на зубах, здоровых одесско-кочановско-греческих орехов.

Стали раздавать закалённые климатом орехи для посадки своим знакомым, друзьям, думал даже забросить горсточку орехов в Орловскую, северную от нас, область.

А недавно я разузнал, что курские сорта грецкого ореха были выведены в поместье «Марьино» князя Бярятинского ещё в запрошлом столетии. Приглашённые князем заморские агротехники и селекционеры приспособили-таки нежную южанку к нашему климату, и за орехами от греческих деревьев в советском правительственном санатории «Марьино» даже стояли в очереди. Грецкий орех из княжеского имения давно селекционирован и вполне себе плодится по нашим окрестностям.

Только вот мы с матерью этого не знали...

г. Курск

Игорь ЕЛИСЕЕВ

БЛАГОСЛОВИ, ДУША...

РОВЕСНИЦЫ

Мои ровесницы красивы,
как много осеней назад,
как на траве густой — росинки,
как тронутый морозцем сад.

Они, как память моя, юны,
вином их душ я напоён,
они прямы, как будто руны
среди затейливых письмён.

Мне лгать не надо им. Бесценен
их дар любой, совет любой.
И с каждым прожитым мгновеньем
я проникаюсь их судьбой.

Ничто так быстро не проходит,
как молодость. И лишь они
напоминают мне про годы
любви — Господь их сохрани!

* * *

Россия, ты простила им?
А я не помнить их пытаюсь.
Стыдом, как голодом томим,
надеждою одной питаюсь:

Что через несколько веков
начнут слагать о нас былины,

о том, что был колосс из глины
разбит на несколько кусков.

Но твой нетленный дух и впредь
пребудет в жизни, злом томимой,
чтоб купиной неопалимой
над бездной хаоса гореть.

* * *

Благослови, душа моя,
любимую мою.
Она — воды живой струя,
текущая в раю.

Благослови, моя душа,
земные чудеса.
Пусть жизнь моя прошла, спеша,
но — глядя в небеса.

Душа моя, благослови
животных и людей
и чашу, полную любви,
в сердца людские влей.

* * *

Белёсый туман выплывает из лога,
сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
и в грустном восторге мне хочется плакать.

Мне хочется в рощах, наполненных светом,
бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,
что мир этот создан великим поэтом,
и нет в нём ни капельки мрака и горя.

Лишь с этих высот — мира светлых окраин,
где суть постигается жизни и тлена,
я к вам возвращусь, примирён и раскаян,
молясь о прощении ночью и днём.

И если меня вы услышите прежде,
чем я отвлекусь на иные молитвы,

поймёте, что жил я всё время в надежде
на то, что окончатся вечные битвы

меж небом и адом, меж правдой и ложью,
что некогда нас в этой жизни венчали,
и каждому будет по милости Божьей
отпущено в меру любви и печали.

БЕЛАЯ КАЛИТВА

На вершине Донецкого кряжа,
где стоят над рекой Две Сестры,
мне привиделась древняя стража
и тревожные в полночь костры.

Мне припомнились старые мифы
и слышался сабельный звон...
Знать, сражаются царские скифы
за свободные степи, за Дон.

Эх, ты, волюшка, русская воля!
Не поддайся поганым опять.
Истоптала всё Дикое Поле
их несметная, лютая рать.

Гонит ветер тяжёлые тучи
над Каялой, Донцом, Калитвой,
зарастают скалистые кручи
пропитавшейся кровью травой.

И, ступая ногами босыми,
прохожу я столетья насквозь.
Моё древнеславянское имя
где-то в этих местах родилось.

Склоны памяти в прошлое круто
опускаются — радостный край!
Ведь недаром здесь в балочке хутор
называет народ — Богурай.

Ветру тучи давно покорились
и бредут под стенанья ракич.
И караич, как древний ариец,
над разрытым курганом стоит.

* * *

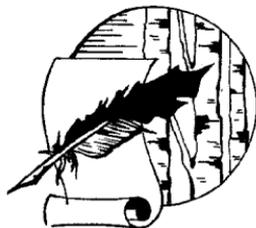
Снова вечер. Заходят тучи.
Поднимается лёгкий ветер.
Вместе с этой звездой падучей
надоело мне всё на свете.

Я светить собирался ярко,
я сиять собирался долго.
Только жизнь пронеслась насмарку,
было дешево — стало дорого,

было трудно — стало труднее,
было просто, а стало сложно.
Впрочем, я разобрался с нею.
Лишь любовь была непреложна.

Будет ливень случайный ночью,
разнесёт запах розы чайной.
Я случайно жизнь прожил, впрочем
всё на белом свете случайно.

г. Ростов-на-Дону

Борис ОРЛОВ

НА ЗЕМЛЮ СНЕГ ЛЕТЕЛ...

* * *

Забыли о молитвах и о храме,
Героем стал продажный персонаж.
Сломали дом. И разбросали камни.
Чтоб где-то жить, построили шалаш.

Шалаш продут ветрами в грязном поле.
Отца избили. Освистали мать.
А камни собирают для того лишь,
Чтоб дешево соседям продавать.

* * *

Слушают сообщество иуд,
Не своим глазам, а сплетням верят.
Перед тем, как спичкой вспыхнет бунт,
Человека превращают в зверя.

Бунты кровью оскверняют век,
Возвышая морды, а не лица.
Если озвереет человек,
То ему в себя не возвратиться.

* * *

Деревья не поднимали ветви
и не кричали:
«Долой коммунык!»
Они не трясли ветвями:
«Да здравствует демократия!»

За это их сжигают,
как в крематории, в Сибири.
Их группы,
с отрубленными ветвями,
вывозят из России
и расчленяют на органы
для иностранной мебели.

Тотально нарушаются
права деревьев
и законы природы.

Холокост русского леса!

* * *

И. Т.

На землю снег летел устало,
Он таять в оттепель спешил.
Вдали залаяли шакалы,
Где раньше волк матерый жил.

Он долго падалью кормился,
Хотя когда-то кровь любил.
И вот в шакала превратился —
И хвост поджал, и заскулил.

С подобными себе блуждает
В метель и в летнюю грозу.
Шакалы выживают стаей,
А волка больше нет в лесу!

* * *

Известен не поэзией, а криком
пустым... Скользит фальшивая слеза.
Он тайно прикасается к великим,
юлит и смотрит преданно в глаза.

И суетится — хочет быть согретым
случайной славой. Бойко входит в раж.
Не станет никогда большим поэтом
приспособленец — мелкий персонаж.

* * *

Юрию Решетникову

Бродили в пустыне с толпой Моисея,
Пытаясь тайком подсчитать барыши.
Чинovníки — мытари и фарисеи,
У них калькулятор на месте души.

Им нет оправдания — шакалья порода!
Живут в мире денег и тайных страстей.
Они и сейчас далеки от народа —
Их так и оставил в песках Моисей!

* * *

Вы относитесь к жизни, словно к данности —
Другой не будет... Кто б того не знал?!
Не осуждайте стариков за странности,
У каждого из нас — один финал.

В лугах — туман, а в космосе — туманности.
Творец во всем и справедлив, и прав.
Не осуждайте стариков за странности —
Впадают в детство, жизнь закольцевав.

г. Санкт-Петербург

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ РОССИИ

О масонах у нас не писал только ленивый.

При Горбачеве либералы отыгрались по полной за годы регулярных разоблачений мирового масонства в советской прессе, возведя целую гору панегириков масонам. В годы перестройки появились весьма благожелательные публикации о масонстве. С историей особо не церемонились. Объявили, что у нас в стране первая масонская ложа возникла еще в царствование Алексея Михайловича, но реальных подтверждений тому не привели. По масонской легенде, русского царя Петра Первого Великого приобщили к масонству на английских верфях. Якобы сам Кристофер Рен, магистр Великой английской ложи, осуществил обряд его посвящения, приняв его в ложу Святого Андрея шотландского обряда. Но и это, скорее всего, легенда.

Первые достоверные сведения о масонских ложах в России относят к царствованию Елизаветы Петровны. Но из русских царей точно был масоном только Петр III. Царь Павел I воспитывался масонами, да и при его дворе они процветали, но масонский фартучек всё же не надел. Среди декабристов далеко не все

ДОСЬЕ "МГ"

были масонами (самые известные — Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев, Рылеев). Даже Пушкин, как нам пытались доказать в те годы, состоял в масонской ложе. Но он, скорее, тесно общался с масонами, в том числе с декабристами, но обряда посвящения не прошел.

Масонство в те времена привлекало таких людей своими либеральными идеями, на базе которых совершилась не только Великая французская революция 1789 г., но и все революции XIX и XX веков, включая русские революции 1905 и 1917 годов.

В основу Конституции США легла «Конституция вольных каменщиков», написанная Досточтимым мастером Великой ложи Лондона масоном Джеймсом Андерсоном в 1717 году. В 1723 году несколько экземпляров попало в Америку — в руки издателя Бенджамина Франклина, Великого мастера ложи Пенсильвании и члена французской ложи Семь сестер. Он этот текст отредактировал и переиздал как «Конституцию» в 1734 году.

Книга произвела очень сильное впечатление на отцов-основателей США, и когда в 1789 году они готовили текст Декларации независимости, наиболее значимые ее разделы были полностью списаны с масонского текста. Американские масоны не скрывают свои имена — быть масоном престижно. Стать масоном в США довольно сложно — требования очень высокие. Тем не менее в ложах состоит 2 млн. человек. Почти все президенты США были масонами.

Кто делает революции?

На публике масоны всячески открещиваются от какой-либо причастности к политике. Однако вся их история свидетельствует об обратном. Уже к концу XVIII века масонские ложи покрыли всю Францию. Если в 1740 году их было 10 в Париже и 15 в провинции, то к 1789-му, году Великой французской революции, около 1000 лож объединяли уже 30 тыс. масонов. Среди них были блестящие мыслители французского Просвещения во главе с Монтескье и Вольтером и будущие лидеры революции. (Среди членов Законодательного собрания масоны составляли 17% депутатов от третьего сословия, 28% депутатов от дворянства и 6% депутатов от церковников.) Но перед самой революцией в масоны спешно зачислили и сотни отпетых отморожков, которым предстояло делать грязную работу: штурмовать Бастилию; грабить («Мир хижинам — война дворцам!»), убивать всех, кто посмел усомниться в законности той революции, и прежде всего дворян,

тащить их на гильотину, а потом отвозить обезглавленные трупы в страшные ямы, где уже никто не мог определить, кто из жертв королевской крови, а кто — крестьянской. Под масонский лозунг «Свобода! Равенство! Братство!», ставший после 1789 года государственным, кровью залили всю Францию. Тот же самый лозунг использовали масоны и их подручные из числа сионистов в ходе Февральской революции 1917 г., а затем его взяли на вооружение большевики в России в годы Красного террора и сословного геноцида, осуществленного в куда больших общероссийских масштабах, чем во Франции.

Эпидемия революций XIX века, перенесенная в XX, показала опасность мирового масонства. Сама структура их организации с подчинением Центральной Великой Ложи национальных лож позволяет обеспечивать руководство революциями, государственными переворотами, как и любыми другими масонскими операциями по всему миру из единого центра.

Революции 1905 и 1917 годов, погубившие Российскую Империю, особо наглядно показали, как эта система действует. В советские времена помалкивали о роли масонов в этих революциях, как и о том, что масоном был Александр Керенский, генеральный секретарь Верховного совета парамасонской организации «Великий Восток народов России» и глава последнего Временного правительства, которое тоже практически всё составляли масоны. «От начала Первой мировой войны и вплоть до февраля 1917 г., — пишет в своей книге «Люди и ложи» Нина Берберова, — в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов»).

С началом Февральской революции «Великий Восток Франции» направил в Россию видного масона, полковника Иностранного легиона еврея Зиновия Пешкова, урожденно-го Зяму Свердлова, приёмного сына Максима Горького и родного брата одного из лидеров большевиков Якова Свердлова. Роль Горького в жизни его приёмного сына отмечена, в частности, тем, что «великий пролетарский писатель» свел Зиновия с масонами, с которыми сам тесно общался, оказавшись в эмиграции. В «Великом Востоке» Зиновий Пешков пользовался особым доверием, и именно ему предстояло сыграть в России ключевую роль в многоходовой операции, разработанной мировой закулисой при активном участии либерального масонства («Великий Восток» и др.) и сионистско-масонской ложи Бнай Брит в США (Якоб Шифф, Кун и Леб и др.). Эта операция предусматривала физическую ликвидацию Царской семьи и всех членов императорской фа-

милиии Романовых, что открывало возможность сионистскому капиталу присвоить несколько тонн золота, переданного Николаем II в качестве вклада в Федеральную резервную систему США. Такая же судьба постигла царские вклады в банках Англии и Германии.

Ликвидация сильной монархии в России вместе с Романовыми должна была, по замыслу этой операции, привести к распаду России на несколько слабых государств по известному «плану полковника Хауса» (масон, помощник президента США масона Вильсона). Масоны взяли этот план на вооружение, если не сами его разработали. «Подлинная политика Западной Европы в отношении России, — писал еще в 1904 г., за год до первой русской революции 1905 г., на страницах закрытого масонского журнала «Акация» его редактор Ш.Лимузен, — должна бы состоять в расчленении этого колосса, пока он еще не стал слишком опасным. Следовало бы использовать возможную революцию для восстановления Польши в качестве защитного вала Европы, а остальную часть России разделить на три или четыре государства».

Нерешительность Керенского в «деле Романовых» и разделе России привела к тому, что от первоначальной ставки на ее «демократизацию» мировое масонство отказалось и неожиданно для всех поддержало большевиков. Ленин со своими соратниками был отправлен через Германию в запломбированном вагоне готовить революцию политически, а Троцкого вместе с его еврейскими боевиками отправили в Россию на зафрахтованном Якобом Шиффом пароходе с трюмами, забитыми оружием, готовить вооруженное восстание и государственный переворот.

О том, что Керенского «подвинули» таким образом в пользу большевиков по указанию масонов, сообщения в печати русской эмиграции появлялись неоднократно. К тому же и факты говорили сами за себя. Большевики охотно пошли на сделку с мировой закулисой и приступили к развалу России, признав независимость Польши, Финляндии, а также никогда не существовавших ранее как самостоятельные государства Украины, Литвы, Латвии и Эстонии. Флаги независимых государств появились на Кавказе, в Средней Азии, на Дальнем Востоке (Дальневосточная Республика). И если бы Владимир Ильич не ушел вовремя к праотцам, не было бы никакого Советского Союза, который был воссоздан из пепла Гражданской войны, разгромил мировой фашизм и стал сверхдержавой.

Только наивные люди могут полагать, что мировая закулиса и ее ударные отряды — мировое масонство и междуна-

родный сионизм отказались от своих прежних целей: уничтожения России и русского народа. Уроки истории, о которых здесь сказано, подтверждают это на сто процентов.

Большевики быстро арестовали Царскую семью и всех членов императорской фамилии и переправили их в глубь России, где они и были зверски убиты в июле 1918 года. За финальной стадией этой операции эмиссар «Великого Востока» полковник Пешков следил уже из ставки Верховного правителя России Колчака в Сибири, а палачами Романовых руководил непосредственно его брат Яков Свердлов, скрупулезно следуя телеграфным указаниям на этот счет Якоба Шиффа (см. об этом подробнее: Соколов М. Убийство царской семьи. Берлин: Слово, 1925; Большаков В. Ритуальное цареубийство. Правда или вымысел? М.: Алгоритм, 2018).

Конечно, русские революции 1905 и 1917 годов были вызваны к жизни серьезнейшими тектоническими сдвигами в мировой политике, экономике и общественном сознании России начала XX века. Поэтому считать их причиной и результатом исключительно «жидомасонского заговора» несерьезно, хотя и масоны, и сионисты в них активно участвовали. Однако похождения эмиссара «Великого Востока» Зиновия Пешкова в России и преступления, совершенные им на русской земле в паре с его братцем, архипреступником Яковом Свердловым, организатором сословного геноцида русского народа, — это исторический факт и ярчайшее опровержение утверждений масонов о непричастности к политике и невмешательстве во внутренние дела других стран. Одновременно это и подтверждение опасности мирового масонства для судеб человечества.

Ложа «Лубянка» и «блохи» Хрущева

После заключенного большевиками «похабного» Брестского мира, который, по замыслу мировой закулисы, и должен был положить начало разделу России, масоны сумели расставить своих людей — как получивших инициацию в России, так и за границей — в новых государственных структурах, включая ВЧК и Наркоминдел. Лидеры большевиков поначалу смотрели на это сквозь пальцы и примерно до середины 20-х годов вели своего рода флирт с масонством, учитывая, что связи с «вольными каменщиками» в эмиграции поддерживали Ленин, Троцкий, Луначарский и др.

Сталин в эти игры играть не стал, хотя некоторые масоны (Братченко и др.) предлагали ему «помощь мирового масонства в строительстве социализма». Он ликвидировал масон-

ство по спискам НКВД физически, включая основателя мифической ложи «Лубянка» чекистского палача Г.Бокия.

Вплоть до начала перестройки масонство в СССР оставалось вне закона. Попытки использовать для его реабилитации хрущевскую «оттепель» не увенчались успехом, так как Хрущев пресек этот масонский зондаж одной фразой: «Я не намерен запускать себе блох под рубаху».

Удалось ли всех этих «блох» вывести с тех пор, как расстреляли Бокия, — это вопрос, на который ответить не так просто. В 1992 году, работая во Франции собственным корреспондентом газеты «Правда», я посетил штаб-квартиры трех ведущих великих лож Франции: «Великого Востока», Великой Ложи и Объединенной Великой Ложи. Все руководители этих трех лож, у которых я тогда взял интервью, единодушно утверждали, что масонство в Советском Союзе было изведено под корень и что там не осталось ни лож, ни масонов. Даже во Франции русские ложи, где собирались масоны-эмигранты, постепенно «угасали» и к началу перестройки вообще перестали существовать. Ряд косвенных признаков, однако, говорит о том, что масонство в России было действительно разгромлено организационно, но сохранило отчасти и каналы влияния, и какое-то число бывших «братьев» и даже обрело новых. Однако формально их существование ни в какой форме не было признано никакой из материнских лож. Поэтому формально Великие Магистры были правы. И всё же если учесть, что масоны умудрялись создавать свои мастерские и целые ложи даже в нацистских концлагерях, то полностью исключить возможность существования масонского подполья в СССР нельзя. Да и в мемуарах некоторых масонов, опубликованных в эмиграции, подтверждения тому есть, в частности, у той же А.В. Тырковой-Вильямс, состоявшей в ложе «Аврора», и в известных «Письмах» Кусковой. Вплоть до середины 30-х годов в глубоком подполье в России действовал масонский Орден розенкрейцеров, среди членов которого были сестра поэтессы Цветаевой Анастасия Ивановна и даже знаменитый советский кинорежиссер С.М. Эйзенштейн (см.: Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. М.: Родник, 1996. С. 178, 181).

Как выяснилось в последнее время, масонское подполье активно действовало на Западной Украине и в прибалтийских республиках СССР. Так, в 2010 году латвийский политик Янис Гулбис, который работал в руководстве Министерства здравоохранения Латвийской ССР, рассказал корреспонденту ИА REGNUM Новости о том, как некий товарищ

Н. пытался в 1979 году (!) завербовать его в «тайную организацию», как выяснилось, в масонскую ложу, созданную еще в 1750 году и активно действовавшую в советские годы в Латвийской ССР, где масоны занимали важные посты в государственных и партийных учреждениях. «Я тянул время, — рассказывает Янис Гулбис. — Товарищ Н., в свою очередь, хвастался тем, что масоны ставят (в Латвии) министров, и в 1979 году не было такого министра, который не состоял бы в масонской ложе, по словам товарища Н. Говорили, что даже замы должны были быть масонами. Я всегда делал свою работу, но не карьеру. И я отказался вступать в какие-либо тайные организации. После того как я отказался, мне приказали уехать со всей семьей из республики. Когда я этого не сделал, меня просто вышвырнули из министерства безо всякого приказа. Я прошел по инстанциям, дошел до Пельше (Пельше Арвид Янович (1899—1983), член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС). Но на работе меня так и не восстановили. Не знаю, был ли Пельше масоном» (REGNUM, 29.08. 2010). Масонские ложи в Латвии, по свидетельству Гулбиса, приняли самое активное участие в операции по выходу Латвии из состава СССР, которую координировали и направляли спецслужбы стран НАТО. Так же действовало масонское подполье в Литве и Эстонии.

Под Пламенеющей Звездой

Пожалуй, как и любой другой москвич, я не обращал особого внимания на различные барельефы со звериными мордами, треугольниками и циркулями, украшающие многие старинные здания в Москве и Санкт-Петербурге. Но вот когда я пришел в Париже на Rue Cadet брать интервью у главы Ордена «Великий Восток» Франции, а проще — у Великого Магистра господина Жан-Пьера Рагаша, меня провели через Храм Ордена, где вся масонская символика была сосредоточена в одном месте. Там был и треугольник, внутри которого изображен открытый глаз. Это масонский символ «Лучезарная дельта», Всевидящее Око, выглянувшее из Храма, с некоего подобия алтаря, и Пирамида, и циркули с наугольниками, и даже семисвечник, напоминающий иудейскую менору. Мозаичный пол из белых и черных клеток наподобие шахматной доски еще один атрибут масонского братства, который, по их мнению, «символизирует взаимопроникновение Света и Тьмы, Доброго и Злого начал в мире». И конечно, пятиконечная Пламенеющая Звезда. Мне, честно гово-

ря, никогда раньше и в голову не приходило, что красная звезда, излучающая свет с башен Кремля, пентакль, как ее еще называют, — это символ масонства, ставший, увы, символом Советского государства. Да и после развала СССР пентакли по-прежнему украшают башни Кремля, символизируя «свет познания», который масоны якобы несут человечеству.

За годы советской власти по всей стране последовательно уничтожались вместе с православными храмами и монастырями все символы христианства и монархической России: кресты, короны, двуглавые орлы, булавы, скипетры и т.д. Причем не только на зданиях, но даже на памятниках и чугунных решетках царских дворцов. Чаще всего эти символы заменяли на пентакли. Но вот масонскую символику не только никто не тронул — наоборот, ее сохраняли и последовательно внедряли даже в московском метро в качестве «декоративных элементов».

Как-то случайно, проезжая мимо Института им. Склифосовского на Садовом кольце, я заметил на его здании знакомый масонский знак — отвес, циркуль и наугольник. Да что там знаменитый институт — тот же символ избрали для герба нашей братской Германской Демократической Республики.

На старинных зданиях в Петербурге и других крупных городах России чаще всего встречается «Лучезарная дельта». Она, кстати, украшает главный портик Казанского собора в Санкт-Петербурге, где вообще столько сохранилось масонских символов на храмах, старинных зданиях и дворцах царских вельмож, что можно организовать специальную экскурсию на тему «Масонский Петербург». Но вот самый известный вызов масонства советскому миру — в Москве, на Тверской улице, бывшей улице Горького, на здании, где в XIX веке заседал Английский клуб, а при советской власти размещался Музей революции (!) и ныне расположился Музей современной истории, красуется изображение льва с лицом человека (масонский символ «мощь и слава»), триединый венок («единство трех религий») и канат, который «символизирует тесную связь масонов друг с другом».

А в Киеве масоны отметились даже на знаменитом памятнике великому князю Владимиру, сплошь усеяв его масонскими знаками. Если приглядеться, увидишь, перекрещенные факел и ритуальный кельтский нож — символ, популярный среди французских масонов. Голова быка с элементами растительности, плодородия — знаковый элемент и обозначает единение мужского и женского начал, что также имеет важное значение в мистической мифологии масонства.

Почему все эти масонские символы тщательно сохраняли и так любовно сберегали? От незнания их подлинного смысла и предназначения или ради вполне сознательного утверждения масонских идей и демонстрации тайного влияния «вольных каменщиков» в России и в мире? Или это дань активному участию масонов в революциях 1905 и 1917 годов в России? И как это проморгали и столько лет «не замечали» весьма хорошо подкованные по части масонства и его символики эксперты с Лубянки? Может ли все это быть случайностью? Вопрос непростой. И всё же поищем на него ответ.

Масонство скрытно существовало после сталинских чисток в Советском Союзе, но не в форме регулярных или белых лож, а в форме либеральной идеологии, и приняло организационные формы только с возникновением движения диссидентов и правозащитников в начале 60-х годов. В мировом масонстве на это движение возлагали большие надежды, особенно такие либеральные масонские ложи, как «Великий Восток» и Великая ложа Франции. В ходе нашего интервью я напрямую спросил Великого Магистра «Великого Востока» г-на Рагаша:

— Правда ли, что ложа «Великий Восток» открывает свои филиалы в странах Восточной Европы и в СНГ, в том числе в России?

— Да, это правда, — ответил мэтр Рагаш. — Мы открываем заново свои масонские ложи по всей Центральной и Восточной Европе. Более конкретно — в Чехословакии, Венгрии, Польше и в России...

— Есть ли между ними разница?

— Различны в первую очередь условия функционирования. Эти различия определяются не только тем, что в одном случае масонские ложи были запрещены с 1922 года, как в СССР, а в другом — после гитлеровской оккупации и затем снова в 1946—1948 годах, как в Восточной Европе. Но также тем, насколько в этих странах была развита демократия. Среди всех выделяется Чехословакия. Там были наиболее благоприятные условия, и мы очень быстро там внедрили (специально обращаю внимание на этот шпионский термин. — **В.Б.**). В Венгрии внедрение проходило почти так же, как в Чехословакии, но вот с Польшей было сложнее, ибо там сильно влияние католической церкви, развиты антимазонизм и антисемитизм. Тем не менее и там условия оказались достаточно благоприятными...

А вот что мне рассказал о подготовке русских масонов в Париже Великий секретарь Великой национальной ложи Франции Трестурнель.

— Где же посвящали и обучали тех русских масонов, которые 14 января 1993 года открывали свою ложу в Москве? — спросил я его.

— Здесь, в нашей ложе, — отвечал Великий секретарь. — Они приезжали, жили здесь некоторое время, потом уезжали, потом опять приезжали...

— Но ведь это есть нелегальщина чистой воды. А вы говорите, что не действуете нелегально? — заметил я.

— Конечно, не действуем — ничтоже сумняшеся отвечал Великий секретарь. — Ваши профаны, то есть непосвященные, приходили к нам во Франции. Мы их не искали в России. Разве нам следовало их выставить за дверь, потому что масонство не нравилось вашим властям? Мы их принимали по их просьбе. И обучали. И теперь их около 20 человек. Они сформировали эту ложу. Из русских. Из тех, что живут здесь, во Франции. И из тех, кто там, в России. Они уже там. Они будут работать, принимать в свои ряды новых членов, посвящать профанов мало-помалу. Со временем они создадут вторую, а затем и третью ложу — такова цель.

Конечная цель была, понятно, куда более масштабной. Это — создание с помощью завербованных новых русских масонов в России разветвленной сети агентов влияния. По официальным данным самих масонских лож Франции, на эту операцию было выделено «Великим Востоком» Франции 1,2 млн. франков. Великая ложа Франции дала 300 тыс. франков, а Великая национальная ложа Франции подарила своему филиалу в России комплект шпаг, фартуков и орденов. Это, конечно, мелочи по сравнению с реальными вливаниями в дело восстановления масонства в России.

С «внедрением» масонов в Россию так торопились, что иной раз дело доходило до смешного. В августе 1991 года Великая Ложа Франции для реализации своего филиала в Москве отправила туда пять членов ложи в ранге мастера, чтобы с двумя уже инициированными русскими братьями создать Великую Ложу России по всем правилам. Для этого французы направились в Москву со всем масонским реквизитом: фартучками, мечами и прочими атрибутами. Великий Магистр Великой Ложи Франции Барра совершенно серьезно обо всем этом мне рассказывал, не сознавая истинной комичности ситуации: «Да, наши братья, действительно, выехали в Москву 18 августа 1991 года. Конечно, мы не планировали приехать в Москву накануне путча. Просто дата была выбрана заранее как наиболее подходящая для нас, ибо август — период отпусков. Мы планировали в то время провести посвящение в масоны нашего об-

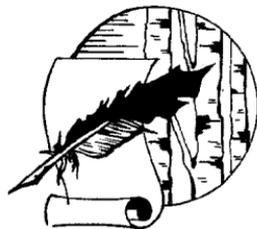
ряда нескольких тогда еще советских, теперь уже российских граждан. Но при подъезде к Москве на Минском шоссе нас встретили танки...»

Российские «братья» и сами перепугались, и несколько дней скрывали своих гостей на одной из подмосковных дач. А потом всё же реализовались. Больше им никто не мешал.

В «Великом Востоке» Франции (ВВФ) в 1990 году в срочном порядке приняли в ученики и тут же произвели в мастера-масоны некоего Дергачева, которого отправили в Москву в сопровождении шести «братьев» из «Великого Востока» для создания там русского филиала ВВФ. Однако Дергачев перебежал к соперникам ВВФ — в Великую Ложу Франции и возглавил ее филиал в России.

Немало неприятностей доставил «Великому Востоку» Франции и Жак Орефис — новый куратор русских лож с 1992 года. Именно он открывал ложу «Свободная Россия» в Москве. Вскоре, однако, выяснилось, что мастер нечист на руку. Его уличили в присвоении значительных средств, отпущенных на организацию масонских лож в России. Орефис был исключен из Ордена, и руководство «Великого Востока Франции», разочаровавшись в русских братьях, в 1996 году приняло решение на время закрыть все свои ложи в России. Однако уже в 1997 г. была открыта мастерская этого союза — «Москва».

Отметим, что реанимация масонства в России не обошлась без французских и американских спецслужб. Куратором русских лож во Франции был сотрудник французских спецслужб еще с 1940 года полковник Михаил Гардер (род. в 1916 г. в Саратове). Кадровым военным и тоже полковником французской армии был и первый куратор русских лож со стороны «Великого Востока Франции» А.В. Липский, активный участник спецопераций в Алжире и Индокитае. В США этим занимался директор ЦРУ, член Мальтийского ордена Уильям Дж. Кейси, которому принадлежит крылатое выражение: «Задействуй негодяев, если хочешь быстро выполнить работу».

СТИХИ ПОЭТОВ КОСТРОМЫ

Елена БАЛАШОВА

Родилась в 1949 году в дер. Галузино Чухломского района Костромской обл. Стихи начала писать, когда училась в школе. Школу закончила в г. Приозерске Ленинградской обл. Там же занималась в литературном объединении, которым руководил В.И. Аксёнов. Первые публикации были в районных и областных газетах, в коллективных сборниках. В 1977 году принимала участие в семинаре молодых литераторов Нечерноземья. Публиковалась в «Литературной России», «Сельской жизни», в журналах «Нева», «Аврора», «Невский альманах», «Роман-журнал 21 век», «Вертикаль», в альманахе «Слова, слова, слова...» (Москва—Чикаго). Автор трех сборников стихов. Член Союза писателей России. Живет в г. Чухлома Костромской обл.

В ПАРКЕ

Прикованы в парке цепями качели
И парк потемнел и притих.
Лишь сумрачно смотрят надменные ели
На бедных собратьев своих.

Мне нравятся озера мерные всплески.
Постой. Помолчи. Не спеши.
Пусть ветер сырой, по-осеннему резкий
Смятенной коснётся души.

Он душу мою отчего-то волнует —
Холодный, российский, сквозной.

Так первая сладость мужских поцелуев
Волнует своей новизной...

УМИЛЕНИЕ

Когда и кто томясь от слёз,
Восторга, красоты, волненья
Вдруг вдохновенно произнёс
Простое слово: «Умиленье»?

О, умиление души!
Какая гамма чувств высоких!
Мне никогда не разрешить,
Где древние твои истоки.

Какой высокий чистый дух,
Земной любясь красотой,
Промолвил это слово вслух
И тем лишил меня покоя?

Ищу ответ я: где нашёл
Он сочетанья дивных звуков,
Какие школы он прошёл,
Чтоб мне оставить эти муки,

Когда страдая и томясь
От красоты, волненья, — снова
Я слышу чувств высоких власть
И не могу промолвить слова?

Алексей СКУЛЯКОВ

Член Союза писателей России, председатель Костромской областной писательской организации. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в региональных и столичных журналах. Живет в Костроме.

* * *

Утопился месяц ночью в нашей речке.
Прозвенели вёдра на твоём крыльчке.
И от речки голос, плачущий, зовущий,
Доносил в окно мне ветер вездесущий.

А когда горела ярким перламутром
У тебя заколка на причёске утром,
За стеклом оконным, от росы просохшим,
Мне она казалась месяцем утопшим.

* * *

Когда земля в плену снегов и льда,
Когда метели мечутся по свету,
То кажется: царить зиме всегда,
Что никогда не возвратиться лету.

Но вот дохнет теплом весенним юг,
И сразу успокоятся метели,
И в воздухе услышится вокруг
Хрустальный звон очнувшейся капли.

И тьма проталин, обнажась едва,
Оповестит о близком лете душу,
Как в плавании долгом острова
Огромнейшую предвещают сушу!

* * *

Под окном моим жил
Дождик — осени гость.
Он метался, кружил,
Поливал вкривь и вкось.

Лил и лил, не стихал
И в утеху себе
Грохотал, громыхал
В водосточной трубе.

Над костром бузины
Дождик грел пальцы рук,
И стучал до зимы
Он в окошко — тук-тук...

А зимой, как во сне,
Бесконечном, земном,
Мнился дождиком мне
Частокол под окном.

Александр БУРЛАКОВ

Член Союза писателей России. Лауреат международных конкурсов. Печатался в региональных и столичных журналах и альманахах. Живет в г. Шарья Костромской области.

* * *

Росчерк — стремительный,
нервный, точный...
... По голубому — пером — стрижи
Пишут в небе и днём и ночью,
Как иероглифы, — виражи.

Резкое «чвирк» на высокой ноте —
Только что был, и
гляди — пропал.
Воздух от скорости густ и плотен,
Будто... судьбы тропа.

Третий ли день, а не то — четвёртый,
Как прилетели
и ведь — не все...
Под небесами до дыр протёртыми
Хоть бы один присел!

Вечное это паренье
мне бы
Да невесомый земной простор...
До горизонта уходит небо,
И до небес — восторг!

И под пером проступают строки,
Выси стрижиные — у виска...
Книгу жизни —
от корки до корки —
Кто описует? Как?!

Кто, разумея предвечные веды,
Сможет потом их считать «с листа»?!!
... То ничего, что Бог крыльев не дал —
Он с нами
вровень встал.

* * *

Уже не туман и не снег ещё —
Кристаллов летучих рой
Плывёт,

почти не касаясь щёк...
...И кружит над головой.

Как будто в небе белесый дым
Сожжённых дотла мостов
Висит,
где время свои следы
Оставило лет на сто.

В миру, уставшем от
пересуд,
Робеет, скорбит душа...
...Дрозды рябину всю трясут,
А больше того — крошат.

Об эту пору бы да — в тепло,
На юг, не жалея крыл!
...Мой взор,
протиснувшись сквозь стекло,
Едва не пробил дыры.

От первого снега светлее — чуть...
И то, коли день, — в окно!
А так —
сиди да пали свечу,
Чтоб не подавиться сном.

По лету б — морось...
А тут — мороз!!!
...Настой из мельчайших льдин,
Как будто кто-то к губам поднёс.
Да это — зима!
Гляди...

Владимир ПРОСКУРЯКОВ

Член Союза писателей России. Живет в г. Волгореченске
Костромской области.

ЖУРАВЛЬ

Здесь тишиною душат вечера,
Не слышно петухов разноголосья,

Не режут плугом поле трактора,
Не клонятся от тяжести колосья.
Здесь у колодца пусто поутру,
Изьела плесень сруб морёный, древний,
Скрипит журавль и плачет на ветру
По умершей, заброшенной деревне,
Скрипит-скулит и в ливень, и в мороз,
Тоску излить иначе не умея,
Как изгнанный состарившийся пёс
С оборванной верёвкой на шее.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Вонзая блещущее жало
В его могучий древний стан,
Пила прожорливо визжала,
И дрожь катилась по листам.
Грачи испуганно кружили,
Был страшен тот последний путь —
Под треск древесных сухожилий
Он тяжело пал земле на грудь.
А через час его не стало,
Работы для пилы — пустяк.
Кряжи четыре самосвала
Украдкой сбросили в овраг...
Зачем, за что его убили?
Не знаю, но пронёсся слух,
Что люди просто не любили
Его летящий белый пух.

Ольга ЗАПОЛЬСКИХ

Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии «Золотое перо Руси» за 2018 г. Автор шести поэтических книг. Живет в Костроме.

* * *

Весело ли — грустно ли,
Близко ли — далёко ли
Разметалась Русь моя
Облаками лёгкими,
Птицами да стаями —
Гуси да журавушки.

Милями — верстами ли,
Молодцы да павушки.
Переясны — плаканы.
Святославы с битвами.
Латы перелатаны.
Лапти перелыканы.
Гой, ты, Русь, раздолена,
В передел разделена,
Где слезой рассолена,
Где в муку размелена.
Высекая просеки,
Ввысь сигая с крыльями,
Ты всё в небо просишься,
Колокольню-быльня.
Журавлино-дольная,
Березяно-стёжная,
Ты любимо-вольная
Доля невозможная!
Где ещё — токующей?
На миру — краснеющей?
Прошлою и будущей
В горе матерюющей?
После слёз — с колен трава.
Где с мольбой — там с семенем.
Кто-никто, но ты права
Правдою да временем.

Ольга КОЛОВА

Член Союза писателей России. Дипломант международного конкурса детских и юношеских писателей им. А.К. Толстого. Автор поэтических сборников «Пугливая птица», «Здесь, в России», «Любовью и болью», «К светлой высоте», «Сибирская легенда», «Агафоны-рябинники» и книги историко-краеведческих очерков «Село Матвеево». Публиковалась в отечественных и зарубежных изданиях. Живет в Костроме.

* * *

Где-то в дебрях глухих
Берегут чистоту родники;
Над лесными селеньями
Ярче далёкие звёзды...

Где ещё чудачки
Кормят птиц с огрубевшей руки,
Не зоря понапрасну
Свои и звериные гнёзда.
Где бинтуют берёзы
Извечные раны Руси,
И всегда в утешенье
Печаль твою выплачут ивы;
Где в предутренний час
Мир, как в день сотворенья, красив, —
Полнясь светом Творца,
Замирает на миг молчаливо...
Здесь ютится Россия,
В глухих потаённых местах,
В чистоте сберегая
Святую, великую душу
От разврата и срама,
Во имя Творца и Креста,
Греясь верой в Него
В мировой свирепеющей стуже.

* * *

Словно благовест манит сиянье берёз —
Чистоты древнерусской приют белостольный,
Чтобы высветлить душу до благостных слёз
И по-русски вздохнуть — глубоко и привольно.
Против ветра расправить два сильных крыла,
Поднимаясь над призраком злого содома,
Защищая святыню, чтоб не умерла,
Пусть ликует душа:
Я — в России,
Я — дома!

Николай МАКСИМЧУК

Член Союза писателей России. Автор семи стихотворных книг. Живет в Костроме.

* * *

Ещё не любовь, а её предвкушение:
Ещё и амур не готовит стрелу,
А сердце трепещется! В нём искушение
Былые обманы сжигает в золу.

Ещё не любовь, только взор с обещанием,
Где призрачность грёзы и неги рассвет,
И то, что ещё не знакомо с прощанием,
Поскольку ему не знакомо «Привет!».

Ещё не любовь, а всего лишь желание
Окутаться в нежность отзывчивых фраз...
А робкие взгляды — немое послание
О том, что на «ты» звать мне хочется вас.

ЗИМНИЕ КОНТРАСТЫ

Веселится красное на белом:
Снегири купаются в пороше!
Замер перед ними оробело —
До чего ж приход зимы хороший!

По соседству, красным полыхая,
Завлекают на обед рябины:
У мороза кухня неплохая —
Стали слаще ягоды отныне!

А до самой до небесной кромки
Россыпь белых клавиш пианино,
И на них метельный вальс негромкий
Заиграет ветер ночью длинной.

Бал к утру отметится финалом,
Растворятся тучи, сбросив ношу.
Час зари! Рассвет в тулупе алом
Ляжет на невинную порошу..

ПТИЦЫ ИЗ ОСЕНИ

Пёстрыми птицами, шумными птицами
Ветки укрылись с роскошеством грима:
Осень одна, только с разными лицами
Вышла на сцену, блистая, как прима.

Белыми птицами, тихими птицами
С вечера лягут туманы в низины —
Утром роса заблестит небылицами
Там, где антоновкой пахнут корзины.

Чёрными птицами, гулками птицами
Грусть закружится над вспаханным полем:
Выждит тучи, тоскливыми ситцами
Падая наземь. Доколе? Доколе?

Разные этими птичьими стаями
Струны натянуты — сердце послушай:
Осень, уставшая властвовать далями,
Ходит по душам...

НАШЕСТВИЕ

Движущие силы истории и революции

Столетие «русских» революций 1917 г. *«...стало поводом для дальнейшего развёртывания психохисторической войны против России»* (Андрей Фурсов). Объект разрушения здесь — история.

Отечественная историография о революциях переполнена беспардонной ложью, откровенными неисчислимыми фальсификациями, а нередко и наивными заблуждениями. Наиболее серьёзными (из которых произрастают и прочие) можно считать два ошибочных положения. О Февральской революции — она произошла настолько внезапно, что впору сравнивать её со снегом в июле месяце. И об Октябрьской — «большевики подняли с земли валяющуюся власть».

Ещё об Октябрьской говорят, но это уже правда, что она является копией Французской, утаивая при этом, какие адские силы смогли произвести подобные копии мирового масштаба.

Сохранилось свидетельство торжеств победителей Французской революции. Битком

УРОКИ ИСТОРИИ

набитый зал скандировал: «Да здравствует масонство!» На балконах развешаны масонские знамёна и такие же полотнища, прославляющие масонство, а также его девизы: «Свобода, равенство, братство!»

«Коммуна в полном составе поместилась на балконе... перед статуей Республики, опоясанной красным шарфом и окружённой знамёнами коммуны. Масонские знамёна одно за другим были водружены на ступенях лестницы... Выделялись лозунги, являющиеся основой учения франкмасонов, которые коммуна поставила задачей применить на практике. <...>

Когда двор наполнился народом, со всех сторон начали раздаваться крики: «Да здравствует Коммуна!» «Да здравствует масонство!» «Да здравствует всемирная Республика!» («Протоколы Парижской Коммуны», Партиздат, 1933 г.).

Однако эта сторона сходства — организация масонством русских революций, несмотря на обилие материала о его активной деятельности в России, умалчивается и тщательно скрывается. «История» революций рассматривается так, будто это грандиозное историческое событие произошло под руководством В.И. Ленина, возглавлявшего русскую рабочую партию.

Вот свежий пример. Демократический режим России выпустил солидную книгу — «Политология. Энциклопедический словарь» (М., 1993 г.). Термин «масонство» сопровождается текстом, в котором перечисляются страны, где масоны оказали заметное влияние на историю (или судьбу) государства. О России сказано, что влияние масонства проявилось (лишь!) в период декабристов (стр. 164). Но в нём, в этом «Словаре», ни слова о Февральской революции и предшествующем ей периоде, хотя влияние масонства в последнем случае просто несопоставимо с тем, какое было проявлено им в 1825 г.

Можно подумать, что эта всемирная тайная организация, имеющая колоссальный опыт в подобных делах, была абсолютно непричастна к Февральской революции, а затем безучастно наблюдала за тем, как малочисленная «секта большевиков», проделывает то, что является её прерогативой. А ведь это происходило в то время, когда масонские структуры охватывали буквально все стороны жизни государства.

Как свидетельствует видный представитель масонства Е.Д. Кускова, *«...к февральской революции ложами была покрыта вся Россия»* (письмо Е.Д. Кусковой Н.В. Вольскому (Валентинову) от 10 ноября 1955 г.).

«Общее число масонских лож <в России> превышало 55». «Масонские ложи действовали почти во всех крупных городах России... Но главное было не в географическом охвате, а в про-

никновении представителей масонства во все жизненно важные государственные, политические и общественные центры страны» (Платонов О.А. «Криминальная история масонства...», М., 2005 г., с. 268).

Известный исследователь масонства Нина Берберова свидетельствует: «...от начала Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. в России не было профессии, учреждения, казённого или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов. 1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности...»

Как говорилось в бюллетене Великой ложи Франции: «Масонство, которому история обязана национальными революциями, сумеет произвести и самую крупную, т.е. интернациональную, революцию».

Бездействовать такая структура не могла и не имела права; она создавалась и должна была выполнять то, для чего и предназначалась. В планах значилась Россия. Более того, масонство наметило Россию в качестве главного центра, откуда бы исходило нашествие масонских сил на земной миропорядок. Революция в России — частный случай; масонству грезился ещё более солидный приз, который она добудет, используя ресурсы и живую силу этой великой страны. Вот почему со всех уголков мира заспешили к нам «...из тайных убежищ Нью-Йорка, Глазго, Бёрна и других стран» (У.Черчилль) представители масонского воинства. Только из США прислали «...200 американских секретарей для налаживания масонской работы среди молодёжи и подростков».

А непосредственно перед февральскими событиями в Петроград прибыл лорд Мильнер, «великий надзиратель Великой масонской ложи Англии», «...чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила бы самодержавие...»

Центр «русской» революции — Петербург — получил свою масонскую власть ровно за год до её осуществления. Упомянутая выше Е.Д. Кускова рассказывала известному историку Б.Николаевскому о специальном совещании масонов на её квартире (6 апреля 1916 г.). Совещание, посвящённое обсуждению «...за год до революции» (Февральской. — А.К.) состава будущего правительства; и вот его результат: «...причём в этот список вошли почти все имена, составившие в 1917 г. Временное правительство» (Б.Николаевский, «Русские масоны и революция»).

Как видим, у организаторов готовящейся ими революции не было ни малейших сомнений в её успехе.

Откровенность Е.Д. Кусковой говорит лишь о вершине власти; действительность была намного плачевнее. Масонс-

кие ложи представили списки лиц своих «братьев»: «...для занятия государственных должностей, годных для новой администрации». В конечном итоге, «...ключевые посты министров и ведомств, комиссаров Временного правительства, все члены Временного правительства (за исключением Карташёва и Верховского)» принадлежали масонам (О.А. Платонов, «Терновый венец России». М., 1997 г., т. I, с. 483). Главное действующее лицо Февральской революции А.Ф. Керенский являлся секретарём Верховного Совета масонских лож «Великого Востока России».

Переворот совершили до удивления просто; в сжатом виде так: организовали «отречение» монарха и добились согласия наследников не претендовать на власть. Затем группа масонов объявила себя, якобы «*по почину Государственной Думы*», Временным правительством, «*облечённым полнотой власти*». Так произошла Февральская революция.

А их разговоры об Учредительном собрании были обычным в таких случаях блефом.

Миф о двух революциях

«Мы до сих пор не так много знаем о реальных событиях отрезка между Февралём и Октябрём...» (А. Фурсов).

Бескровно свершившаяся «Февральская революция» была классическим государственным переворотом. С точки зрения либеральной идеологии, она считается (и считалась тогда) демократической. В Советский период она упоминалась как буржуазная. Однако начало такой терминологии исходит от заграничных революционеров, что было необходимо им в политическом плане. Особенно активно начал использовать эту терминологию В. Ленин сразу же после февральских событий. Это служило основанием для «развития», «продолжения», «углубления революции» (заметим, термин «новая революция» в «межреволюционный» период отсутствовал). Именно с такими лозунгами зарубежное воинство революционеров, именовавшееся интернационалистами, устремилось в Россию. Поплыло пароходами, покатило поездами, добиралось «на перекладных».

Внушительный десант во главе с Троцким отбыл из Америки. «*Список пассажиров <парохода «Кристианиа-Фиорд»> был длинным и таинственным. Троцкий находился в третьем классе с группой революционеров... Единственные невинные люди на борту...*» были голландцы, спешащие домой с Явы (Э. Саттон, «Уолл-стрит и большевицкая революция». М., 1998 г., с. 20). Во время своего длительного пути (через Канаду и

Англию) Троцкий «выболтал» масонский план: *«Временное правительство просуществует недолго и уступит место...»* тем, кто будет проводить политику дальнейшей демократизации России. (Перед отъездом из Америки на митинге по случаю революции в Петербурге он провозгласил то же самое: более решительно проводить демократизацию России будут другие революционеры.) А по прибытии в Питер в своих зажигательных выступлениях он призывал к непонятно какому (в то время) *«продолжению революции»*.

Американский коммунист Л. Стеффенс, находившийся на пароходе вместе с Троцким, записал в дневнике: *«...все согласны, что революция находится только в своей первой фазе, что она должна расти. Крейн и российские радикалы на корабле считают, что мы будем в Петрограде для повторной революции»*.

Оборот *«повторная революция»* не должен вводить нас в заблуждение. В документах он встречается не раз, и, скорее, носит конспиративный характер взамен понятного оборота — продолжение революции.

Упомянутый в вышеприведённой цитате Крейн характеризуется как человек, который *«много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму»*. Он же, Крейн, *«рассматривал период правления Керенского лишь как первый шаг в развитии революции»*. Крейн, Стеффенс, Троцкий и Вудро Вильсон имели общую точку зрения: *«...рассматривать Временное правительство как «временное», за которым должна... последовать «повторная революция»* (Э. Саттон).

Возможно, благодаря пропагандистской публицистике о «пломбированном вагоне», в котором ехал В. Ленин, либеральные историки оперируют только данными о ленинском потоке (О. Платонов называет цифру 165 чел.). Реальность же более впечатляюща: из той же Швейцарии примерно месяц спустя (май 1917 г.) проследовал второй поток — натансон-мартовсий (257 человек) или «второй пломбированный вагон».

Да и о возвращении Троцкого всегда пишется так, будто он плыл в Россию в гордом одиночестве. На самом деле он возглавлял представительную делегацию так называемых ветеранов революции 1905 г. Их назовут «русскими интернационалистами», хотя *«большинство были евреи»* (Б. Бризоль). На митинге, предшествующем отъезду, они вели *«...обсуждения путей и средств для организации полной революции в России...»* (Б. Бризоль, «Мир на перепутье»; выделено мной. — А.К.).

Среди этих сотен экстремистов были ставшие потом известными большевиками М. Урицкий, В. Володарский, Г. Чудновский, Г. Мельничанский и многие другие.

Имел место и второй довольно представительный десант из Америки — 300 революционеро-сионистов. Они совместно с троцкистским потоком взяли под полный контроль вторую столицу России — Петроград (Грачёва Т.В. «Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегия тайных войн закулисы»).

На этом поставка интерреволюционеров не закончилась. В декабре 1919 г. А. Пальмер (тогдашний Генеральный прокурор США) отобрал 249 самых радикальных революционеров и специальным пароходом отправил в Россию. Характерна сопроводительная депеша (в виде открытки): *«Советский ковчег. Транспорт... «Буфорт» везёт в подарок Ленину и Троцкому на Рождество 249 красных»*. Среди «подаренных» революционеров были довольно известные, отмеченные самим У. Черчиллем, — Эмма Голдман и Алекс Беркман.

Итак, подведём итог. Поскольку кадры решают всё, то силы нашествия нужды в них не испытывали. Кроме швейцарских и американских потоков, были ещё и мадьярские, чешские, немецкие, латышские, китайские и прочие.

Прибывшее в Россию интернациональное воинство развернуло назойливую пропаганду о развитии революции. Как отмечает А. Солженицын, *«излюбленный лозунг 1917 года — «Углубление революции»*.

В советской партийно-политической литературе безапелляционно утверждалось, что идея продолжения Февральской революции и превращения её в социалистическую появилась у Ленина (в Швейцарии) сразу же, как только пришла весть о революции в Петрограде. Больше того, сусальная пропаганда преподносила этот факт как явление, присущее гению, которому свойственны подобные случаи человеческого озарения. В доказательство этого утверждения приводился факт мгновенной реакции Ленина на события в Петрограде: он тут же изложил свои мысли в знаменитых «Письмах издалека», направленных в «Правду». О мгновенном ленинском «озарении» эти «Письма...» не говорят ничего; а вот о существовании (к тому времени) такой концепции в интернациональном штабе революций вывод сделать можно. Посмотрите, как уверенно Ленин говорит о втором этапе революции в тот момент, когда он ещё ничего толком не знает о первой революции: он только что получил известия о ней.

Обращение к рабочим в «Письмах...»: *«...вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции»* (В.И. Ленин, соч., изд. 4-е, т. 23, с. 300; выделено мной. — А.К.).

Вот ещё одно заявление В.Ленина на эту же тему, сделанное им уже по возвращении из Швейцарии. В «Правде» (№ 26) от 7 апреля 1917 г. Ленин поясняет отдельные положения своих «Тезисов» (статья «О задачах пролетариата в данной революции»). Буквально в начале статьи (п. 2) он формулирует: *«Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства»* (выделено в источнике).

А.И. Рыков, словно предвидя, чем обернётся признание ленинских тезисов, говорил: *«...рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно»*, ибо партия в таком случае превратится в *«пропагандистскую кучку»* (7-я (Апрельская) конференция РСДРП(б). Протоколы).

Допустим, «идея овладеет массами», но чтобы реализовать свои замыслы, «революционеры-интернационалисты» должны создать какие-то структуры, иначе им придётся влиться в происходящий процесс и действовать «изнутри». Но таких проблем, оказывается, у них не возникло. Вот здесь и кроется ключ к раскрытию мифа о русских революциях.

В мифологии о них присутствует утверждение о существовании двоевластия, явления уникального и существовавшего только в России. В газете «Правда» № 28 (от 9 апреля 1917 г.) в специальной статье «О двоевластии» В.Ленин повторяет свой прежний постулат о своеобразии революции, состоявшем в том, что *«она создала двоевластие»*. *«О двоевластии никто раньше не думал, и думать не мог»* (выделено в источнике).

Далее он ставит вопрос и сам же на него отвечает: *«В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но всё-таки, несомненно, существующее на деле и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов»*.

Но как быстро это произошло! БСЭ утверждает, что Советы рабочих и солдатских депутатов возникли *«...в первые же дни Февральской буржуазно-демократической революции на основе опыта революции 1905—1907 гг., были результатом революционного творчества народных масс. 27 февраля (12 марта) образовался Петроградский С.Р. и С.Д.; в начале марта Советы образовались и в Москве, Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Твери и других городах»* (БСЭ, 1956 г., т. 39, с. 524).

Проанализируем такой факт. В первых числах апреля 1917 г. в Минске состоялся «Общешеронової с'езд», на котором

перед делегатами (а их прибыло 1500 человек) выступил Чхеидзе с докладом об отношениях между Советом и Временным правительством. В общих чертах массы «просили не беспокоиться»: в России устанавливается демократия; Советы — это «советская демократия», а Временное правительство — это «революционная демократия» (тогда оба эти термина были широко распространены).

Во время дискуссий о дезертирстве и предательстве старых офицеров Чхеидзе заявил: *«В настоящее время армия в России подчиняется революционному правительству, находящемуся под непосредственным контролем революционной демократии... Но если где-нибудь подозревается измена делу революции, делу свободной России, то об этом довести до сведения Советов рабочих и солдатских депутатов, которые доведут об этом до сведения Временного правительства...»*

Ангажированный историк, конечно, заявит о наличии двоeverластия. Смущает только то, что уж больно дружелюбны обе эти власти и, скорее, похожи на две ветви одной и той же власти, чем и являлись в действительности. А сам Чхеидзе, состоящий в руководстве той и другой ветви, — неопровержимое тому подтверждение.

С.Г. Кара-Мурза отмечает: *«...история возникновения Советов остаётся как бы «белым пятном». Историки говорят об этом очень скупо»* («Советская цивилизация. От начала до наших дней.», М., 2008 г., стр. 132).

Нет, не скупо! Историки и политологи всего-навсего боятся разрушать столь устоявшийся миф, в равной степени драгоценный и коммунистам, и либералам (особенно западным). А «белое пятно» заполняется легко и, главное, достоверно. Так называемые **Советы — это структуры, предусмотренные (заранее) для осуществления передачи власти от одной группы масонов другой.**

Главная фигура (внешне, конечно) будущей февральской революции *«...Керенский совершает ряд поездок по городам России, прежде всего по приволжским, с целью образования в них Советов рабочих депутатов...»* (Платонов О.А., «Терновый венец России». М., 1997 г., т. I, с. 394; со ссылкой на: ГАРФ, ф. 826, д. 56).

В литературе об этом периоде должно быть обязательно сделано уточнение — «Советов рабочих депутатов», ибо в России в то время одни Советы уже были. Так именовались структуры руководства местечковыми отделениями масонских лож, обильно разбросанных по территории страны.

Маститый исследователь масонства Б.Николаевский в работе «Русские масоны и революция» о том периоде пишет:

«Ложки (созданные по всей стране)... становятся ячейками будущей местной власти».

То есть мasonicкие архитекторы революции заблаговременно создали структуры, к которым со временем перетечёт власть после переворота. Не сразу, а после того, как к этому будут готовы местные большевики. Они же удовлетворились достигнутым. Идею Ленина о социалистической революции не принимали. Например, П. Смидович не выдержал напора агитации и на Петроградской конференции (24—29 апреля) заявил: *«...при каждом нашем выступлении на нас направляется определенное пугало в виде тезисов Ленина».* К тому же «продолжателям революции» нужно было показать недееспособность Временного правительства, обосновать принятую мифологему о его неустойчивом положении, именно как о «временном».

А могли бы использовать Советы и сразу! Вот этот кратковременный факт истории: Суханов Н.Н. засвидетельствовал, что на заседании ИК (Исполнительного Комитета) 1 марта *«при обсуждении передачи власти самопровозглашенному Временному Комитету (из состава Советов) против не было принято ни одного голоса, несмотря на то, что в Исполкоме Комитета числилось из 39 членов 11 большевиков»* («Записки революционера»).

Троцкий, ссылаясь на Шляпникова, возможно, не догадываясь об этом, раскрывает тайну: *«На другой день... из присутствовавших четырех сотен депутатов против передачи власти буржуазии голосовало всего 19 человек, тогда как в большевистской фракции числилось человек сорок. Само это голосование прошло совершенно незаметно, в формально-парламентском порядке, без борьбы и без какой бы то ни было агитации в большевистской печати»* (Л. Троцкий, «К истории русской революции». М., 1990 г., с. 312).

Ещё более впечатляющи заявления кн. Львова и Станкевича. Первый накануне пленарного собрания Петроградского Совета заявил: *«...Если советская демократия откажется от поддержки Временного правительства, то оно готово уйти в отставку».* Второй (уже на самом собрании 20.04.1917 г. по вопросу поддержки Петросоветом Временного правительства) — эту мысль развернул: *«...Если вы найдёте, что никакие переговоры пользы принести не могут, что надо теперь же свергнуть Временное правительство, то знайте: для этого вам не потребуется ни выступлений, ни выстрелов, ни применения силы... **Постановите в эту минуту, чтобы Временное правительство подало в отставку. Достаточно будет сообщить об этом правительству по телеграфу, чтобы***

оно ушло, чтобы оно в четверть часа сложило полномочия... Весь вопрос в том, так же ли легко вам будет дать стране новое, лучшее, всем народом признанное правительство» (выделено мной. — А.К.).

И в связи с этим — существенное замечание. Вспомним, как, свергая Советскую власть в 1991 г., либеральные идеологи провозглашали идею «социализма с человеческим лицом». А на деле получилось — с капиталистическим. Эта же методология была использована и в 1917 г. Н.Н. Суханов (Гиммер), называвший себя «полуленинцем», активный участник событий и знаток многих масонских мероприятий, рассказал об одном из них: *«Власть, идущая на смену царизма, должна быть буржуазной... На такое решение необходимо держать курс. Иначе переворот не удастся, и революция погибнет»* (там же).

Далее события происходили по предусмотренному сценарию. Сначала нейтрализовали Ленина. Он даже грозился пойти на разрыв с ЦК: *«Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, — в порыве отчаяния объявил Ленин, — что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии»* (Ленин В.И., ПСС, т. 34).

А потом и вовсе отстранили его от какого-либо участия в их планах (в предстоящей «передаче власти»), вынудив находиться «в подполье». В записке от 17 августа, в принципе, высказана общая оценка того, в каком положении он находится. Гневный протест Ленина говорит о многом: *«...после долгих недель вынужденного перерыва»* он до сих пор *«ни спросить ЦК, ни даже снестись с ним не имеет возможности»*. (Вообще-то, это отдельная тема и очень познавательная.)

Пока Ленин требовал навсегда *«похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам»*, революции мирно развивались, *«...исторически дополняя друг друга на протяжении восьми месяцев»* (Л.Троцкий).

Наконец, наступил день рождения Троцкого и он, организовав «экстренное» заседание Петросовета, объявил: *«От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. (Аплодисменты.) Отдельные министры подвергнуты аресту. («Браво!») Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (Аплодисменты)»* («К истории русской революции»). Потом он будет утверждать, что произошедшее историческое событие в день его рождения — это чисто случайное совпадение.

Видимо, эта тайна «русской революции» мучила и А.Ф. Керенского всю оставшуюся жизнь. Но после того, как Г.Аронсон представил разоблачительный материал о тех собы-

тиях, А. Керенский решился нарушить молчание. При этом заявил, что сам он, находясь под «масонской клятвой», «...не имел права даже заикаться об этом». И в кругу семьи подтвердил всё сказанное Г. Аронсоном. В частности, о передаче власти: «12 человек» (масонов-«февралистов». — А.К.) из его правительства переговорили с Троцким, и власть перешла к большевикам» (из интервью внука Керенского Стефана (Степана); т/канал «Россия 1», т/передача от 01.03.2012 г. — «Забытый вождь Александр Керенский»).

Вот и вся революция.

Со знанием дела высказался Джон Рид, описывая финал революции — II Всероссийский съезд Советов (25 октября 1917 г.): «Кончился **первый период русской революции...** Трёх крупнейших из них не было в президиуме: не было Керенского...; не было старого орла Чхеидзе...; не было прекрасногодушного Церетели... На трибуне сидели Гоц, Дан, Либер, Богданов, Бродо, Филипповский...» (Дж. Рид, «Десять дней, который потряс мир». М., 1958 г., с. 90; выделено мной. — А.К.).

Бескровный Октябрьский переворот состоялся. Кровь польётся позже.

А теперь ответим на банальный вопрос: чего стоят высокоумные утверждения наших академиков и профессоров — пивоваровых, лавровых, чубайсов и проч.? Например, ректор совместного российско-китайского университета С. Шахрай в газете «АН» № 47 за 2017 г. бросил свой камень в историю: «...большевики, взявшие власть в результате вооружённого восстания...» и т.д.). Вот так ложь становится «неопрровергаемой» правдой.

Роль Ленина в революции

«Спросите американца, итальянца или китайца: кто совершил революцию в России? И все они ответят одно и то же: Ленин» (Тростников В.Н.).

Подготовка к осуществлению проекта планетарного изменения жизнеустройства реально и активно велась многие десятилетия (истоки его — отдельная тема). Согласно собственной доктрине авторов проекта — всегда оставаться за спиной и всячески скрывать своё участие в подобных предприятиях — необходимо было представить «мировой общественности» политическую фигуру, которая всецело будет ответственна за произошедшие события. Кроме того, этот назначенец должен стать ещё и «вождём мирового пролетариата».

В Швейцарии (в основном), представлявшей в тот период всемирный университет политического образования интер-

революционеров, кандидатов на роль вождя было предостаточно. Однако выбор пал на Ленина, хотя было там немало политиков более известных и авторитетных. Но Ленин как никто другой подошел на роль публичной фигуры для воплощения их грандиозных замыслов.

Масон Л. Троицкий, достаточно осведомлённый об истинных целях предстоящих событий в России, в своей книге «К истории русской революции» поведал и о предназначении Ленина: *«Интернационализм Ленина — никак не формула словесного примирения национального с интернационалом, а формула международного революционного действия». «Его интернационализм есть практическая оценка и практическое вмешательство в ход исторических событий в мировом масштабе и в мировых целях. Россия и её судьба — только один из элементов этой грандиозной исторической тяжбы, от исхода которой зависит судьба человечества».*

Почему же такую судьбоносную миссию они доверили выполнить Ленину?

Основных причин здесь видится две. Первая — его фанатизм. Вот характерная оценка, высказанная П. Аксельродом (ещё в 1910 году): *«Представьте себе человека, который 24 часа в сутки занят революцией, который не думает ни о чём другом, кроме революции, который во сне видит сны о революции».*

Причём это не единственное мнение такого порядка; то было распространённое суждение о Ленине. И не удивительно то, что Ф. Дан (меньшевик), отзываясь о Ленине, почти слово в слово повторил П. Аксельрода: *«...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мыслей о революции, и который даже во сне видит революцию»* («Воспоминания о Ленине», т. 1, с. 179).

На мой взгляд, из всех высказываний на эту тему наиболее содержательным и точным является оценка К. Радека («Вечер воспоминаний», апрель 1924 г.): В. Ленин был *«...первым человеком, который в то, что мы писали, поверил не как в вещь, возможную через 100 лет... а как во что-то неслыханно конкретное...»*

Вождей, подобных Ленину, не было. До фанатизма преданный идее революции, а в потенции и мировой, он как никто другой устраивал мировой интернационал в качестве «вождя мирового пролетариата».

Вторая причина — национальная. Но сначала, чтобы показать, насколько это важно, приведём следующий факт. Сразу же после смерти Ленина двадцать третьего января 1924 г. А. А. Иоф-

фе направил Г. Зиновьеву письмо, в котором «с чрезвычайной неотложностью и важностью» предлагает «заменить Ленина» президиумом. «Единственной возможной комбинацией такого президиума была бы: Троцкий, Зиновьев, Каменев. Она имеет только тот минус, что все три евреи...» (цитир. по кн. Н.А. Васецкого «Троцкий. Опыт политической биографии». М., 1992 г., с. 193).

Закончив цитирование письма Иоффе, Н. Васецкий рассуждает: «Вряд ли Иоффе решился бы написать его Зиновьеву, если бы выражал только свои личные взгляды на данный вопрос. Скорее всего до Зиновьева доводилось решение более авторитетной группы лиц, к которым, возможно, принадлежал Иоффе».

Такая же проблема возникала и у «авторитетной группы лиц» при выборе кандидатуры на роль вождя мирового пролетариата. На неё не могли быть выдвинуты ни Троцкий, ни Парвус, ни Либкнехты, ни Каутский, ни Зиновьев... — несть им числа.

Выходит, что Ленин — вне конкуренции. Правда, был один недостаток: он практически был неизвестен в России. Но это обстоятельство лишь требовало дополнительных мероприятий. Сейчас они называются — «раскрутка».

Началась она уже в Стокгольме по пути следования из Швейцарии. Местные социал-демократы организуют в прессе широкое освещение транзита «вождя русских революционеров», его снимают для кинохроники, в честь «лидера русских большевиков» устраивают шумный обед в отеле «Регина», за ним следуют репортёры, ловя каждое его слово. Не устоял даже бургомистр Стокгольма — выразил приветствие «вождю мирового пролетариата». В общем, делалось всё, чтобы Ленин ощутил себя известным и почувствовал себя настоящим вождём. Ну и, конечно, чтобы слух о нём разнёсся по Европе.

А в Петроград потоком идут телеграммы; в «Правде» подогрето всеобщее настроение — вождь скоро прибудет в столицу!

По возвращении его из-за границы пресса обрушила целый вал материала о нем. «Имя Ленина... практически не сходило с полос столичных и провинциальных газет». Страна покрылась бесчисленными митингами и собраниями, на которых зачитывались резолюции в поддержку Ленина и его «курса на социалистическую революцию». Советская историография этот период деятельности Ленина выделяет особо, отмечая, что приезд вождя был с радостью встречен трудящимися, подтверждая это тем обстоятельством, что в Петербург

потоком шли письма и телеграммы от рабочих и крестьян со всех концов России. Партийная печать тех лет обильно из номера в номер печатала приветствия Ленину от партийных организаций и трудового народа. (Как впоследствии выяснилось, то была обычная пропагандистская акция.)

Бесполезно спрашивать, неужели это был результат действия крошечной большевистской партии, по справедливости именуемой «сектой»?

Здесь, без сомнения, были задействованы силы, имеющие опыт организации подобных мероприятий. Это особенно заметно во время встречи Ленина на Финляндском вокзале, учитывая, что он был известен, в основном, среди верхушки революционных партий.

Встречать пролетарского вождя пришли *«...колонны рабочих многих предприятий, революционные матросы и солдаты со знамёнами и лозунгами. Площадь освещалась прожекторами. Появились и броневики, посланные для торжественного сопровождения приехавших»*.

Не менее пышно и далее по пути следования: *«...почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепи рабочих...»* (Изложено по кн. Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»). Заметим, что всё это организовано Советами, руководимыми эсерами и «февралистами», иначе — представителями масонства.

В ранних работах о Февральской революции еще можно обнаружить, что Ленина встречали видные представители Временного правительства. Встречается имя Чхеидзе, который даже произнёс приветственную речь. Несомненно, то было представление новой политической фигуры взамен всех прочих. Лояльность была соблюдена как дипломатический протокол. Вместо ожидаемого ареста со стороны Временного правительства — полная признательность.

Не проведя всех этих мероприятий, организаторы революций могли остаться без русского вождя пролетариата. Обстановка, действительно, могла сложиться катастрофической.

Во-первых, если бы Троцкого не задержали на месяц, он затмил бы Ленина до положения выскочки (это была специальная акция масонского руководства; Троцкий прибыл в Петроград 5 мая 1917 г.). Обстановка этому способствовала: *«Петроград бурлил: митинги, речи, демонстрации, красные флаги, революционные призывы — среда, в которой Троцкий с его задатками трибуна и оратора чувствовал себя как рыба в*

воде. Своими речами он кружил головы не только рабочим, солдатам, матросам, но и поднаторевшим в политике людям».

Во-вторых, «старые большевики» встретили Ленина настроенно, даже недружелюбно; хотя в политическом плане это выглядело так, будто он «приехал в пустыню». И.Г. Церетели вспоминает: Ленин «...в то время не пользовался никаким влиянием в массах и был так ненавидим солдатами, что вынужден был просить Исполнительный Комитет защитить его от эксцессов» («Кризис власти», изд. Луч, 1992 г., с. 23).

Американец-эmissар А.Р. Вильямс, направленный в Россию с целью освещать революционные события, оставил следующее свидетельство: «До приезда Ленина даже кое-кто из большевиков, судя по их публичным выступлениям, казалось, готовы были ограничиться этой революцией. В феврале русские рабочие свергли царское самодержавие. Главная цель вроде бы была достигнута» («Путешествие в революцию». М., 1977 г., с. 26). И они Ленина не воспринимали.

Пылливый Феликс Чуев, расспрашивая В.М. Молотова об обстоятельствах его знакомства с Лениным, задаёт ему вопрос (будто знал ситуацию тех лет): «Ленин был популярен до 1917 года, в государственном масштабе знали его?» Ответ Молотова предельно откровенен: «Нет, не сказать, чтобы очень хорошо знали, он начал подниматься в 1917 году. После этого он стал подниматься очень быстро» (Чуев Ф., «Молотов. Полудержавный властелин». М., 2000 г., с. 217).

Таинственная и авторитетная группа лиц продолжала свою работу. Ленина из другого лагеря предупреждали: «Эти люди «курят перед вами фимиам» и всеми мерами стараются втоптать вас на такой пьедестал, откуда вам ничего не будет видно, да вы виделись бы народу как недосыгаемое божество...» (из частного письма Ленину в 1917 г.).

Главная цель была достигнута. Теперь всё происходящее в России должно было быть связано исключительно с именем Ленина. Интернациональная «гвардия», прибывшая с ним из Швейцарии, должна быть на его фоне едва различимой. И Ленин приступил к исполнению своей роли: культивированию идеи социалистической революции.

В связи с этим интересно отметить неожиданную метаморфозу ленинских убеждений. Сопоставим исторические даты. Буквально за месяц до Февральской революции (22 января 1917 г.) В. Ленин, выступая в Цюрихе перед молодыми швейцарскими (вполне вероятно, что «швейцарские» в данном случае означает то же, что и «русские») социал-демократами, убежденно объяснил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...» То была

не просто мимоходом брошенная фраза, к слову пришедшая в выступлении, а осознание того, что с реальностью нужно считаться. Эта мысль угнетала Ленина. «Старый большевик» Воинов (А.Луначарский) рассказывает о своей беседе с Лениным во время одной из прогулок по Штутгарту. Будущий вождь мировой революции, касаясь её перспектив, бодро произнес: *«Мы разве <что> в старости увидим настоящую революцию»*. При этом на лице Ленина Воинов увидел *«...настоящую тень грусти»*. Говоря о старости, Ленин, наверное, предполагал, что она наступит где-то лет через 20—30; выходило, что и «наступление революции» можно ожидать через эти же десятилетия. Период примерно в 20—30 лет знаменателен тем, что такого же мнения придерживались и другие деятели интернационально-революционного ареопага, не исключая и Троцкого.

Тот же Воинов считал, что *«У капитализма есть еще порядочные ресурсы... Придется... ждать, пока капитализируются и страны Азии»*. Повествуя о спорах на Стокгольмском съезде (IV съезд, 1906 г.), он пишет: *«Схема революции... была такова: в России происходит буржуазная революция, которая приведет к конституционной монархии, в лучшем случае к буржуазной республике»*. Рабочий класс будет отвоевывать позиции для своей революции; *«между революцией буржуазной и революцией социалистической предполагалась пропасть времени»* (выделено мной. — А.К.).

То есть таково было общее представление о временном факторе революций. До момента февральских событий никто (из большевистских «теоретиков») не считал революцию неизбежной в предстоящие несколько десятилетий. Цюрихские теоретики, в том числе и Ленин, считали, что в обозримом будущем революция произойдет в Европе, скорее всего в Швеции или Германии, но только не в России, где народные массы для неё не созрели.

И вдруг происходит неожиданное: Ленин 2 марта 1917 г. (в Цюрихе, где его застала весть о революции) пишет «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». В нём две главные политические «идеи», с которыми он отправляется в Россию: *«Превращение империалистической войны в войну гражданскую становится фактом»*; и: *«Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!»* (выделено в источнике).

В Лениниане советского периода рассказывается, как спешил Ленин с отъездом в Россию. Еле успевал сдать книги в библиотеку и уложить вещи. И, тем не менее, у него находится время для письма. Чем вызвана (или кем продиктована) эта необходимость?

«Прощальное письмо...» Ленина адресовано не столько швейцарским рабочим, сколько масонским (и сионистским) медиаспециалистам. После этого они во весь голос делают (международное!) заявление: *«Русские интернационалисты... возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции...»* То есть убывающий из Швейцарии Ленин вместе с «русскими интернационалистами» произведет пролетарскую революцию и *«...этим своим действием они помогут пролетариату всех стран и, в частности, пролетариату Германии и Австрии начать свою борьбу против своего правительства»* («История Гражданской войны в СССР». М., ОГИЗ, 1933 г., т. 1, с. 159).

С первого же шага на русской земле Ленин начал осуществлять масоно-сионистский проект — раскручивать идею социалистической революции.

«...Ленин поднялся на броневик и произнёс: «Да здравствует социалистическая революция!» /.../ Никто из тех, кто был всегда с Лениным, сразу толком его не поняли. Все большевики говорили о демократической революции, а тут социалистическая!»

Даже «видные большевики» не поняли Ленина и *«...твердили, что у нас, мол, демократическая революция»*. «Социалистическая революция — это дело будущего». Ленин отвечал: *«...тот, кто говорит «демократическая», — это старые большевики, которые мешают»* (Чуев Ф., указ. соч., с. 217, 218).

Естественно, что *«Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Poleмика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня»*. Ленин удивил всех — *«...он ошарашил своим выступлением! И врагов, и друзей»* (Троцкий Л., «К истории русской революции». М., 1990 г., с. 259).

В последующем — на митингах, на всех конференциях, в печати, на различных встречах — эта тема о социалистической революции становится доминирующей. Давление было настолько сильным, что видный революционер Смидович не выдержал и в апреле на Петроградской конференции заявил: *«...при каждом нашем выступлении на нас направляется определенное пугало в виде тезисов Ленина»*.

Итак, откуда снизошло такое «озарение» на Ленина, что он с такой запальчивостью и уверенностью (спустя всего месяц после Февральской революции и сожалений, что не застанет её при жизни) оперирует понятиями социалистической революции. Чем можно объяснить такие метаморфо-

зы во взглядах профессионала-революционера, в сознании человека, профессионально занимающегося исключительно теориями революционных преобразований в обществе?

Только одним: корреляцией планов масонско-сионизма; их весьма отдалённых планы превратились в сиюминутные. Россия оказалась разваленной до такого состояния, что стало возможным реализовывать любые планы. В связи с этим В.Ленину была продиктована соответствующая модель поведения. Проведённые автором изыскания позволяют предположить, что эта модель исходила от *авторитетной группы лиц* и передана В.Ленину Г.Зиновьевым. В советской историографии утверждалось: с возвращением Ленина наступил новый этап в революционной деятельности большевиков.

Безусловно, вожди действующих в России революционных партий не могли быть посвящены в столь великие тайны — о том, какая роль отводилась Ленину в предстоящих событиях. Как и он сам не мог представить, что возможна такая комбинация — передача власти. Как потом скажет Л.Троцкий: *«Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой...»*

Что касается Ленина, то можно (почти со 100-процентной вероятностью) утверждать: в настойчивости и упорстве Ленина наблюдается искренняя убеждённость в правильности развития истории. И здесь его фанатизм, его фанатичная преданность марксистской теории были использованы идеально.

Так что (классическое) представление В.Ленина о революции как восстании народных масс лишь мешало намеченному процессу её «развития». В масонских планах революционные события должны продолжаться до абсолютной дискредитации власти, до полного безвластия в стране. А Ленин требует, призывает, убеждает, недоумевает, сочиняет обоснованные доводы необходимости немедленных действий...

Октябрьская революция (переворот) — это часть грандиозного масонского плана, и он должен выполняться неукоснительно, ибо в данный момент только начинался процесс интенсивного разложения армии и государства. Впереди — мировая революция, и действия Ленина могут бросить тень на всю интернациональную затею. И когда Ленин, опережая события, допускает своеволие, революционные партии выносят приговор — *«Ленин подрывает свой авторитет»*. Исполком Петроградского Совета (11 июня) декларирует: *«...большевики за спиной Всероссийского съезда нарушили революционную дисциплину. Партии, которые не подчиняются*

этим решениям, ставят себя вне демократии, не могут оставаться в Советах» (цит. по кн. Антонова-Овсеенко В.А. «В семнадцатом году. Киев, изд. «Україна», 1991 г., с. 159).

Словом, В. Ленин мешает. За всех выскажется Л. Троцкий: *«...орган, в котором участвуют экстремисты-ленинцы, подрвёт авторитет интернациональных революций — повредит интернациональным политическим действиям»* (в частном письме М. Урицкому).

Именно этим и объясняется, что местные большевики из четырех его «Писем издалека» (из Швейцарии) опубликовали только одно; три — просто «не решились». Аналогичный случай — статьи из Финляндии (буквально накануне октябрьских событий). В них Ленин требовал, чтобы партия призвала народ к немедленному восстанию, но ЦК партии большевиков высказал мнение *«...о необходимости уничтожить письменное свидетельство предложения Ленина»*.

После идеи социалистической революции вторым по важности предназначением Ленина в тот период было культивирование идеи двоевластия. Теперь уже он (вольно или невольно) был занят «раскруткой» этого факта, действительно имеющего место.

Из брошюры «Задачи пролетариата в нашей революции»: *«...особенностью ... является создавшееся в первые же дни после победы революции двоевластие»* (выделено в источнике).

Из статьи «Союз лжи»: *«Советы... уже признаны как полу-власть...»* И далее нескончаемый поток: «Наши взгляды» («Правда» № 35 от 1 мая 1917 г.), «Как запутывают ясный вопрос?» («Правда» № 39 от 6 мая 1917 г.), VII апрельская конференция, «Кризис власти» («Правда» № 46 от 15 мая 1917 г.), «Исчезло ли двоевластие?» («Правда» № 62 от 2 июня 1917 г.). Но и это далеко не полный перечень.

Если внимать в содержание этих работ, то обнаружим в них явные противоречия. С одной стороны, Ленин стремится представить Советы как структуру, функционирующую (в соответствии с его представлениями) в чисто «классическом», революционном плане. С другой стороны — как структуру, не отвечающую требованиям революционного времени.

Посмотрите, например, какое двойное впечатление оставляют его рассуждения о Советах. Вначале Ленин утверждает, что *«...в лице Советов мы имеем... «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства»*. Затем, говоря о *«своеобразии текущего момента в России»*, он поясняет, что оно *«...состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму её этапу...»* И тут же: *«Как это можно осуществить? Можно ли*

призывать сейчас к свержению Временного правительства, к восстанию против него? Ни в коем случае. Временное правительство свергнуть сейчас нельзя, ибо «оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами... Его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «поддержку» со стороны... Советов...» (БСЭ, 1926 г., т. 3, с. 178).

И тем не менее не видит главного.

Англичанка С.Бэдкок, не вскрывая причин «феномена двоевластия», пишет: *«В обоих центрах (Нижем Новгороде и Казани, где она проводила исследования — А.К.) между органами Временного правительства и Советами существовали тесные организационные, политические и личные связи, которые не допускали появления двоевластия»* («Отечественная история», № 4, 2007 г., с. 106). А Ленин отказывается «взять в толк», что в президиуме первого руководства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов были Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев (между прочим, все были масонами), как и *«Первый состав Центрального Комитета Совета... — Гурвич (Дан), Гольдман (Либер), Гоц, Гендельман, Розенфельд (Каменев)...»*, не имеющие ничего общего ни с рабочими, ни с солдатами.

Ленин почему-то не желал знать, что одни и те же лица (лучше сказать, люди **одной команды**) находились и в правительстве Керенского, и в ЦИКе. Например, Станкевич В.Б. — *«ближайший соратник... Керенского и по масонской и по правительственной линии... являлся членом ЦИК Петроградского Совета и одновременно одним из главных военных комиссаров Временного правительства»* (Кожин В.В. «Загадка 37 года. Правда сталинских репрессий». М., 2008 г., с. 33).

Но в то же время Ленин видит их в структурах власти и возмущается: *«Ни тени доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздёву, Чхенкели, Чхеидзе и К^о) и вооружённое выжидание, вооружённая подготовка более широкой базы для более высокого этапа»* (Ленин В.И., «Два письма А.М. Коллонтай»). *«Ни тени доверия»* — относится и к Советам, поскольку партия большевиков в них *«...в слабом меньшинстве»*; в Советах наблюдается *«засилье» «мелкобуржуазных масс»*, они засорены *«мелкобуржуазными элементами»*, имеющими *«влияние в Советах»*.

Дошло до оскорблений в адрес масонской элиты: *«Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат»* (Ленин В.И., «К лозунгам». ПСС, т. 34, с. 12). Но от него требовалось возвеличивание

Советов; они — «...*есть единственно возможная форма революционного правительства...*» (Ленин В.И., «Апрельские тезисы», п. 4).

Можно сказать — «*деятельная натура*» Ленина бунтовала, и негодовала, наблюдая бездействие «революционных сил».

Всякое терпение имеет предел. И он наступил. Шла подготовка к VI съезду партии, названному позже «Предоктябрьским съездом». На нём по инициативе Ленина могла возникнуть нежелательная дискуссия о Советах. Он уже успел высказать своё мнение: «*Советы могут и должны появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней... Это не вопрос о советах вообще, вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных советов*» (цит. по тексту вступительной статьи «Предоктябрьский съезд» к Протоколам VI съезда партии. Партиздат, 1934 г.).

В общем, Ленин «бродил по чужим аллеям». Естественно, последовало решение «влиятельной группы лиц»: Ленина лишают возможности присутствовать на VI съезде партии. Повод отыскался, надо признать, весомый: возможный арест вождя. (История с арестом порядком запутана и фальшива; останавливаться на этом нет смысла.)

Советский историк Логинов В.Т., не высказывая действительных причин и принимая за истину угрозу ареста Ленина, пишет: «...*есть все основания полагать, что у членов ЦК... было явное намерение отправить Владимира Ильича в Финляндию, не дожидаясь начала съезда*» («Неизвестный Ленин»).

Логинов приводит ряд доказательств того, что подготовку к отправке Ленина в Финляндию начали ещё до 12 июля, то есть почти за месяц до начала съезда. Правда, позаботились о сохранении лица вождя партии: он был избран почётным председателем президиума.

Подготовка, о которой говорит Логинов, одновременно хитроумна и откровенно наивна. В прессе появляются нелцеприятные материалы о немецких деньгах и обвинения Ленина «в германском шпионаже». Возникает вопрос о партийном расследовании. Члены ЦИКа создают Комиссию по расследованию «дела Ленина». Ленина запугивают судом Временного правительства. Я.Свердлов, не имея никакого решения комиссии, проявляет личную инициативу (личную ли?) — рано утром 4 июля он явился на квартиру Ленина и уговорил его немедленно уйти в подполье (в воспоминаниях Марии Ильиничны — именно «*уговорил*» и «*немедленно*»).

То, что происходит далее, является форменным издевательством. Ленин, постоянно меняя конспиративные квартиры,

требовал встречи с комиссией ЦИКа. Его (несколько раз) извещали о предстоящей встрече, назначали дату, но члены комиссии так и не являлись. Такое состояние продолжалось до 7 июля, когда в последний раз (рано утром) Ленину сообщили, что члены комиссии придут к нему в 12 часов. Его вновь обманули; комиссия не явилась.

Рассерженный Ленин оставляет записку, в которой, в частности, есть такой оборот: *«Ответственность за замедление допроса падает не на нас»* (выделено мной. — А.К.). Ленин жаждет партийного суда ЦИКа. Но волокита членов ЦИКа стала ясна: видимо, всё это время они вели переговоры с коллегами из Временного правительства. В тот же день, 7 июля, Кабинет министров Временного правительства «издал специальный приказ об аресте Ленина и его ближайших сообщников». Очень точно охарактеризовал этот политический нюанс В.Логинов: *«...комиссия ЦИК, как говорится, — «умысла руки», сложилась с себя полномочия, то есть фактически передала «дело Ленина» в руки контрразведки»*.

Отметим, что только после 7 июля можно говорить о «деле Ленина» как правительственном и о *«явке на суд Временного правительства»*. Если до этого Ленина уговорили скрываться, то теперь его запугали основательно, и появилась возможность упрятать вождя революции более надёжно. Так было положено начало одиссее ленинского «подполья» по конспиративным квартирам Петрограда, по загородным дачам и шалашам.

Организаторы изоляции Ленина не оставляли его в покое даже во время кратковременного пребывания в Финляндии. Они продолжали «нагонять страху», постоянно меняя конспиративные квартиры. Специальным постановлением ЦК ему запрещался въезд в Петроград (из Финляндии) якобы *«в интересах его личной безопасности»*. Постановление ЦК привело Ленина в ярость: *«Я этого так не оставлю, так этого я не оставлю»*.

Запрет ЦК он, конечно, нарушил; в самые последние дни сентября в сопровождении верного Э.Рахьи самовольно приезжает в Петроград, где его изоляция стала ещё более нетерпимой. В записке от 17 августа, в принципе, дана общая оценка того, в каком положении он находится. Тневный протест Ленина говорит о многом: *«После долгих недель вынужденного перерыва»* он до сих пор *«ни спросить ЦК, ни даже снести с ним не имеет возможности»*.

В советской историографии этот период объяснён так: Владимир Ильич руководил восстанием из подполья. Да, действительно, за время «подполья» им написаны десятки ста-

тей и воззваний. Он объяснял, рекомендовал, советовал, писал листовки-прокламации, но никто не хотел этого знать. Листовки не распространялись, а статьи, если и публиковались, то с недельной задержкой или и вовсе не печатались.

Об отношении к ленинским документам красноречиво свидетельствуют высказывания многих членов ЦК — *«письма немедленно уничтожить!»*; даже общее решение ЦК: *«ЦК партии единогласно постановил письма Ленина сжечь»* («Пролетарская революция», № 10, 1922 г.). Много позже этому нашли объяснение: *«...Мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, в Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разноречивый наш ряды... Многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»* (там же). Автор этих воспоминаний Г. Ломов врёт вдвойне: говорит о письме Ленина в единственном числе, тогда как имело место массовое их уничтожение.

По возвращении Ленина из Финляндии он практически находился под домашним арестом — так заботливо ЦК обеспечивал «безопасность» своего вождя. Но, самое главное, никто его не собирался арестовывать.

Автор книги «Досье Ленина без ретуши» А. Арутюнов приводит свидетельство офицера русской контрразведки: *«...у сотрудников правоохранительных органов вызывало удивление и недоумение, что государственных преступников освобождают из-под стражи. Что же касается Ленина, то... арестовать его, особенно после переезда из Финляндии в Петроград, не составляло особого труда... Но по неизвестной причине розыск и арест Ленина был приостановлен властями»*.

Может, кто-то и не знал этого, но только не главные организаторы всех событий тех лет. Просьба Ленина о «возвращении к регулярной работе» была ЦК рассмотрена, но ничего не изменилось. Он по-прежнему был изолирован и продолжал «руководить восстанием из подполья».

В мифологизированной истории Октябрьской революции этот нюанс с отсутствием Ленина — самый «неприятный». В советской политологии его излагали просто и понятно: Ленин, вынужденный скрываться, руководил работой ЦК и подготовкой вооружённого восстания из подполья. Большим минусом в созданной мифологеме является история с появлением Ленина в час «переворота».

Стремясь придать таким объяснениям вид документальности, были созданы очередные легенды. Вот одна из них. ЦК, получив от Ленина (через М. Фофанову) его последнее «гениальное» указание — *«...завтра будет поздно»*, решает немедленно вызвать вождя в Смольный. С этой целью *«ЦК партии*

даёт поручение сотруднице секретариата Т.А. Словатинской разыскать Н. К. Крупскую и через неё передать Ленину, чтобы он прибыл в Смольный. Но Словатинской удалось разыскать Крупскую только поздно вечером» (Ненароков А.П., «1917 г. Краткая история, документы, факты», с. 181—182).

Тот, кто сочинял эту спасительную легенду, наоборот, способствовал раскрытию тайны взаимоотношений Ленина и контролируемым интернационалом ЦК и ЦИК и, как говорится, оказал медвежью услугу. Какая длинная цепочка поисков вождя! Нетрудно сосчитать, сколько здесь «ляпов», начиная с конкретной фамилии, приставленной явно для достоверности. Элементарный здравый смысл подсказывает (если это «срочно и серьёзно»): отправить непосредственно к Ленину известного представителя ЦК (или ЦИК) с несколькими вооружёнными матросами. Поскольку при Ленине нет специальной охраны и если он отправится в Смольный без какого-либо сопровождения, то будет нарушен строжайший наказ того же ЦК о соблюдении мер безопасности вождя.

Зачем придумана такая замысловатая конструкция с привлечением Крупской? Да одно лишь слово — «разыскать» уже вызывает подозрение, что в штабе революции **так (!)** хотели присутствия Ленина в **момент соглашения о передаче власти от «февралистов» к интернационалистам.**

Изоляция Ленина продолжалась вплоть до дня Октябрьской революции, даже до часа Октябрьского переворота, когда он, не выдержав неизвестности и напряжения, вновь самовольно (в сопровождении того же Рахьи) явился в так называемый штаб революции (в Смольный). На месте своего заточения он оставил записку: «Ушёл туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич» («Воспоминания о В.И. Ленине», т. 2). Оставив в стороне фальшивые объяснения о необходимости соблюдения мер безопасности Ленина, можно однозначно заявить: эта записка — явная улика-обвинение ЦК в насильственной изоляции Ильича.

Как обрадовались его внезапному появлению — в советской политологии рассказывалось много и «убедительно», чему верить нельзя ни на йоту. Удивились, это точно. Но держать далее в неведении не решились и кратко обрисовали, что уже произошло.

А произошло вовсе не так, как он себе представлял, доказывал и призывал. Общая мысль ленинских положений довольно известна: «буржуазия употребит все усилия», чтобы сохранить свою власть; необходимо навсегда «похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам» («Красная летопись». М.—Петроград, № 6/1923 г.).

И тут вдруг выясняется, что передача власти **уже состоялась**. Положение, как в одной из сцен гоголевского «Ревизора». Вождя революции просто-напросто поставили перед свершившимся фактом. И ему ничего не остаётся, как произнести: *«Что ж, можно и так»; «Да, вы, пожалуй, были правы».*

Симптоматично, что когда Ленин, вопреки желаниям ма-соно-сионистского ядра, появился в Смольном, Л. Троцкий объявил: *«В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде...»* Обратите внимание: не в штабе революции, не в Петроградском Комитете РСДРП (ПК РСДРП), не в ЦК, а **«в нашей среде»**. Да, то была именно среда — иная, в которой не было места провозглашённому вождём Ленину.

Газета «Рабочий путь» поместила выступление Троцкого на том, «экстренном» заседании Петросвета: *«От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временного правительства больше не существует. (Аплодисменты.) Отдельные министры подвергнуты аресту. («Браво!») Другие будут арестованы в ближайшие дни или часы. (Аплодисменты.)*

Революционный гарнизон, состоящий в распоряжении Военно-революционного комитета, распустил собрание предпарламента... Нам говорили, что восстание гарнизона в настоящую минуту вызовет погромы и потопит революцию в потоках крови. Пока всё прошло бескровно. Мы не знаем ни одной жертвы. Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которое прошло бы так бескровно.

...Обыватель мирно спал и не знал, что в это время одна власть сменяется другой.

...В нашей среде находится Владимир Ильич Ленин, который в силу ряда условий не мог до сего времени появляться в нашей среде.

...*Да здравствует возвратившийся к нам тов. Ленин!»* (цит. по кн. Д. Волкогонова «Троцкий «демон революции». ЭКС-МО, М., 2011, с. 135, 136).

В США (САСШ) ряд газет вышел с портретом Троцкого как действительного руководителя Октябрьского переворота; там знали истинное положение дел в России*.

* В ноябре 1917 года это же утверждал и сам Ленин в обращении «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России» («Правда», №182): «В России завоевана Советская власть, и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым переизбором депутатов в Советы». — **Ред.**

В 1923 г. в харьковском издательстве «Пролетарий» была выпущена брошюра Н. Бухарина «От крушения царизма до падения буржуазии». В брошюре есть заслуживающий внимания абзац: «25 октября Троцкий, блестящий и мужественный трибун восстания, неутомимый и пламенный проповедник революции, от имени Военно-Революционного комитета объявил в Петербургском совете под громкие аплодисменты собравшихся о том, что «Временное правительство больше не существует». И как живое доказательство этого факта на трибуне появляется встреченный бурной овацией Ленин, освобождённый из подполья новой революцией».

Вот и вся роль Ленина в Октябрьской революции (или, если соблюдать точность, — в передаче власти). Как образно отметил О. Стрижак, до этого Ленина «...не было видно и слышно».

Много позже в анкете, разосланной участникам революционных событий, с просьбой объективно рассказать и об Октябрьском перевороте, и о роли всех вождей (и активистов) революции Троцкий о Ленине только и смог сказать: «Роль Ленина не нуждается в пояснениях». Умно ушёл от ответа!

Покорение народа

Вот так свершилась «Великая Октябрьская революция». Некоторые политологи отказываются признавать её великой. А последовавший в результате неё режим, считают аналогичным фашистскому и призывают организовать суд, подобный Нюрнбергскому. Либералы, уже в наши дни, «жадут крови» великого государства, отрицают невиданные до этого социальные достижения, а развитие науки, культуры и превращение России из отсталой аграрной страны в мощную индустриальную державу объясняют «магическим» словом — «вопреки».

Опасно для государства то, что такие же чувства обуревают и людей, клявшихся в любви к своему Отечеству. И всё это — от незнания истории. Результат (в каждом варианте) одинаков: в большинстве политических телепередач — не трезвая оценка истории, а крикливое навязывание либеральными пропагандистами ненависти к России.

Кем и как готовилась революция и какие цели преследовались — вот предмет серьезных исследований. Теперь, через 100 с лишним лет, нам придётся понять и признать, что по отношению к России готовился глобальный мировой заговор. А совершённый государственный переворот (то, что на-

зывают Февральской революцией) — лишь прелюдия к изменению всего миропорядка.

Об этом по каким-то причинам не желает размышлять ни один ведущий во всевозможных политико-исторических программах. Хотя материала для этого предостаточно. Например, покинувший СССР поэт Наум Коржавин (Мандель) в своих оценках той эпохи конкретен: «Если наложить «табу» на участие <в революции> евреев, то говорить о революции вообще будет невозможно. Были даже времена, когда участием этим гордились... Евреи в революции участвовали, и в непропорционально больших количествах» (А.И. Солженицын. «Двести лет вместе». М., 2002 г., т. 2, с. 81 со ссылкой на ежеквартальник США «Литературный курьер» № 11/1985 г.).

Однако Наум Коржавин сообщил только часть правды. Если отбросить ещё и «табу» на участие в революции масонства и сионизма, то говорить о ней, о революции, в существующей интерпретации вообще будет невозможно. Тогда со всей очевидностью предстанет совершенно иная, действительная, история: страна подверглась нашествию интернациональных сил. При этом история распалась на два периода. Первый, когда страна полностью находилась во власти этих сил, и второй, когда они были (частично) отстранены от власти, но продолжали (в форме разного рода оппозиций) вести свою линию.

Так что спорящие стороны ведут перепалку в разных измерениях. Те, кто с таким остервенением ниспровергает всё, относящееся к системе, распространяя на неё то, что было в начальные годы нашествия, попросту — ведут *психоисторическую войну* против Отечества, отражая либеральное истолкование истории.

Вот убедительный пример. Телеканал «Спас» (29.10.2017). Ведущий Б.Костенко: сначала «они хотели» устроить революцию во всём мире, «а потом опомнились, и решили строить социализм в одной отдельной стране». Соккрытие конкретики — тоже ложь. К чему так отвлечённо — «они»? Неужели Костенко не знает, что главным идеологом мировой революции (в то время) был Л.Троцкий (он им был и при Ленине, и когда того не стало). И ни Троцкий, ни его интернациональное окружение из Америки и Швейцарии (то есть «они»), вовсе не «опомнились», а продолжали бредить этой идеей. Невозможно представить, какой могла бы стать история человечества, не говоря уж о России, если бы И.В. Сталин не объявил о **возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране**. Он буквально **перечеркнул** их вселенские планы, **отобрал** у них базу, которая позволяла им *перевернуть весь*

мир. Они оказались в нокауте, в состоянии, примерно таком, какой случился с К. Радеком (хотя и по другому поводу): «...*Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русские, мы бы перевернули весь мир*» (Брюс Локкарт. «История изнутри». М., 1991 г., с. 235).

И вот тут-то они действительно опомнились. Подключили «заграницу», объявив, что (продолжатель дела Ленина) Троцкий отстранён от дел, а в Кремле власть захвачена узурпаторами. Спешно был подготовлен съезд партии.

На XIV съезде РКП(б) (проходил с 18 по 31 декабря 1925 г.), «они» предприняли попытку отстранить Сталина с поста Генсека, заменив его Г. Зиновьевым. Не получилось. Тогда тот отбыл в Ленинград, где и организовал такую «борьбу с ЦК», которую Дзержинский назвал «Кронштадтским мятежом». Как это неоднократно бывает в истории, Зиновьев привлёк к участию в «мятеже» молодёжь. И, надо сказать, успешно. Секретарь ленинградского губкома комсомола Котолынов во время ленинградской областной партконференции демонстративно передал в президиум записку: «*Мы вас, сталинцев, будем давить, душить, перестреляем!*» Комсомольцы отказались признать решения съезда, то есть избрание Сталина Генсеком. В городе распространялись листовки антисталинского содержания (в первую очередь, среди рабочих). Распространение всех центральных газет в Ленинграде по указанию Зиновьева было запрещено.

Вот так начиналась история второго периода нашествия. Того периода, когда революция становилась великой и начинался настоящий «Красный проект». А ведущий «Спаса» Б. Костенко даже не соизволил произнести имя Сталина. Тоже табу? Или боится гнева либералов?

Тут нужно констатировать: *они не опомнились*, а активировались с утроенной энергией. Этот период по-настоящему не изучен. Его история спрятана в фальшивой терминологии: «внутрипартийная борьба в ВКП(б)». Однако эта борьба скорее походила на подпольную деятельность заговорщиков, каковой, в сущности, и была. Ещё при жизни Ленина. Это признаёт и сам Троцкий в брошюре «Лев Седов: сын, друг, борец» (1938 г.): «*В 1923 году Лев с головой ушёл в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов. В скором времени в комсомоле выросли собственные кадры руководителей оппозиции*». Котолынов — один из них.

Изображая правомерность своих действий, «они» легализовали борьбу со Сталиным и с государством в виде всевоз-

можных оппозиционных группировок — «Заявление 46-ти», «Рабочая оппозиция», «Заявление 22-х», «Новая оппозиция», «Объединённая оппозиция», «Платформа 4-х», «Платформа 83-х», и т.д.

Поэтому многие (часто по недомыслию, а иные осознанно) борьбу И.Сталина с иноземным нашествием (упрощённо — с интерреволюционерами) представляют как сущность самой системы. Социализм строился и развивался в жёсткой и жестокой борьбе, начало которой относится даже не к периоду революции, а значительно к более раннему времени. Сразу после Октябрьского переворота эта борьба превратилась в откровенный геноцид — покорение страны и народа вместо обещанного социализма. (Чтобы более осознанно воспринимать это утверждение, достаточно вспомнить о бесконечно повторяемых в 1991 г. лозунгах построения «социализма с человеческим лицом». Но, как видим, у них, либералов, вместо социалистического лица получилось капиталистическое «мурло».)

Наше телевидение обильно всевозможными политическими шоу. И на многих из них присутствует И.Чубайс (родной брат А.Чубайса), от которого невозможно услышать ничего иного, кроме проклятий ушедшей системы. Каждое из них заканчивается неизменным призывом — организовать процесс, подобный Нюрнбергскому.

Один из призывов заканчивался так: «Они по горло в крови — Ленин, Сталин...» Но о других он всегда молчит. А ведь далее нужно было бы называть Троцкого, Зиновьева, Урицкого, Свердлова и т.д. Душу разрывает пронзительный вопль Зинаиды Гиппиус: «*Кровь несчастного народа на вас, Бронштейны, Нахамкесы, Штейнберги, Кацы. На вас и на детях ваших!*» Но в переполненных ненавистью мозгах Чубайсов таким революционерам, которые, действительно, по горло в крови, места не нашлось.

И.Чубайс, как и Б.Костенко, говорит обезличенно — «большевики», будто других фамилий, кроме Ленина и Сталина, он не знает. Что совершенно непростительно для доктора философии и, как пишут в титрах, «россиеведа»...

Большое упущение наших патриотических интеллектуалов и, особенно, коммунистов, — в том, что они не откликнулись на столь настойчивые призывы Чубайса. Стоило бы пойти навстречу нашим либералам и, действительно, организовать суд. Почему бы, наконец, не уважить такую настойчивость Чубайса-«россиеведа» и прочих, подобных ему?

Во-первых, из чубайсовского перечня нужно исключить И.Сталина, поскольку, как утверждает Л.Троцкий, до 1926 г.

«...следов или отголосков руководящей роли Сталина найти невозможно. Его имя либо совсем не упоминается, либо называется в ряду других членов комитета». Тогда как сам Троцкий, второй (после Ленина) вождь революции, должен рассматриваться вне всякой очереди. Вот уж кто «по горло в крови» и давно бы уже захлебнулся в ней, если бы не Чубайсы, Млечин, Познер, Гербер и прочие.

Ровно месяц спустя после Октябрьского переворота (10 декабря 1917 г.) Троцкий уже обещает произвести *«жесточайший террор»*, не меньший по масштабам, чем во время Французской революции. Сам факт этого обращения к французской истории говорит об однотипности и целях спланированных событий. Беспощадный террор — это главное содержание нашествия. Этими же принципами Троцкий руководствовался в продолжении всех лет Гражданской войны.

Однако нужна была ещё и «зачистка» от всех нежелательных элементов, и Троцкий подготовил специальное Постановление Совнаркома РСФСР (от 5 сентября 1918 г.) за подписью Ленина, в котором, в частности, утверждалось: *«...Необходимо очистить Советскую республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях».* (Справка: к 1922 году уже было создано 65 концлагерей.)

Во исполнение этой «директивы» (а для партийных функционеров Постановление таковым и было) участие в геноциде должна была принять и партия. Для этого Троцкий в «турне» по отдельным городам России выступает с призывами ужесточить террор. В декабре 1918 г. на объединённом собрании Курского партактива он произнёс долгую речь. Фрагмент из неё: *« — Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивости, мягкотелости история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. /.../ Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти... Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, учёных, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. /.../ Если будем хорошо им платить, они охотно поедут работать к нам...»* (цит. по кн. Р.Баландина «Загадка 37 года»).

Когда читаешь подобные призывы Троцкого, то неотступно преследует мысль — это же психически нездоровый тип, маньяк. Сколько русской крови пролил и продолжал бы проливать далее, наслаждаясь своей властью, если бы не опомнившийся сначала Ленин, а потом долго и терпеливо не отстранявший его от власти Сталин.

Обычно о жестокости преступлений Троцкого судят по его десятичным расстрелам под Свяжском. Л. Млечин о них, о расстрелах, высказывается вполне благодушно: «Иначе, какой бы он был главнокомандующий; он был бы главноговаривающий».

В общем, в соответствии с либеральным мировоззрением — это не преступление, а мероприятие «в силу политической целесообразности». Этот же штамп применим и для оправдания беспощадности подавления «Кронштадского мятежа». Руководил его подавлением Троцкий. Положено около десяти тысяч молодых жизней недавно призванных крестьян. Он явно руководствовался революционным принципом: они — обычные дрова в пламени «пожара мировой революции».

Тут необходимо хотя бы вскользь сказать о положительной роли большевиков: «они собрали распавшуюся Россию». С этим не спорят даже либералы. Однако здесь есть два момента, о существовании которых многие даже не подозревают.

На стороне «красных» в Гражданской войне участвовали массы, вдохновлённые идеей «за Россию без помещиков и капиталистов» (и, конечно, «за Россию единую и неделимую»). Но интернациональное командование, возглавляемое Троцким, рассчитывало на перспективу: «собранная» Россия с её людскими и материальными ресурсами предназначалась для совершения мировой революции. Троцкий и иже с ним внимательно следили, кто из выдвинувшихся командиров Красной Армии может быть использован в будущей мировой революции. «Ограниченные» интересами России беспощадно уничтожались, в первую очередь, наиболее талантливые: Миронов, Думенко, Сорокин, Щорс, Котовский. Едва избежал той же участи С. Будённый: за него вступился И. Сталин, да, видимо, опасались и бунта Первой конной армии.

Соединения казнённых военачальников попадали в категорию «шибко национальных», иначе — «несознательных», а потому малопригодных в устройстве «мировой советской республики». Их нужно использовать сейчас, здесь, безжалостно бросая против соотечественников. Троцкий не забывал аксиому — «русских могут победить только русские». Это к вопросу «собрания» России.

Таковы военные преступления Троцкого. А его преступления по отношению к населению невозможно описать какими-либо терминами: даже слово «фашист» будет недостаточным. Концлагеря, заложники (старики, дети, женщины), бессудные расстрелы. Напоминаю, это были годы нашествия; интернационал осуществлял покорение страны. Роль Троцкого в этом неоспорима. Но были и специалисты по искоренению духовных основ народа. Этим занимался специально назначенный «министр» по делам уничтожения религии Е. Ярославский (Миней Губельман). Религиозный народ массово должен был принять иную религию, родившуюся за сотни лет до российских революций: *«Коммунизм — это пятая иудейская религия»* (А. Луначарский). И его же слова: марксизм-ленинизм — «четвёртая авраамическая религия».

Что касается религии, то, несомненно, это был духовный геноцид по отношению к русскому народу. В документе Центрального комитета Петроградского отдела Международного союза израильтян (с грифом — «секретно») кроме прочего содержится следующий тезис: *«Авторитет и верования чуждой нам религии — удачную пропагандой и разоблачениями — мы подвергли беспощадной критике и насмешкам. Мы ниспровергаем чужие святыни, мы поколебали в народе и государстве их культуру и традиции. Мы совершили всё, чтобы подчинить русский народ еврейскому могуществу и заставить его, наконец, стать перед нами на колени»* (опубликовано 31 декабря 1919 г. в газетах «Ревель» и «Юрьев»).

Когда говорят о насаждении атеизма (безбожия), то невольно скрывают более существенную сторону т.н. антирелигиозной пропаганды. Она касалась ведущих религий Империи; вместо них насаждались прочие, несвойственные духовным основам конкретного народа «заменители» (действительно, «опиум для народа»).

В журнале «Безбожник» (июль 1937 г.), редактором которого являлся Ярославский-Губельман, говорилось: *«По сектантам и молельным <домам> города Одессы. Какие только в ней не числились секты! Самые даже срамные и изуверские, какие преследовало царское правительство, и каким разрешила существовать советская власть! Были и новые, развращающие, и потом: мормоны, скопцы, хлысты и... сатанисты, названные собственным именем»* (выделено мной. — А.К.). Данная констатация характеризует 20-е годы как исправление прошлых перегибов, однако нам важно отметить, что всё это сатанинство процветало в годы гонения на церковь.

И ещё одно свидетельство, безоговорочно доказывающее, что насаждение безбожия — вовсе не борьба с религией как с

«опиумом», а борьба с одной из ветвей русской культуры (религиозной). *«В самый разгар террора против Православия, в феврале 1925 года, советский посол в Берлине Крестинский заявил кардиналу Пачелли (будущий Пий XII), что Москва не будет сопротивляться устройству на русской территории католических епископов и митрополита и что католическому духовенству будут вообще предоставлены самые благоприятные условия»* (Платонов О.А., «Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации». 2004 г., с. 635).

Хочу обратить внимание на то, когда это происходило. Выше показано, что 1925 г. можно назвать годом «коренного перелома» во взаимоотношении сталинцев и оппозиции. Троцкий — «самоустранился» («слинял») и запросил помощи у заграницы («Книга Истмена»), надежда на Зиновьева — ничтожна, рассчитывать на военный вариант — вообще катастрофа. Это напоминает бегство неприятеля, но от безысходности пытающегося хоть как-то навредить своему обидчику.

Сознание того, что разверзшаяся борьба с Церковью вылилась в откровенный геноцид, существовало и в то время. Приведу два документа: один в самый «разгар» борьбы и в тот момент, когда Ленина начала одолевать болезнь. Второй — когда Сталин был убеждён, что троцкисты не смогут предпринять организованного сопротивления.

Циркулярное письмо партийным организациям №30 от 16.08.1923 г. (за подписью И. Сталина) «Об отношении к религиозным организациям». В нём есть характерные распоряжения: *«...воспретить закрытие церквей и молитвенных помещений; воспретить аресты религиозного характера... не допускать непродуманных действий в отношении религии, не возвращать борьбу с церковью в орудие конфронтации»*. Это всё, что было возможно сделать им в тот период.

Второй документ — «Постановление Политбюро...» от 11 ноября 1939 г. — предписывает окончательно прекратить антирелигиозную кампанию. *«Признать нецелесообразным впредь практику НКВД СССР в части арестов служащих русской православной церкви и преследования верующих»*.

Указания т. Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. №13666-2 «О борьбе с попами и религией», адресованное ВЧК тов. Держинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК-ГПУ-НКВД, касающиеся преследования служащих русской Православной церкви и православных верующих, отменить.

НКВД СССР произвести ревизию осуждённых и арестованных граждан по делам, связанным с богослужебной деятельностью, освободить из-под стражи...»

Не подвергаю сомнению замечания некоторых исследователей о том, что номер ленинского указания, отражающий его зловещий смысл, свидетельствует о причастности масонства к богоборчеству. В номере проставлено пресловутое «число зверя» и «ритуальный» признак присутствия масонства — число тринадцать. Ничего не скажешь, впечатляюще!

Масонское воинство последовательно в своих преступлениях. Сопоставим с аналогичной историей во Франции. Там безо всяких постановлений осуществили дичайший грабёж католических церквей и монастырей; уничтожались древние христианские святыни, сжигались мощи святых, осквернялись молитвенные предметы и принадлежности. Жестокость и надругательство совершались в таких же масштабах, как и все прочие завоевательные нашествия. В России всё это повторилось.

В бесконечных дискуссиях о жестокости «красных» непременно приводится факт преступления в Крыму по отношению к «белым» офицерам. Руководили той бесчеловечной расправой Р.Залкинд (Землячка) и Бела Кун; типичные представители интернационального войска, для которых зверства на покоряемой территории — это исполнение предписания всей кампании нашествия.

А как тут не вспомнить ещё одного из авторитетных «вождей революции» — Г.Зиновьева с его кредо: если потребуется, ничего не стоит уничтожить 90% населения, но зато оставшиеся будут преданы идее мировой революции. Печально известный в истории «Красный террор» самым массовым и самым жестоким был в Петрограде, где в то время председателем Петросовета был Зиновьев. По постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии расстреливали по пятьсот человек в день. Свидетель этого кровавого ритуала М.П. Якубович за протоколировал для истории: *«Зиновьев применил массовый террор, и было истреблено много людей, которые заведомо не могли принять участия в террористических актах против советской власти...»* (цит. по кн. Р.Медведева «О Сталине и сталинизме». М., 1991 г., с. 113).

Обратим внимание на источник. Мэтр-псевдоисторик Рой Медведев, исследуя «истоки сталинизма», в частности, преступления Г.Зиновьева, относит их к деятельности И.В. Сталина.

Русской крови не жалко, и Зиновьев «пускал» её при всяком подвернувшемся случае. Георгий Соломон, бывший торговый представитель Советской России в Ревеле (Эстония), в своей книге «Среди красных вождей» (Париж, 1930 г.) опи-

сывает такой случай: «...к Зиновьеву пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал:

— Уведите этих мерзавцев на двор, приставьте к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры...

Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия...»

А разве возможно не назвать здесь Я.Свердлова? Этот революционер откровенно исповедовал и практически реализовывал сионистские идеологемы о таланте полководцев. На заседании ВЦИКа 20 мая 1918 г. он изложил свой план уничтожения русской деревни: *«Мы должны самым серьёзным образом поставить перед собой вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоёв населения кулацким элементам. Только в этом случае, если мы сможем расколоть деревню на два враждебных непримиримых лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городе... мы по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать в городе».*

Я.Свердлов, Председатель ЦИК (Центрального Исполнительного Комитета), на современном языке — президент страны. И вот что провозглашает заместитель Председателя Совнаркома (т.е. самого Ленина): *«Нашей целью является денационализация, сплошная гибридизация всех других народов, снижение расового уровня «наивысших», а также покорение этого расового месива путём истребления народной интеллигенции и замены её представителями собственного народа»* (цит. по кн. «Три покушения на Ленина»; Сопельняк Б.Н. М., 2005 г., с. 284; выделено мной. — А.К.).

То, что культивируют «вожди революции», должны будут исполнить «рядовые» участники нашествия. Причём, исполнить осознанно, как «национальную идею», что и внушает пресса. Давид Айзман призывает: *«Завоевания революции евреи должны укрепить во что бы то ни стало... тут нет и не может быть никаких колебаний. Каких бы жертв ни потребовало дело — их надо принести... Тут все начала и все концы: иначе погибнет всё... Даже самым тёмным слоям еврейской массы это понятно».* «...Гнусное отродье должно быть раздавлено, когда ещё и в зародыше оно не сложилось. Умерщвлено должно быть само семя его...Свободу свою евреи смогут отстоять» («Русская воля» от 9 апреля 1917 г., с. 3; цит. по кн. А.И. Солженицына «Двести лет вместе». М., 2002 г., т. 2, с. 56).

Без всяких натяжек политика той власти — геноцид русского народа. Надо было только как-то оформить это, чтобы не создавать образ отъявленных бандитов. Повод подвернулся: в Питере был убит (30.08.1918 г.) Моисей Урицкий — глава Петроградской ЧК («красный Моисей»).

До него (20.06.1918 г.) был убит Моисей Володарский (Гольдштейн) — комиссар Северной коммуны по делам печати и пропаганды. Должность обязывала, и он призывал: *«Мы сделаем сердца наши стальными, чтобы не проникла в них жалость, чтобы не дрогнули они при виде моря крови! И мы выпустим это море. Без пощады, без сострадания мы будем избивать врагов десятками, сотнями. Пусть они захлебнутся в собственной крови. Больше крови!»*

Так что месть настигла обоих абсолютно заслуженно. Но Свердлов, естественно, руководствовался другими соображениями: объявил Советскую республику военным лагерем и 5 сентября от имени Совнаркома вышло постановление о «красном терроре». Начался беспощадный, массовый террор по отношению ко всем слоям населения. *«Имевшие несчастье до революции числиться дворянами, купцами, почётными гражданами, адвокатами, офицерами, а в данное время профессорами, инженерами, словом, «буржуями», отправлялись в концлагеря или «в расход»* (Мельгунов С.П. «Красный террор в России. 1918—1923 гг.»).

Деникинская комиссия установила, что только за 1918—1919 гг. было расстреляно 1,7 млн. человек. В других источниках указаны более трагичные цифры: *«...в целом человеческие жертвы — даже не считая умерших в условиях всеобщей разрухи малых детей — составили за 1918—1922 годы примерно около 20 миллионов человек»* (В.В. Кожин).

В 1923 г. в Палате лордов при обсуждении положения в России лорд Сиденхэм заявил: *«...уничтожение в России под еврейским руководством более 30 миллионов христиан — это наиболее ужасное преступление в истории»*. Спустя сто лет *«это наиболее ужасное преступление в истории»* трансформировалось в фарс. Так, в телепрограмме «Красный проект» (от 17.03.2018 г.) И.Чубайс, Д.Кирпаровская и Г.Амнуэль извергали ненависть к «сталинской системе». По Чубайсу, вершиной доказательства порочности социализма является его умозаключение: *«Можно ли подсчитать жертвы этой системы! Скажите же, сколько погибло человек от этой системы?»*

Хотелось бы спросить этих достойных последователей троцкизма: а вот те 30 миллионов жертв, к какой системе относятся? Или всё это клеветнические заявления антисеми-

тов-англичан? Тогда почитайте, что об этой трагедии в том же 1923 г. писали ваши же соплеменники.

«Если мы свои потери можем ещё определить гадательными числами, то русские и этого сделать не могут. Кто считал русские слёзы, кто русскую кровь собирал и мерил. Да и как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море <крови>» (Иосиф Биккерман. Сборник «Россия и евреи», 1923 г.).

В сборнике помещены статьи И. Биккермана, Д. Пинского, В. Манделя, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пасманика, что свидетельствует о том, что многие евреи содрогнулись при осознании тех зверств, которые устроили их соплеменники в России.

А вот какие чувства испытывают (и культивируют) их современники: *«...Славные сыны Израиля Троцкий, Свердлов, Роза Люксембург, Мартов, Володарский, Литвинов вошли в историю Израиля. Может быть, кто-нибудь из моих братьев спросит, что они сделали для Израиля? Я отвечаю прямо: они непосредственно, или посредственно старались уничтожить наших наибольших врагов — православных гоев. Вот в чем заключалась их работа. Этим они заслужили вечную славу!»* (Брановер Г. «Возвращение», Израиль).

Из всех нашествий за всю историю нашего Отечества это было самым кровавым, самым жестоким, самым садистским и беспощадным. Это понимают соплеменники тех преступников. И они придумали формулу: те евреи-преступники были не евреями, а интернационалистами. Известный когда-то журналист Марк Дейч, похоже, сам верил своему вранью: *«Процесс /.../ готовили вовсе не мои «одноплеменники», а большевистский интернационал...»*

Давид Рейфилд (в книге «Сталин и его подручные») признаёт, *«что большевики и их Центральный Комитет — не что иное, как еврейский «кагал»* (с. 90). Но написал он это, видимо, для того, чтобы вызвать у читателя доверие к следующим его доводам. *«Но те евреи, которые работали на ЧК, не были сионистами; они даже не были в полном смысле слова евреями. Война между ЧК и русской буржуазией не была ни классовой, ни чисто политической. /.../ Имеет смысл описывать конфликт (? — А.К.) евреев и русских как культурную коллизию».*

Но, кроме происхождения, что осталось от еврейскости у таких большевиков, как Зиновьев, Троцкий или Свердлов? Некоторые уже во втором или третьем поколении были отступниками от иудаизма; большинство их не знали ни идиша, ни иврита. Воспитание у них было русское, а образ жизни и цен-

ности — европейские» (там же, с. 90, 91; относительно европейских ценностей спорить не стану).

Замечу, книга Рейфилда написана в стиле «анти», однако в ней произнесены и оправдательные мотивы. У пишущих евреев это похоже на обязательство, исполняемое ими в любом случае, если даже к тематике книги не относится. Вот один из многочисленных примеров. Марк Ферро, «Семь главных лиц войны. Параллельная история» (2014 г.) — книга о Рузвельте, Сталине, Черчилле, Муссолини, Гитлере, Чан Кайши, Хирохито. Понятно, что речь должна идти о периоде Второй мировой войны. Однако автор, выполняя негласное требование, «вспоминает» российский террор 1918 г. и поясняет: «...в России террор по своей сути, происхождению и инициативе был народным» (с. 169).

Можно сказать, Марк переплюнул Давида Рейфилда; у того хотя бы «евреи, которые работали на ЧК, не были сионистами», а у Марка и этого нет — террор «был народным».

Если бы в нашей истории не было Сталина, то в точно такое же положение был бы низведён Ленин; вся грязь и нагромождение ложных обвинений были бы приписаны ему (тем паче, что он был далеко не безгрешен). Ленину, без сомнений, превратили бы в монстра, тем более, что оснований для этого имелось предостаточно. Троцкий был одержим идеей фикс: в истории он останется вождём мирового масштаба, и уже в те годы он волновался о безупречности своей биографии. Реки пролитой крови им и его соплеменниками не красят её, и он объявил, что основная вина за «издержки Великого Октября» полностью лежит на основателе большевистской партии. Вскорости после смерти Ленина он сделал беспрецедентное заявление: «Ленин несёт полную ответственность и за революцию, и за «красный террор», и за гражданскую войну. И будет её нести во веки веков!»

Даже такой ненавистник И.В. Сталина и социализма, как Д. Волкогонов, в одной из своих статей писал: «Сегодня можно утверждать, что если бы Троцкий стоял у руля партии, её бы ждали ещё более тяжкие испытания, чреватые утратой социалистических завоеваний». А это означает, что без спасителя Сталина нашествие продолжалось бы до превращения России в пустыню, населённую «белыми неграми».

Известный журналист-хроникёр того времени В.Я. Бурцев в газете «Общее дело» (1922 г.) в одной из громких статей, невзирая на личности, произнёс свой приговор. За террор в России нужно «...призвать к ответу Ленина и Троцкого, Стеклова и Дзержинского, Лациса и Луначарского, Каменева и Калининна, Красина и Карахана, Крестинского и Зиновьева и т.д.».

Фамилии Сталина в бурцевском перечне нет! Беспристрастный Бурцев не упустил даже Калинина, что свидетельствует: И. В. Сталин даже минимальным образом не причастен к террору ленинских большевиков.

Впоследствии, уже находясь в эмиграции, в связи с известными процессами 30-х годов в Советской России, В. Бурцев выпустил книгу (Париж) с характерным подзаголовком — «По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц». В ней он подводит итог деятельности оппозиции. *«Историческая Немезида карала их за то, что они делали в 1917—1918 гг. и позднее /.../ Они, несомненно, всегда были двурушниками и предателями — и до революции, и когда боролись за власть со Сталиным».*

«В этих процессах Сталин «не проявил никакого особенного зверства», в котором его обвиняют, но которое как раз совершали большевики, в том числе «ныне казнённые». Сталин решил расправиться с ними, ибо «чувствует, что /.../ найдёт оправдание и сочувствие у пострадавших масс».

Даже краткое перечисление преступлений, совершённых «вождями революции» (а на деле — руководителями нашего государства) позволяет убедиться, насколько извращено изложение нашей истории. Действительные организаторы геноцида русского народа «преданы забвению», но зато три десятка лет по всем телеканалам (как и прочим СМИ) «дневно и ночью» несётся враньё о «сталинских преступлениях». Ложно подобранный термин «репрессии» — ключевой в либеральной пропаганде.

А ведь именно он, и только он, Иосиф Виссарионович Сталин, сделал русскую революцию Великой, восстановил величие нашей страны и вновь сделал Великой нашу историю.

«ОТРЕЧЕНИЕ», КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Сегодня, спустя четыре века после всенародного воцарения Романовых на русском престоле, можно говорить об особой значимости Дома Романовых на судьбы России и всего мира. Дом этот жив и поныне, и не только потому, что остаются в живых его представители, но потому, что в нем теперь немало святых угодников Божиих, наших небесных заступников и защитников! Немало святых и у предшественников рода Романовых — Рюриковичей. Все они — святая необоримая рать в борьбе с духовным злом. Н.В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» писал: «Ни один Царский дом не начинался так необыкновенно, как начался Дом Романовых. Его начало было уже подвиг любви... Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с Царем. И так слился и стал одно-едино с подвластным Повелитель, что нам всем теперь видится всеобщая беда — Государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет Государя и от него отрешится».

История показала, что не Государь оставил своих поданных и отрешился от них, но был отрешен кучкой негодяев от престола, о

УРОКИ ИСТОРИИ

которых еще поэт М. Лермонтов писал, что они «жадной толпой» стоят «у трона», свободы, гения и славы палачи. Лермонтов им грозит Божьим Судом. Вскоре и Лермонтов был убит...

П. Жилияр пишет: «Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседние государства».

В записях Императрицы Александры есть подтверждение того, что так называемого «отречения» не было. «Слышала, что Н<иколай> отрекся от престола, а также за Бэби (Царевича Алексея. — Авт.). Разговаривала по телефону с Н<иколаем> в Ставке, куда он только что прибыл...» То есть Императрица слышала, что Николай отрекся, затем разговаривала по телефону с ним — и ни слова об отречении! Более того, в письме она прямо пишет к Императору: «Я вполне понимаю твой поступок, о, мой герой! Я знаю, что ты не мог подписать противного тому, в чем клялся на своей коронации. Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов, и, клянусь жизнью, мы увидим тебя снова на твоём престоле, вознесённого обратно твоим народом и войсками во славу твоего царства» (Переписка... Т. V. С. 230—232; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 502—504). А это и означает, что Царь не отрекался, а остался на Престоле Российском! И 4 марта 1917 года Царица вновь разговаривает с Николаем по телефону, и снова ни слова об отречении! А с 8 марта «присутствующие (во дворце) считаются изолированными, не должны видаться ни с кем посторонним». Для чего же такие предосторожности, если Царь «отрекся от престола» и стал обычным гражданином? 9 марта приезжает Царь Николай, и снова ни слова от «отречения». Более чем странно. Ведь в те дни это был центральный вопрос существования Семьи и всего государства... Члены Царской семьи жгут письма, видимо, понимая свое положение. «Комендант прочитывает все наши письма, и все пакеты, всё тщательно просматривается...» (запись от 11 марта). Продолжаются сжигаться письма и бумаги... Сменяется охрана. Царственным особам запрещено почивать вместе... Но Семья продолжает посещать церковные службы и молиться, что видно по записям Святой мученицы Александры.

Анна Вырубова в своих воспоминаниях писала, что «на Государя было оказано такое давление, что он мог только желать отойти в сторону. Ему говорили, что если он не отречется, его Семья будет убита». «Куда только я ни посмот-

рю, — говорил он, — всюду вижу предательство». Это не означает, что Царь испугался угроз. Он просто понял, что Его устранение от власти — дело решенное. Царь меньше всего хотел быть причиной Гражданской войны внутри России. Власть захватили те, кто впоследствии погрузит Русь в кровавый омут, но в этом вины Государя не было и нет: что посеяли ненавистники Святой Руси, то и получили в конечном итоге.

Заговорщики просто имитировали «отречение», да им было уже все равно — для них Царь перестал существовать. Так совершилась февральская гнусность, которая неминуемо перешла в страшный массовый террор против Церкви и верующих. Это был самый настоящий религиозный геноцид, по сравнению с которым меркнет любой холокост, ведь еврейский народ убивали не за их веру, а по национальному признаку — как ненавистных людей.

Член Поместного собора РПЦ, профессор МДА С.С. Плаголев 2 августа (н.с.) 1918 года на заседании IV Подотдела Соборного отдела «О церковной дисциплине» сказал: «При обсуждении вопроса о нарушении присяги бывшему государю Императору Николаю II нужно иметь в виду, что произошло не отречение Николая II, а свержение его с Престола...»

Именно неотречение делает Царя и Царицу с детьми узниками за веру и Россию и выносит им смертный приговор. Так что Царь совершает подвиг вместе с Семей и отдает Себя в жертву ради спасения Руси от злобы и тьмы. Казалось бы, злодеи все рассчитали — Романовым бы никто не поверил, если бы они даже имели возможность открыто заявить о неотречении, потому что так называемый «манифест об отречении» был немедленно напечатан во всех газетах и объявлен единственной «правдой». Тем самым Романов был всенародно провозглашен «неспособным править страной», «не имеющим характера» и чуть ли не предателем.

Либеральная и прочая чернь встретила известие об «отречении» с ликованием. Еще бы! Ей открывалась дорога для любого вида вакханалии и своеволия. «Провозгласите право на бесчестие, и все побегут за вами», — писал Ф.М. Достоевский. Заговорщики против Романовых, а в их лице и всей России могли теперь готовиться к открытому захвату власти (что и совершилось в октябре 1917), чтобы немедленно приступить к массовому террору и запугиванию населения, что и произошло. Вот причина того, почему простое верующее население России не оказало поначалу сопротивления заго-

вору, а потом, оказавшись под машиной беспощадного террора, уже не могло противостоять ей и вынуждено было по образу Христа идти на муки, на Голгофу. Всё это большевики-ленинцы цинично назвали «мирным шествием советской власти по стране».

Из заключения Государь шлет просьбу «всем тем, кто Ему остался предан, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Повторим слова чтимого на Руси и за ее пределами протоиерея старца Николая Гурьянова: «Святой Царь не отрекался, на Нем нет греха отречения. Он поступил как истинный христианин, смиренный Помазанник Божий. Ему надо в ножки поклониться за Его милость к нам, грешным. Не Он отрекся, а Его отвергли...»

Леонид ЧЕКУРИН,
профессор МГИК

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Вопросы о памятнике Ляпунову, герою, поднявшему знамя освобождения страны от польско-литовских захватчиков, ставятся историками и краеведами не первый раз. Проводятся конференции, ведутся переговоры краеведов с администрацией, направляются письма во все инстанции, авторы получают то отписки, а то прямой отказ заниматься вопросами памятника деятелям славной отечественной истории. В истории России нет пустых эпох. XVII век наполнен важнейшими событиями, которые во многом предопределили дальнейшее развитие страны и ее культуры.

Наиболее распространенное возражение против памятника Прокопию Ляпунову — «противоречивость его характера и деятельности». Приписывают Ляпунову и прямое «предательство И.И. Болотникова». Первое обвинение надуманное: прагматик Ляпунов в каждом конкретном случае принимал решение, обусловленное обстановкой. В своем выборе он был свободен и руководствовался интересами России. Всякая история противоречива, наполнена борьбой лжи и правды, добра и зла. Природа патриотизма — в духовном начале.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Второе «обвинение» особенно любят историки, стоящие на классовых позициях: Ляпунов с рязанцами (по одним историкам их было всего 40, по другим — 500) действительно покинул вождя крестьянской войны, и тот потерпел поражение от царских войск. В этом видится главное препятствие в возведении памятника Прокопию Ляпунову. Это устаревшая позиция науки, которая во главу развития ставила исключительно классовую борьбу. Над нами еще витают призраки классовой борьбы — одинаково в высоких сферах власти и на бытовом уровне. На историческое развитие действуют многие факторы. Все крестьянские войны закончились поражением, и на то были свои причины, а Ляпунов в этом исходе восстания Болотникова виновен менее всего.

Прокопий Ляпунов сыграл большую роль в истории России, следуя передовой для его времени монархической идее. Монархия в России имеет тысячелетнюю историю, и именно в такой политической форме создалась могучая Российская империя.

В 1696 г. П. Ляпунов стремился встретиться не с Болотниковым, а с чудесным образом спасшимся сыном Ивана Грозного — Дмитрием. Болотников назывался воеводой князя Дмитрия. Убедившись, что Дмитрия на самом деле в лагере Болотникова нет и не будет и что это обман, Ляпунов с рязанцами действительно покинул лагерь восставших. Он мог служить только помазаннику Божьему и никому другому.

Попробуем дать современную оценку Прокопию Ляпунову. Среди 600 имен, упомянутых историками, участников политических, дипломатических и военных попыток спасения погибающей России, источники единодушно выделили Патриарха Гермогена и рязанского воеводу Прокопия Ляпунова. Оба мужественно вступили в борьбу с польской, шведской интервенцией, антинациональной политикой московского боярства и внутренней смутой. Оба отдали жизнь для спасения страны. Прокопия Ляпунова источники называют: «стратег» и «властитель». Гермоген погиб в польско-боярской тюрьме. Ляпунов убит 22 июля 1611 г. в результате акции польского короля, т.е. католиков, вступивших в сговор с московскими боярами и мятежными казаками.

Думный дворянин Прокопий Петрович Ляпунов, воевода Переяславля Рязанского, — руководитель Первого Рязанского ополчения, фактический руководитель Временного правительства на свободной от польской интервенции территории.

Ляпуновы — активные участники политической жизни России — были инициаторами выдвижения на престол при-

родного россиянина талантливому полководцу Михаилу Скопина-Шуйского. После его отравления участвовали в свержении Василия Шуйского. В противовес договору поляков и Семибоярщины об избрании на русский престол польского королевича П.Ляпунов создал оригинальное военно-политическое образование, названное «Первым ополчением», что подчеркивало его народный характер. В его составе был создан Совет всей земли — высший орган власти на свободной от интервентов территории, единый руководящий центр освободительного движения в стране. Другой более влиятельной силы в стране не было. Ляпунов и Совет всей земли решали вопросы сбора людей, материального снабжения, вооружения ополчения. Под руководством П.Ляпунова осуществлен поход объединенных сил для освобождения столицы от поляков. В процессе борьбы за освобождение страны П.П. Ляпунов создал программный документ «Земский приговор 30 июня 1611 г.», который решал, как «строить землю и промышлять всяким земским и ратным делом». Была оформлена сословно-представительная организация власти, избрано «временное правительство», подотчетное Совету и сменяемое Советом всей земли. (Выходит, это была первая в России *Советская власть*. — Ред.)

Приговор определял управление и порядок сбора налогов, даже ограничивал власть государя. Без согласия бояр и думских людей нельзя было вводить новые налоги. Без них же не давались льготы областям, поместьям и вотчинам, разоренным в смутные времена. Документ закрепил права служилого сословия. Законы о владельческих крестьянах сохранились. Нельзя забывать: до отмены крепостного права пройдет еще 250 лет!

Приговор провозглашал основы гражданского правосудия. Принятый свод законов был доступен для понимания и проверки, в нем царил дух умеренности, любви к общему государственному благу, снисхождения к людям, попавшим в тяжелые обстоятельства времени. Приговор существенно изменял традиции взаимоотношений власти и соборного большинства в государстве.

П.П. Ляпунов, первым предпринявший попытку освободить столицу, нанес реальный урон интервентам, разрушил авторитет Семибоярщины и других активных элементов, рождавших смуту. После смерти Ляпунова авторитет Совета всей земли сохранился. Сложившаяся организация власти в Первом ополчении продолжала действовать.

Второе ополчение во главе с Мининым вошло не в пустоту, а с учетом опыта Первого ополчения Ляпунова, т.е. органи-

зации власти, приостановившей распад государства. В последний период Смуты (1611—1612 гг.) происходил сложный, в чем-то даже таинственный процесс возрождения государства «снизу», поучительный, как и многое в нашей тысячелетней истории. П.Ляпунов — ведущий участник этого процесса. Рязанское ополчение влилось в Нижегородское, военным руководителем которого стал сподвижник Ляпунова Дмитрий Пожарский.

Погибший за отечество государственный деятель и военачальник П.П. Ляпунов достоин памяти потомков. Ляпунов — один из первых героев своего времени: возглавляемое им ополчение показало путь спасительного выбора для Русского государства. Возвращение имени П.П. Ляпунова должно начаться с Рязанской земли, откуда двинулись народные силы, в дальнейшем изгнавшие интервентов.

В селе Исады, где находились земли славного рода Ляпуновых и построена в 30-е годы XVII в. его потомками церковь Воскресения Христова, ныне возник совет активистов, который открыл счет для сбора средств на памятник Ляпунову. Его активисты в феврале 2016 г. создали фонд содействия духовному развитию и духовному воспитанию «Живая память». В селе поставлен памятный знак на месте будущего памятника П.П. Ляпунову. Проект памятника, достойного исторической роли патриарха Гермогена и воеводы Прокопия Ляпунова, создали земляки-скульпторы — отец и сын Твердовы. Памятник будет установлен рядом с церковью Воскресения Христова.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ТОТАЛИТАРНАЯ РЕЛИГИЯ

Либерализм — это вовсе не учение об экономических свободах и сопряженных с ними политических правах. Либерализм — это всеохватное и тотальное учение, заходящее в атаку на человеческий ум с разных направлений и атакующий личность под разными углами с целью полностью изменить ее сущность. Если попытаться пойти в глубину смыслов по либеральной тропе познания, то непременно приходишь к сатанизму как единственному истоку всех либеральных учений.

Начавшись в эпоху Возрождения (возрождалась дохристианская ценностная система, называемая язычеством), либерализм пошел дальше язычества. Язычество — глубоко сакральная мировоззренческая концепция и, прежде всего, — целостная, понимающая мир и человека в нем как очень сложную единую систему, где взаимодействуют трансцендентные и имманентные начала. В либерализме же центральным принципом стала тотальная десакрализация целостного мира и всего бытия человека с последующим разделением их на части.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Либерализм, ставя целью прийти через стадию атеизма к навязыванию альтернативной религии, должен был сначала разрушить традиционное духовное наследие человечества, которому многие тысячи лет. И так как откусывать пирог лучше с краев, то мир христианства был атакован с периферии, где имелись все основания для трансформации традиционных религиозных установок в нечто, получившее впоследствии название «модерн» и обретшее позитивную коннотацию в массовом профанном сознании.

Такой периферией стал мир католицизма, который, деградируя, явился причиной возникновения протестантизма. А сам протестантизм уже намного легче поддавался либеральной трансформации, превратившись в религию капитализма, чьи идеологические апостолы создали учение в интересах властвующей в тот момент и до настоящего времени буржуазной и прежде всего финансовой элиты. В этом учении было всё от символа веры, но уже не было Бога.

Сакральная тайна усилиями многих католических теологов превратилась в интеллектуальную головоломку. Возникло спекулятивное учение об откровении и вере, не имеющее соприкосновения с самим откровением и с самой верой. Профанация великой мистерии богопознания привела к увлечению теорией, где сакральное трактовалось как рациональное знание. Искус слога, сладострастия созвучий стал символом учености и сделал ораторское мастерство показателем владения сакральной тайной богопознания.

Так возникла схоластика, со временем сделавшая лицом западной церкви университетского профессора, а не монаха-подвижника и аскета. Первый факультет теологии возник в Парижском университете в XIII веке, и это не случайно.

Как не случайно в православии по традиции Византии употребляют термин «богословие» (исповедание Бога, а точнее — рассказ о Боге), а в католико-протестантском мире по традиции Рима говорят «теология» (учение о Боге). Уже здесь зашита разница в бережном отношении к свободе личности в православии и в тоталитарном навязывании мнения авторитета в католичестве и в последующем протестантизме. Ведь рассказ не требует подчинения слушающего воле рассказчика, а учение именно этого требует.

Это не терминологическая разница, а глубочайшая пропасть двух человеческих природ, хотя секулярная философия эти два термина подает как синонимы.

Протестантизм долгое время был фаворитом различных масонских и оккультных структур, точно понявших возмож-

ности именно через протестантизм полностью извести христианство в мире. То есть искоренить главный якорь Традиции в европейском социуме. Ибо протестантизм стал главной базой превращения религии в гуманизм на атеистической основе, но и это был лишь этап большого пути. Пройдя через атеизм как необходимый этап отрицания традиционного понятия религии, в мир вводились оккультизм и магия как завуалированная форма религии сатанизма.

Либерализм как манифестация освобождения человека от Бога и протестантизм как необходимая станция на этом пути представляли собой два течения, долженствующие сойтись в одной точке, знаменующей собой выполнение поставленной задачи — через манифестацию либерализма полностью освободить человечество «от химеры совести», как говорил Гитлер.

И это очень важно констатировать, так как гитлеризм был продуктом либерализма, и лишь попытка «эксцесса исполнителя» (на каком-то этапе исполнитель пожелал выйти из-под контроля) рассорила Гитлера с либералами. Но после Гитлера весь опыт его системы был спешно усвоен США и Британией и практикуется ими по настоящее время с небольшими корректировками. Да и основа немецкого нацизма евгеника — это учение англосаксонских радикальных либералов. Так что конфликт Гитлера с либералами — это внутривидовая конкуренция, а не столкновение двух радикально различных систем.

Оформление либеральных догматов в терминах протестантизма привело в XX веке к появлению так называемой радикальной или новой теологии. Ее основатель — лютеранский пастор Л. Банхофер. Он в 1957 году выдвинул тезис о том, что традиционное для христианства положение о несовместимости и противоположности земного греховного и святого сверхъестественного ошибочен.

Л. Банхофер воспользовался колоссальным уровнем богословского профанства у европейской паствы, у которой мозги давно были промыты гуманистическими догмами. Банхофер взялся утверждать, что так как Христос воплотился в человека, то подлинный смысл христианства — это соединение двух миров, а не их разделение. И это значит, что смысл религии не в том, чтобы с надеждой обращаться к потустороннему миру, а в том, чтобы повернуть человека к тому миру, в котором он живет.

Гуманистический пафос подобной вивисекции мозга уже безбожного западного общества понятен: грехи объявляются несовершенствами, а человек, повернутый лицом к этому

миру, оказывается спиной к Богу, но соблазн гуманизма объявляет это не грехом, а подвигом. О том догмате христианства, что Христос, воплотившись, принял всё человеческое естество, кроме греховной поврежденности, от паствы Банхофер скрыл. На таких манипуляциях и подлогах либерализм строит свое тотальное проникновение в человеческую душу, освобожденную от прежних трактовок святого и грешного.

Дальше — больше. Банхофер объявляет о том, что борьба за «человеческую автономию» (от кого?) находится в самом расцвете. Обратите внимание на то, каким языком лютеранский пастор говорит о Боге: «Человек сам научился справляться со всеми важными вопросами, не прибегая к помощи «рабочей гипотезы», именуемой «Богом». Бог был выдан на заклятие, поэтому Он слабый и беспомощный в мире, и это как раз единственный путь, благодаря которому Он с нами и помогает нам... благодаря своей слабости и страданиям».

Это полностью антихристианское толкование христианской догматики, построенное на лжи, и даже ересь это назвать невозможно. Но это говорит лютеранский пастор в мире, где правят либералы. Позже это скромно назовут «обмирщением». И лишь единицы понимают, что это, по сути, проповедь сатанизма.

Однако английский епископ Дж. Робинсон еще более прям и откровенен. Он пишет в 1964 году работу «Честность перед Богом» (подкупающее название, не правда ли?). Здесь со всей честностью радикальный теолог утверждает, что «теологии необходима коперниканская революция». Что он имеет под этим в виду? Робинсон уверен, что христианскую идею Бога как высшего существа необходимо устранить из христианства.

По Робинсону, Бог не трансцендентен миру и не имманентен ему, Он не в нем и не вне его. Бога нужно понимать как тайну, а теологию — как «положение о человеческом существовании» и «о глубинах человеческого опыта в свете любви». Такое вот битловское «All You Need Is Love», причем любовь здесь понимается как снисходительность, терпимость, доброта или любовное томление и страсть в виде эмоциональных экстатических всплесков, а вовсе не христианское жертвенное самоотречение от себя ради ближнего. Как так вышло, что британские Битлз и британский пастор одновременно несли людям одно и то же? Случайное совпадение?

И как только эмансипированные толпы уверовали, что любовь (в смысле секс и вообще любая похоть) — это главное, что им нужно в жизни, и что еще им нужна снисходи-

тельность ко всему этому, то миссия радикальной теологии в служении либеральному антибогу оказалась выполненной. В США даже возникло учение о мертвом Боге. Т.Алитцер и В.Гамильтон в 1966 году прямо написали: «Мы должны признать, что смерть Бога есть исторический факт. Бог умер в наше время, в нашей истории, в нашем существовании». Умерший Бог однажды воскреснет, а пока надо служить ближнему и любить его. Апофеоз гуманизма как религии человекобожия вместо христианства как религии богочеловечества. Честно говоря, дальше с крестом на шее идти уже некуда. Дальше уже идет открытая проповедь сатанизма.

Мы видим по нынешним шествиям католических пасторов среди раскрашенных рядов сторонников ЛГБТ и гей-парадов, а также по открытым признаниям протестантских пасторов в атеизме, что либеральная доктрина стала тоталитарной идеологией, отказ от следования которой порождает репрессии. Либерализм шел, охватывая человека через секулярное общество и через церковь, которую разлагали так же интенсивно, как и внецерковное общество.

Теперь эта волна докатилась и до России, где либерализм добился полной и сокрушительной победы над всеми своими оппонентами. Через экуменизм либерализм обосновался в православии, откуда церковные либералы всё больше сливаются с либералами в политической элите. В обществе либерализм стал коллективным бессознательным, где уже ненавидящие либерализм индивиды и социальные группы борются с либерализмом при помощи либеральных парадигмальных установок и форм мышления.

Либерализм — это язык современности, а другого языка у нее нет, и потому либерализм непобедим, пока на его языке говорят и думают все, кто его любит, и кто его ненавидит. **Тоталитарность либерализма намного превосходит тоталитарность коммунизма и национал-социализма.** Либерализм буквально сочится из всех щелей бытия, и всё, что мы видим вокруг нас, — это манифестация либерализма.

Можно много раз объявлять либерализм мертвым, но это скорее описывающая кризис либерализма аллегория, нежели реальность. Даже эта установка каждый раз изрекается из позиции либеральной парадигмы — она исходит из либеральной ценностной матрицы о соотношении прав большинства и меньшинства.

Либерализм, обвиняющий оппонентов в тоталитаризме, — это самая великая ложь нашего времени. Нет ничего более тоталитарного, чем либерализм, и пока человечество не изживет из себя либеральный язык, через который оно видит и

трактует себя и этот мир, никакое освобождение от либерализма невозможно. Нельзя бороться с сатаной, будучи немножко сатанистом.

Победивший либерализм — это царство сатаны, и именно ренессанс сатанизма под ширмой всяческих социальных учений за освобождение человека мы наблюдаем сейчас перед собой. Кризис традиционных религий сопровождается необычайным всплеском оккультизма и магии. Борьба с религией Бога на самом деле означает борьбу за религию сатаны. И какими путями люди придут к этому общему знаменателю — уже не имеет никакого значения.

В этом состоит единственная и главная цель либерализма, и никаких иных задач у него нет. Ибо царство свободы без царства ответственности (суть либерализма) — это прямая дорога в царство сатаны, и свернуть с этой дороги означает спастись перед лицом неминуемой гибели. Либерализм и жизнь несовместимы, как несовместимы злодейство и гений.

Национальный медиа-союз

ВЕЛИКИЕ МУЖИ РОССИИ

Роль личности в истории не отрицали даже марксисты. Однако личности личностям — рознь. Одни действовали вопреки интересам народа, ломали его жизнь, доводили страну до бедственного состояния. Другие вносили огромный вклад в государственное строительство, в величие и международный авторитет страны, то есть служили интересам нации. Трём таким личностям, юбилейные даты жизни которых пришлись на 2019 год, посвящены эти краткие очерки.

Светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин-Таврический

В России были сотни князей. Одни происходили из древних княжеских родов (Волконские, Воротынские, Гагарины...), другие были возведены в княжеское достоинство Царской властью за заслуги перед Отечеством, а если заслуги были военные, то к фамилии часто добавляли приставку с указанием мест наиболее ярких сражений (Долгоруков-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Крымский, Суворов-Италийский, Паскевич-Варшавский). Бывали, впрочем, и мелкие личности, получившие княжеские титулы по монаршей прихоти (вроде Зубова, последнего фаворита стареющей Екатерины II). Обращались к князьям со словами «Ваше высочество».

А вот светлейших князей было всего три десятка. Обращались к ним иначе: «Ваша светлость». Одним из них был Григорий Александрович Потёмкин, 280-летие со дня рождения которого исполнилось 24 сентября 2019 года.

Выходец из мелкопоместных дворян Смоленской губернии (т.е. из самых дворянских низов), он совершил головокружительную карьеру (граф, светлейший князь, президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий войсками, главнокомандующий Черноморским флотом, генерал-губернатор одновременно Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний), которую советские историки объясняли не выдающимися способностями, а лишь участием в дворцовом перевороте в 1762 г., приведшем на трон Екатерину II, да интимной близостью к императрице.

Да, были и участие в перевороте (действительно давшем толчок его карьере), и амурные дела. Были и роскошные дворцы, и тысячи душ крепостных, на чём тоже заостряли внимание советские историки. Не заостряли они только внимание на главном: Потёмкин совмещал в себе доблесть и отвагу настоящего воина, недюжинные полководческие способности, неповторимый организаторский талант и стратегическое мышление государственного деятеля.

Придворная жизнь была тесна для этого человека, и в 1769 году он оправился на русско-турецкую войну (1768—1774), где сразу же отличился при взятии Хотина, за что получил чин генерал-майора. Командующий 1-й армией генерал-аншеф Голицын писал о своём подчинённом: «Русская конница до сего времени еще не действовала с такой стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потёмкина». Затем молодой генерал доблестно действовал в знаменитых сражениях при Ларге и Кагуле (1770) под командованием великого Румянцева. Он первым ворвался в предместья Килии, отличился храбростью в схватках с противником под Крайовом и Цимбрами, участвовал в разгроме войск Осман-паши под Силистрией. За отличие в боях он получил чин генерал-поручика (аналог генерал-лейтенанта), ордена св. Анны и св. Георгия 3-й степени.

Тогда он и обратил на себя более пристальное внимание императрицы и вскоре стал её ближайшим помощником во всех государственных делах, прежде всего — в вопросах ос-

воения и военного укрепления новых земель на юге России, названных Новороссией.

Он основал Екатеринослав (1776, в советское время Днепрпетровск), планируя превратить его в третью столицу России, Херсон (1778), Севастополь (1783), Симферополь (1784), Николаев (1789), организовал заселение и освоение пустынных земель Причерноморья. По его настоянию Крым был присоединён к России: «Крым положением своим разрывает наши границы... Положите же теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу...», — писал он царице.

В 1775 году, пройдя румянцевскую школу и учтя опыт только что закончившейся войны с турками, Г.А. Потёмкин начал продуманную реформу в пехоте, придав первостепенное значение не внешнему лоску, а военной выучке: умению совершать ускоренные и скрытные переходы, действиям на пересечённой местности, меткости ружейного и пушечного огня. Он ввёл единую штатную структуру частей и соединений, что существенно улучшило управление армией и позволило организовать более чёткое её снабжение. Под страхом наказания он запретил командирам использовать солдат на частных работах. В своих приказах и инструкциях он неоднократно требовал от командиров и начальников человечности в отношениях с подчинёнными.

В том же году он решительно ликвидировал казачью вольницу (Запорожскую сечь), не столько защищавшую юго-западные рубежи государства, сколько приносившую головную боль правительству, и на её основе создал Черноморское (Кубанское) казачье войско, переселив значительную часть запорожцев на Кубань и решив попутно две другие задачи — создание пограничной стражи в западной части Северного Кавказа и колонизацию недавно освобождённой от Турции земли в Прикубанье. Регулярный характер он придал и Донскому казачеству, более тесно соединив его с армией.

Князь положил начало Черноморскому флоту, который строился под его непосредственным руководством, который он считал своей гордостью и за который болел всей душой.

С началом новой русско-турецкой войны (1787—1791), закончившейся, как и предыдущая, победой русского оружия, Потёмкин был назначен главнокомандующим армией. Своим проницательным взором он быстро разглядел военный дар генерала Суворова и адмирала Ушакова, поддерживал их и поручал им самые трудные задачи. Вспоминая блистательные победы под Кинбурном, Очаковым, Фокшанами, у Рымника, у острова Федониси, в Керченском проливе, у мыса Тендра, у мыса Килиакрия, взятие Измаила и отдавая

должное этим гениальным командирам, не стоит забывать, что действовали они под началом Потёмкина и по его стратегическому плану.

О нём писали: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек: счастье моё за него умереть» (А.В. Суворов); «Бранных, ругательных слов, кои многие из начальников себе позволяли с подчиненными, от него никто не слышал; в нём совсем не было того, что привыкли мы называть спесью» (мемуарист Ф.Ф. Вигель); «Он сам очень храбр: он стоит под выстрелами и спокойно отдаёт приказания... Он очень озабочен в ожидании опасности, но веселится среди неё и скучает среди удовольствий. То глубокий философ, искусный министр, великий политик, то десятилетний ребёнок. Он вовсе не мстителен, он извиняется в причинённом горе, старается исправить несправедливость» (австрийский фельдмаршал де Линь); «Кем заменить такого человека? Я и все мы теперь как улитки, которые боятся высунуть голову из скорлупы» (Екатерина II).

Высокий статный красавец, он никогда не болел, а умер в одночасье на 53-м году от лихорадки. Произошло это 16 октября 1791 года по пути в Николаев из Ясс, где он вёл переговоры с поверженными турками и готовил мирный договор. Прах его покоится в Екатерининском соборе в Херсоне, построенном по его распоряжению (по его же распоряжению в 1788 г. сюда были перенесены останки павших русских воинов и похоронены в церковной оgrade).

Григорий Александрович Потёмкин прожил жизнь, полную великих свершений. Да, почти всё созданное им для России ушло к Украине — государству, созданному в большевистской протекторате. Но ведь Пути Господни — будущие пути истории — неисповедимы.

Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский

Скульптурные памятники ему стоят в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Благовещенске и Находке, его барельеф установлен в Иркутске, главная улица Хабаровска носит его имя, а хабаровский памятник изображён на 5000-рублёвой купюре.

Так много знаков почитания памяти этого человека — справедливо. Можно даже и больше, ибо немногие сделали для России столько, сколько сделал он за 13 лет на посту генерал-губернатора Восточной Сибири (1848—1861). Сделал в исключительно трудных условиях, когда, с одной стороны, на Дальнем Востоке сошлись интересы Российской

Империи, Китая и Японии, а с другой — препятствия освоению Дальнего Востока и включению его в состав России чинил российский министр иностранных дел К. Нессельроде (ни слова не знавший по-русски, и, как много позднее выяснилось, бывший агентом влияния Австрии).

Именно Н. Н. Муравьёву мы обязаны той границей с Китаем по Амуру и Уссури, которая существует сегодня (если не считать некоторых амурских островов, отданных в 2005-м Китаю «за просто так» нынешней властью). Ему мы обязаны первым заселением и хозяйственным освоением Приамурья и Приморья, которое он направлял и контролировал. С его именем связано создание Забайкальского и Амурского казачьих войск. В преддверии Крымской войны он предпринял все необходимые меры для укрепления обороны Петропавловска-Камчатского, которые позволили успешно отбить штурм превосходящих англо-французских военно-морских сил и уничтожить более 300 врагов вместе с адмиралом Прайсом. Он превратил заштатный Иркутск в настоящую столицу Восточной Сибири, «интеллигентный город» (по выражению А. П. Чехова), создав в нём ряд учебных заведений, театр, библиотеку и даже отделение Русского географического общества.

Он лично возглавлял работу по исследованию Амурского и Уссурийского краёв. При его активной поддержке была проведена экспедиция капитана 1 ранга (будущего адмирала) Г. И. Невельского, которая установила проходимость для морских судов устья Амура. Несмотря на запрет Нессельродовского Особого комитета, Невельской основал там военный пост, а с 1850 г. — город Николаевск, водрузил российский флаг и объявил эти земли российскими. Комитет счёл данный поступок дерзостью, достойной разжалования капитана в матросы, о чём доложил Николаю I. Но в защиту капитана вступил генерал-губернатор, после чего император назвал поступок «молодецким, благородным и патриотическим» и на доклад Комитета наложил знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он опускаться не должен».

Все организованные Н. Н. Муравьёвым экспедиции убедительно показали, что никаких признаков китайской власти, китайского влияния нет ни в Приамурье, ни в Приморье. Даже торговля китайцев с местным населением практически отсутствовала. Имея такие основания, генерал-губернатор занял твёрдую позицию и от имени правительства России в мае 1858 г. составил и подписал с Китаем Айгунский трактат, за что получил к фамилии почётную приставку «Амурс-

кий». Через три дня после подписания по его приказу было основано поселение — будущий Хабаровск, место для которого он выбрал лично. А за два года до этого, в 1856 г., по его же приказу на Амуре был заложен Усть-Зейский военный пост — будущий Благовещенск.

Согласно трактату, всё левобережье Амура признавалось русской территорией. Неопределённой оставалась только земля между р. Усури и морем (нынешний Приморский край). Но через два года и она вошла в состав России (Пекинский договор, 1860). В том же году был основан Владивосток, и Россия, наконец, получила достойный опорный военно-торговый пункт на Тихом океане — ни один из прежних портов (Охотск, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре) не имел такую тёплую и такую защищённую гавань, да ещё рядом с торговыми путями.

Родился Николай Николаевич 210 лет назад, 11 августа (ст. ст.). 1809 г., в родовитой дворянской семье. Участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., подавлял польское восстание в 1831 г., сражался в Кавказской войне, в 1846—1847 гг. был губернатором Тулы. После выхода в отставку в 1861 г. уехал в Париж, где и прожил до самой смерти (30.11.1881). Его прах был перевезён во Владивосток и в 1991 году перезахоронен рядом с обелиском его сподвижника адмирала Невельского.

Царь-мироворец

125 лет назад, 1 ноября 1894 года, окончился земной путь императора Александра III (род. 10.03.1845), одного из самых выдающихся государей в истории России. Он прожил короткую жизнь и царствовал всего 13 лет, но его эпоха стала триумфом Российской Империи — увы, последним триумфом.

Мы привыкли считать триумфаторами тех правителей, при которых страна одерживала великие победы над врагами, — Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана III Великого, Ивана IV Грозного, Екатерину II Великую, Александра I Благословенного, Иосифа Сталина.

При Александре III военных побед не было, потому что при нём Россия не воевала ни одного дня (если не считать разгрома англо-афганского войска, вторгшегося в пределы нашей страны). Зато были выдающиеся победы во внешней и внутренней политике. За эти победы, достигнутые без пролития крови, царь и получил в народе почётную приставку «Мироворец».

Чтобы понять величие деяний Александра III, нужно вспомнить, в какой обстановке он взошел на трон. Либеральная политика его отца, Александра II, привела к разгулу политического терроризма в стране, жертвой которого, в конце концов, стал и сам Царь-освободитель. Недавняя русско-турецкая война (1877—1878) за освобождение южных славян от османского ига стоила русскому народу неоправданно больших жертв, результаты победы были сведены на нет противодействием сплоченного Запада, а освобожденная Болгария вскоре же начала проводить прозападную политику. Именно это непрерывное предательство недавних союзников родило горькие слова Александра III: *«У России только два верных союзника — её армия и её флот»*. Наконец, после экономического подъема 1860-х начался спад, резко усилившийся после войны 1877—1878 гг.

Все эти печальные обстоятельства привели царя к мысли: величие России — не в победоносных, но разорительных для государства войнах (уж тем более, за чуждые интересы), а в экономической и военной мощи. Такой мощи, которой боялись бы любые враги. А чтобы создать такую мощь, нужно, прежде всего, обеспечить внутренний мир и порядок. Эту мысль Александр III блестяще воплощал в своей политике.

Начал он с укрепления полиции и решительного разгрома революционно-террористических организаций. Казалось бы, должны были пролиться реки крови всевозможных «борцов за народное счастье». Однако за 13 лет царствования было казнено всего 17 государственных преступников — все за покушение или попытку такового (среди них был и старший брат Ленина). Этих акций устрашения оказалось вполне достаточно, чтобы основная масса народных отказалась от революционной борьбы и занялась куда более полезной просветительской (учительской) работой среди рабочих и крестьян.

Эти акции способствовали и тому, что предприниматели стали вкладывать деньги в строительство заводов, фабрик и железных дорог, не боясь за свои капиталы. За годы царствования Александра выплавка стали в России возросла на 59%, добыча угля на 129%, протяженность железных дорог на 60%, добыча нефти в 15 раз. Созданного за 10 лет экономического потенциала оказалось достаточно, чтобы в 1891 году начать строительство крупнейшей в мире Транссибирской магистрали. Однако главной причиной бурного роста экономики стала протекционистская политика государства, которая высокими таможенными пошлинами защитила молодую отечественную промышленность от европейских конкурентов.

Вместе с промышленными мускулами страна наращивала и военные — перевооружала армию, строила новые корабли.

Многое было сделано и в решении социальных вопросов. Вот самый краткий перечень правительственных мер. 1882 г. — закон об ограничении труда малолетних на промышленных предприятиях и учреждение инспекции для наблюдения за выполнением фабричного законодательства. 1883 г. — закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках. 1885 г. — закон о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на промышленных предприятиях. 1886 г. — правила об ограничении штрафов, налагаемых хозяевами на рабочих. 1886 г. — введение обязательного «договорного листа» при найме на сельскохозяйственные работы, исключаяющего произвол хозяев по отношению к наёмным работникам. «Просвещённая» Европа об этом ещё и не мечтала.

К этим же мерам следует отнести и издание в 1882 г. временных правил о запрещении евреям селиться вне городов и местечек даже в пределах «черты оседлости», что защитило украинских и белорусских крестьян от разорения ростовщиками и виноторговцами. Притом евреям с высшим образованием и купцам 1 и 2 гильдий не чинилось никаких препятствий жить даже в столицах. После приёма царём еврейской делегации её руководитель Г. Гинцбург выразил «беспредельную благодарность за меры, принятые к ограждению еврейского населения в настоящее тяжёлое время».

Стоит вспомнить и о том, что в годы царствования Александра начался настоящий ликбез — массовое создание церковно-приходских школ, в которых дети крестьян и рабочих получали бесплатное начальное образование.

Конечно, заслуга в этих успехах во многом принадлежит окружению царя — и в первую очередь, обер-прокурору Синода, выдающемуся мыслителю и государственному деятелю, горячему русскому патриоту К. П. Победоносцеву. Не будем, однако, забывать, что **ум любого руководителя проявляется, прежде всего, в том, какими людьми он сам себя окружает.** К тому же, внешней политикой царь Александр всегда занимался сам: «Я сам себе министр иностранных дел», — шутил он. И здесь он тоже добился выдающихся успехов, ни разу, кстати, не покидая пределов России. Его благосклонности искали и французы, и австрийцы, и немцы. Подержав на коротком поводке Пруссию (в ходе «таможенной войны»), он добился заключения нового торгового договора, исключительно выгодного России. На дипломатические демарши и угрозы англичан, стремившихся прорваться в Среднюю Азию, он вообще никак не отреагировал (кроме упомянутого

выше разгрома англо-афганского войска у Кушки) — счёл это ниже своего достоинства. Он заставил Европу с почтением относиться к России. Широко известен один факт. Когда император на отдыхе удил рыбу, ему сообщили, что посол одной из европейских держав просит срочную аудиенцию, на что он ответил: *«Когда русский царь удит рыбу, Европа может и подождать»*. Бывший глава правительства С. Витте писал о нём: *«Император Александр III <... > высоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови»*.

А в жизни этот могучего сложения человек обладал исключительно благородными душевными качествами. Любящий отец, верный муж, редко повышавший голос на кого бы то ни было, он был до смешного непритязателен. Даже порвавшиеся брюки он не выбрасывал, а просил заштопать свою жену, императрицу Марию Федоровну. Он любил русское искусство и покровительствовал ему, а собранная им богатая коллекция послужила основой, созданного при его сыне Николае II всемирно знаменитого «Русского музея Императора Александра III».

Показательно, что исключительно тепло о нём написал в своих воспоминаниях С. Витте, который редко о ком-нибудь хорошо отзывался. Зато ненавистью и злобой к нему исходили большевики-интернационалисты начала XX века и продолжают исходить либералы-космополиты начала века XXI. Но тут ничего не поделать — в отличие от них император Александр III любил Россию.

ПРЕДАННЫЙ БЕЗ ЛЕСТИ

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести...

А.С. Пушкин

Алексей Андреевич Аракчеев ничего плохого Пушкину не сделал, но после распространения этой эпиграммы на него Пушкин был сослан в так называемую «южную ссылку», которая вовсе поэту не повредила, а наоборот, дала возможность молодому сочинителю узнать жизнь России, побывать на Кавказе и в Крыму, пожить в Молдавии и в Одессе. Взлёт творчества Александра Сергеевича относится как раз к тем временам, и если бы он вёл себя осторожнее, то эта «южная ссылка» не переросла бы в ссылку в Михайловское, которая была гораздо строже.

Однако уже сама характеристика политического деятеля, как «учителя Со-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

вета» (т.е. Государственного Совета), как «друга и брата царя» и даже «всей России притеснителя» говорит о многом. Видно, что это был могущественный человек, держащий в своих руках бразды правления великой страны. А если мы узнаем, что к нему за спасением обращались два российских императора — Павел I и Александр I в самые критические моменты их царствования, когда им грозила гибель, то становится понятен масштаб этой политической фигуры. Кто же он был и откуда явился на сцену истории России?

Алексей Андреевич Аракчеев родился 250 лет назад: 23 сентября (4 октября по новому стилю) 1769 года в Тверской губернии в имении своих родителей в селе Гарусово Вышневолоцкого уезда. Дальний предок его был татарин, какой-то ордынский мурза Аракча, выехавший некогда из Орды на службу к великому князю московскому Василию Васильевичу Тёмному. Но имения в Тверской губернии Аракчевы получили лишь в эпоху царствования императора Петра Великого. Были они заурядными служилыми дворянами, в высокие чины никогда не поднимались. Отец Алексея Аракчева имел во владении 20 душ крепостных крестьян и сам вёл, по сути, крестьянский образ жизни. Таким и сына своего воспитал, похожим по стати на мужика — нескладного, неказистого с виду, с большими узловатыми руками, с некрасивым мужицким лицом. Никогда Алексей Андреевич Аракчеев не станет походить на лощёных придворных вельмож, а скорее всей статью своей будет напоминать солдата, такового унтера, грозу нерадивых новобранцев, способного и подзатыльник дать, и в строю подтянуть.

Он и всей своей деятельностью будет стремиться «подтянуть» Россию, устроить из неё образцовую казарму со строгими военными порядками, и в этом смысле тоже станет своего рода реформатором наряду со многими другими реформаторами, которыми так было обильно царствование престопамятного Александра Благословенного. Но не о высоких государственных постах мечталось сыну бедного помещика в начале его трудной жизни. Надо было просто выживать, и чтобы не остаться на бобах, отец мальчика везёт своего сына в Санкт-Петербург в артиллерийский кадетский корпус к Петру Ивановичу Мелессино, генералу и весьма снисходительному человеку, отличавшему незаурядных и способных юношей. Но средств у него не было никаких, а для поступления в корпус нужно было заплатить. Андрей Андреевич Аракчеев встаёт на паперть церкви с протянутой рукой и — о чудо! — проходящий мимо санкт-петербургский митрополит Гавриил одаривает нищего дворянина тремя руб-

лями серебром! (тридцать тысяч рублей на нынешние деньги). Алексей Аракчеев оказался способным ребёнком. Ещё сельский дьячок, обучавший его грамоте, отметил пристрастие Алексея ко всякой цифири: он легко решал математические задачи. Такие таланты всегда были нужны в армии, а особенно в артиллерии, и после окончания артиллерийского кадетского корпуса Аракчеев к 1787 году уже офицер, и путь ему на театр военных действий, благо Российская империя во времена матушки Екатерины не вылезала из многочисленных войн. Но не тут-то было. Алексей Аракчеев хорошо изучил артиллерийские науки, однако воевать не мог: у него начинались головокружения и недомогания при звуках выстрелов, он оказался негоден по здоровью к воинской службе. Полная катастрофа. Теперь он мог рассчитывать только на должность учителя математики, чем и занялся, давая уроки юным дворянским отпрыскам, желавшим «поступить в науку», как говорили тогда.

И тут ему улынулась судьба, ибо нашёлся в России такой странный человек, что тоже был обременён всякими комплексами и душевными недомоганиями, и в Аракчеве он вдруг разглядел родственную душу. Человек этот был — наследник российского престола сам цесаревич Павел Петрович, сын «матушки Екатерины» и её несчастного мужа Петра Федоровича, убитого братьями Орловыми с ведома самой «матушки». Павел Петрович, нелюбимый сын Екатерины (ибо слишком напоминал своего отца), жил постоянно в Гатчине, ко двору его не пускали, и Екатерина уже собиралась выпустить указ, передававший всю власть в России не сыну своему, а внуку Александру, которого она воспитала по своим правилам. Александр не был похож на своего вечно обиженного отца, выучен был на французский манер, во всём слушался бабушку. Павел же Петрович мать свою не любил, но бессилён был что-либо сделать и лишь выпросил себе у матушки несколько десятков солдат для своей потешной «армии» и пару орудий. Матушка милостиво позволила. Потребовался артиллерийский офицер, чтоб управляться с орудиями. Граф Салтыков, отпрысков которого учил Аракчев за скромный гонорар, взял да и порекомендовал опальному цесаревичу этого учителя математики как способного артиллерииста. Так и попал Алексей Аракчев в Гатчину ко двору наследника. Надо сказать, в то время это не сулило никаких дивидендов, все знали, что цесаревичу не светит престол, но неожиданная смерть Екатерины Великой изменила решительно всё. После того, как императрица слегла от инсульта, именно Аракчев посоветовал своему сюзерену Павлу сроч-

но мчаться во дворец и объявить себя новым императором. Если бы Павел Петрович промедлил в нерешительности (сохранилось свидетельство, что он залез под стол, когда ему сообщили о смерти матушки), то на свет бы извлекли уже заготовленный и подписанный Екатериной указ о передаче престола внуку Александру, и Павел остался бы ни с чем. Нет, Аракчеев буквально вытащил наследника российского престола из-под стола и почти что силой повёз его в Петербург во дворец. Сам встал во главе маленькой гатчинской «армии» и, захватив дворец, расставил везде посты своих солдат и опечатал все бумаги умершей уже к тому времени императрицы. После чего ошеломлённые придворные и все высшие чины двора Екатерины уже не сопротивлялись воцарению нелюбимого Павла. «Дворец взят штурмом!» — вспоминали свидетели тех событий.

Сию услугу новый император никогда не мог забыть своему артиллерийскому офицеру и произвёл его в баронское, а потом и в графское достоинство, одарив тысячами крепостных крестьян и большим имением в Грузино под Новгородом. Так на сцене российской политики появился граф Алексей Андреевич Аракчеев, бывший нищий учитель математики, сын такого же нищего отца, просящего некогда подаяние на паперти митрополичьей церкви.

Новый император сразу же начинает круто менять порядки в России, а особенно в армии, перестраивая её на прусский манер. Об этих реформах написано много, и обычно всё это преподносится как проявление павловского сумасшествия, когда из армии было уволено более трёхсот высших офицеров, в том числе сам непобедимый Суворов! Но если разобраться, Павлу пришлось пойти на это, чтобы сломить военную оппозицию своему режиму, а оппозиция была сильна, она уже готовила военный переворот против Павла, и лишь отказ Суворова возглавить этот переворот сорвал планы заговорщиков. Однако сам Суворов демонстративно пресекал в своих войсках все попытки императора ввести новшества и на словах был не сдержан в отношении политики Павла, так что волей-неволей новый император вынужден был отправить его в отставку. Правда, отставка была суровой: прославленного полководца выслали в его имение Кончанское в новгородских лесах под надзор полиции. Это было несправедливо, в этом обвиняли Аракчеева, однако нет свидетельств, что Аракчеев как-то плохо отзывался о Суворове. Да, собственно, новоявленный граф Аракчеев и не очень-то лез в вопросы военной стратегии, а именно в этом Суворов был силён, а Аракчеев больше занимался переустройством

армейских порядков на новый лад, он повышал дисциплину, что, в общем, благотворно сказалось на боеспособности войск. Особенно был заметен вклад Аракчеева в артиллерийское дело, в оснащение войск новыми орудиями, в подготовку кадров для ведения войны по-новому. Всё это очень пришлось кстати, ведь в Европе собиралась «гроза Наполеона», а Наполеон тоже по образованию своему был артиллерийским офицером, и свою артиллерию он также поставил на новый лад.

Тут интересно будет сравнить действия русской и французской артиллерий на Бородинском поле. Обе действовали блестяще. С обеих сторон грохотало более тысячи орудий, дуэль была беспощадно жестокой, звук сражения был слышен с одной стороны в Твери, с другой в Калуге — за сотни километров! В Можайске, ближайшем городе к месту сражения, в домах повывлетали стёкла от грохота аракчеевских и наполеоновских орудий. В результате не победил никто, сражение окончилось равно, но моральная победа была за русскими, ведь русская армия выстояла, и русская артиллерия выстояла под жестоким огнём опытного противника и сама нанесла огромный ущерб армии «завоевателя Европы»! Заслуга графа Аракчеева в этом несомненна.

Исправный служака Аракчеев прекрасно понимал, что он всем обязан своему сюзеру Павлу, что он был никто, а стал графом и генералом, и он, несомненно, испытывал огромную благодарность Павлу. Он возвёл эту благодарность в своего рода культ императора. Он не стеснялся признавать себя покорнейшим слугой, едва ли не рабом императора, он внёс в свой герб надпись: «Без лести предан», тщательно соблюдал все обязанности придворного и военного коменданта Санкт-Петербурга, кем его сделал Павел, он был щепетилен до мелочей, а это было трудно, ведь едва ли не каждый день нужно было организовывать в столице военный вахт-парад, на который обязательно выезжал император, а император замечал любую мелочь, любую неисправность военного строя и сразу обрушивал свой гнев. А на кого? Да на своего любимца графа Аракчеева. Ох, тяжело было быть «любимцем» такого императора! Впору было повеситься, и неудивительно, что Аракчеев иногда срывался и был несправедлив. Он заметил непорядок в форме одного офицера и устроил ему взбучку на виду у всей гвардии, сорвал погоны, что права делать не имел. А офицер взял да и застрелился, неперенеся оскорбления... Во всём этом Павел нашёл случай превышения власти у Аракчеева, а превышение власти считалось тяжким преступлением во все времена. А другой слу-

чай, когда Аракчеев заступился за своего брата, которому грозила отставка из полка, закончился отставкой самого Аракчеева со всех постов и высылкой в его имение Грузино, фактически под домашний арест. Даже «преданность без лести» не спасла царедворца.

И тут возникает вопрос: а было ли так уж велико влияние Аракчеева на Павла? Существовала ли при Павле эта знаменитая «аракчеевщина»? И со всей убедительностью можно сказать, что аракчеевщины, то есть режима личной власти графа Алексея Андреевича Аракчеева при Павле не было, но она будет делом будущего, когда на престол вступит император Александр Павлович. При Павле не могло быть большой личной власти ни у кого из вельмож двора, сам Павел разъяснил это совершенно чётко: «В России велик только тот человек, с которым я говорю, и только до тех пор, пока я с ним говорю». Вот и отправленный в отставку Аракчеев сразу превратился в частное лицо, в заурядного помещика, устроителя жизни своих крепостных крестьян.

Встаёт вопрос: был ли Аракчеев жестоким помещиком-крепостником для своих крестьян? Но кто еще из помещиков-крепостников, к примеру, строил своим крестьянам каменные дома, заводил школу для крестьянских детей и лечебницу для крестьян, построил церковь в своём селе и, наконец, вообще был прост в обхождении с «людьми», мог выслушать любого своего крепостного, не гнушался заходить в крестьянские дома, мог оказать материальную помощь по нужде сельских жителей?

Отметим и еще одну очень сильную сторону личности Алексея Андреевича Аракчеева: он не брал взяток. Никогда. Это может показаться каким-то сверхъестественным чудом в условиях России: чтобы российский высокопоставленный сановник не брал взятки! Чтобы российский высокопоставленный сановник не делал себе миллионных состояний (что при Петре I, что при Ельцине), чтобы он не покупал себе дворцов в Лондоне и замков на Кипре... Ну это уж для них даже возмутительно!.. Аракчеев не брал. Он не брал не только взяток, но и подарков от самих императоров, что вызывало подчас неудовольствие у российских владык, но тут он был твёрд. Однажды, получив от императора Александра в подарок его портрет, усыпанный бриллиантами, Аракчеев портрет взял, а бриллианты вернул в казну. Но, с другой стороны, много ли было нужно Алексею Андреевичу, ведь он не был женат, так как полюбил крепостную крестьянскую девушку, которая за любовь к себе не требовала бриллиантов. Звали её Анастасия Минкина, она была дочерью кучера, а любимый барин сделал её

правительницей своего имени. Любовь эту Алексей Андреевич пронёс через всю жизнь, и последнее, что доконало его, было убийство Анастасии дворовыми людьми, завидовавшими простой «крестьянской девке», ставшей в их представлении «барыней».

Таковы были страшные лики крепостного права в России, когда, бывало, помещик запарывал своих крепостных, а бывало, крепостные подымали на вилы своего помещика. Всё это надо было менять, это понимал и император Павел, который пытался облегчить жизнь крепостных крестьян. Он издал указ о сокращении сроков работы крепостных на своего помещика до трёх дней в неделю, не больше, и о списании долгов крестьянам по налогам, зато на помещиков возложил более тяжёлые налоги. Вот это очень не понравилось высшему дворянству, этим «стоящим у трона», которых давно уже раздражал взбалмошный император Павел. Эти очень богатые люди, владевшие тысячами крепостных, которых так охотно раздавала им «матушка» Екатерина, боялись, что порывистый император возьмёт да и отменит крепостное право, чтобы снискать себе любовь простого народа. Когда-то императрица Екатерина Великая, воспитанная на идеях французских просветителей, тоже задумывалась об отмене крепостного права, но пришла к однозначному выводу: «Если я отменю крепостное право, то господа дворяне убьют меня скорее, нежели чем освобождённые мной крестьяне прибегут меня спасать». Эта мысль оказалась пророческой в судьбе её сына Павла, он был убит «господами дворянами», высшими придворными, командирами гвардейских полков и чиновниками высшего ранга, среди которых был военный губернатор Санкт-Петербурга Пален, убит в своей опочивальне в ночь на 11 марта 1801 года. Подозревая своих придворных в готовящемся на него нападении, император Павел вызвал в столицу своего верного слугу Аракчеева, в преданности которого не сомневался, но Пален, как фактический представитель власти в столице, приказал не пускать Аракчеева в город, задержать его на заставе. Вскоре было объявлено: император Павел «в бозе почил от приключившегося с ним апоплексического удара», и на престол вступил его сын Александр, который участвовал в заговоре, именем которого прикрывались заговорщики, когда проходили через караулы Михайловского замка, где пребывал император Павел. Караульные, услышав, что группа придворных идёт к Павлу по повелению наследника престола Александра, пропускали заговорщиков. До конца своей жизни Александр будет вспоминать эту страшную ночь, лицо своего отца, искажившееся

смертельной гримасой, когда его душили его же платком... В конце жизни Александра эта моральная травма, как гласит известная легенда, приведёт его к покаянию, к тайному отречению от власти, к уходу из мира под именем старца Фёдора Кузьмича.

Осенью 1925 года императору Александру станет доподлинно известно о готовящемся военном перевороте, подготовленном тайными обществами декабристов. Император испугается и спешно уедет из столицы в захолустный Таганрог, порт у Азовского моря, чтобы в случае опасности бежать за границу. Не доверяя никому из придворных, он призовет на помощь всё того же графа Алексея Андреевича Аракчеева, так преданно служившего его отцу, а потом и ему, но Алексей Андреевич потеряет как раз в этот момент по «случайному» совпадению обстоятельств свою любимую женщину и фактическую жену, родившую ему сына, Анастасию Минкину, и в этот роковой момент единственный раз в жизни изменит своему долгу и девизу «без лести предан», и не поедет к императору, не станет помогать ему разоблачать заговорщиков. Почувствовав себя совершенно одиноким, Александр, как гласит легенда, и совершит тот судьбоносный шаг, снимет корону, наденет холщовый плащ странника, возьмёт суму и уйдёт из мира.

Так дважды вернейший слуга престола, «преданный без лести» граф Алексей Андреевич Аракчеев мог бы изменить ход истории России, мог бы спасти своих императоров, но не сделал этого и сам ушёл в небытие, всеми забытый, отставленный от всех дел новым императором Николаем, которому удалось подавить восстание декабристов и, по сути, продлить ещё до середины XIX века тот режим военизированной бюрократии, что в начале того века называли «аракчеевщиной», а потом назовут «николаевщиной».

Что же такое был режим аракчеевщины при императоре Александре Благословенном? Несколько последних лет царствования Александра и вплоть до трагической осени 1925 года Аракчеев действительно был самым могущественным человеком в России. Император Александр передоверил ему исполнительную власть, сам находясь в разъездах по европейским заграницам, где он курировал «Священный союз» монархий Европы, призванный бороться с революциями, то и дело вспыхивающими в разных уголках неспокойного континента, ещё помнящего революционные войны Наполеона. Аракчеев председательствовал в Государственном Совете, замещающая личность самого государя. («И Совета он учитель» — слова Пушкина). Он имел право вызывать к себе «на ковёр»

губернаторов, даже менять их по своему желанию. Более того, он имел право самолично вводить новые законы в России! Император Александр оставлял своему любимцу чистые листы своих именных указов со своей подписью, с печатью, но без текста. Аракчеев запросто мог вписать туда любой текст, то есть мог карать и миловать кого угодно. Император в это дело не вмешивался. Такой власти ни до, ни после в истории России не было ни у одного временщика! Наконец, Аракчеев был начальником всех военных поселений в России, у него в руках была, по сути, целая армия, которой он имел право командовать, не спрашивая на то позволения императора. Вот это и был тот самый режим «аракчеевщины», что так ненавидело всё российское «свободолюбивое» общество, а молодой поэт Александр Сергеевич Пушкин до определенного времени был рупором этих российских «свободолюбцев». Тогда и были написаны те забористые стихи, что помещены в эпиграфе к этой статье. К слову сказать, Алексей Андреевич Аракчеев с осторожностью распоряжался своей безграничной личной властью, и после его ухода от дел у него в столе осталось множество этих самых именных царских указов без текста, которыми Аракчеев так и не воспользовался.

Секрет личного влияния Аракчеева на царя до сих пор не разгадан. Почему император Александр, так не похожий на своего отца Павла, тем не менее всем сердцем полюбил слугу своего отца и так приблизил его к себе? Только ли потому, что Аракчеев был «без лести предан» и не замешан в убийстве императора Павла, как обычно отвечают историки на этот вопрос? Нет, дело тут глубже. Александр Благословенный вступил на престол как император-реформатор, как преобразователь России. Он и пытался в первые годы своего царствования преобразовать Россию на европейский лад. Он хотел улучшить жизнь крестьян. Для этого надо было отменить крепостное право. Но он побоялся это сделать, т.к. это значило ущемить интересы дворян, а он помнил, повторюсь, лицо своего отца, задушенного этими самыми дворянами, помнил всю жизнь!.. Единственное, что он сделал, — разрешил самим дворянам, если таково будет их желание, отпускать своих крепостных на волю. Нашлось, надо сказать, несколько десятков помещиков по всей России, которые сделали это. Он запретил печатать объявления о продаже людей на страницах газет. Очень «смелый» шаг, ничего не скажешь!.. Но это и всё. Дальше наступал страх. Император не решился дальше освобождать Россию, хотя жажда реформ у него оставалась сильна.

Но если не получается преобразовать Россию, то, может быть, её можно упорядочить, ввести строгие законы, чтобы все их исполняли, независимо от чинов, регламентировать жизнь граждан? Кто был бы лучшим исполнителем этой идеи? Конечно же, граф Аракчеев. Вот и установился в российском государстве режим этой самой «аракчеевщины», который существовал вплоть до ухода императора Александра. После его смерти (или исчезновения) исчез, по сути, и граф Аракчеев. Он так был потрясён событиями осени 1925 года, смертью императора (он считал, что Александр умер), гибелью своей невенчанной жены крестьянки Анастасии Минкиной, что решил совсем оставить свет. Аракчеев заперся в своём имении Грузино и последние годы жизни провёл отшельником. Умер, по преданию, одетым в рубаху своего кумира императора Александра Благословенного, так как одежда исчезнувшего царя имелась в Грузино, ведь Александр Павлович не раз посещал своего преданного слугу у него на дому.

МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ УЖЕ ПРОИГРАЛИ?

К доморощенным «рокерам» и «рэперам», делателям пресловутого хип-хопа ныне добавилась новая «юная суперзвезда», семнадцатилетняя американская поп-исполнительница и так называемая «лучшая девочка на свете» — Билли Айлиш.

«Главная музыкальная сенсация 2019 года!», как отзывалась о новом кумире молодежи газета «Коммерсантъ» в статье «Крик в спальне», дала 27 августа концерт в Москве, в столичном дворце «Мегаспорт». Здесь 15 тысяч школьников синхронно кричали и визжали вместе со своей любимицей так, что эти душераздирающие вопли приближались к ультразвуковому барьеру.

28 августа, в один из глубоко почитаемых на Руси православных Праздников Успения Пресвятой Богородицы, концерт прошёл в Санкт-Петербурге, куда Билли Айлиш прилетела на собственном самолете.

Исступленное, неистовое действие повторилось. Певица, по словам одного из интернет-ресурсов, с «нездоровой любовью ко всему жутковатому» выступила в Ледовом дворце. В фан-группе певицы были опубликованы советы, «как сходить на концерт и случайно

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

не покалечиться». И неспроста. Огромный зал, где случился концерт «мечты российских подростков», был атакован ее фанатами уже в 5 часов утра 27 августа. Номера рисовали маркером на руках. Как сообщают участники, это были «сутки стояний, обмороки и панические атаки, эйфория и море слез...» Ледовый дворец собрал 12 тысяч поклонников певицы, поющей, по отзыву «Коммерсанта», песни, «словно записанные под одеялом в спальне».

Лирика на «летающей кровати», зеленый «кокошник» и зажигательные номера с бешеными телодвижениями, короткими, но повелительными словами, огнедышащими световыми эффектами и мощными разрушительными ритмами... Все это сопровождалось оглушительным и непрерывным криком и визгом зрителей и особенно — юных зрительниц от 12 до 15 лет.

В завершение концерта над танцполом поднялись десятки белых листочков с надписью на английском языке: «Ты нужна нам! Мы хотим тебя видеть!» «Главный подростковый кумир» Билли Айлиш отвечала: «Знаете что... Я хочу, чтобы вы жили в моменте... Здесь и сейчас!»

«Здесь и сейчас» прививают нашей молодежи, подросткам, детям навыки к жизни в звериной стае или же — в аду. Ужасы и страх преподносятся как естественные, постоянные и необходимые чувства человека. Что еще? В клипах исполнительницы, размещенных в сети Интернета, — всё тот же набор идей, призывов, повелений, пожеланий и приемов. Насилие, суицид, жестокость, бесстыдство, развязность, наглость и — вседозволенность. «Пауки. Зубастые акулы. Темные человеческие фигуры с огоньками глаз. Видеосопровождение концерта состоит из ограниченного набора образов и слепит больше стробоскопической сменой света и тьмы, нежели пестротой картинок», — пишет «Коммерсантъ». И недаром название одной из самых популярных сегодня в мире песен, исполняемых Билли Айлиш, — «Bad Guy» — «Злодей».

«Всё, что нельзя, — можно!» — вот девиз, главная идея, нерв любой из современных молодежных субкультур и музыкальных групп, несущих в массы так называемую «уличную культуру».

Масскультура, являющаяся, по сути, индустрией низких, пошлых развлечений, рассчитанных на широкий круг массового, не слишком образованного потребителя, захлестнула уже почти всё культурное пространство в мире и воспитала целое поколение потребителей и «творцов» низкопробной эстрадной субкультуры. Она стремительно принимает всё более уродливые формы, стоящие чаще всего уже за гранью

художественного творчества, и является орудием в деле оболванивания и дебилизации молодежи, лукаво прикрытого насаждения насилия, агрессии, жестокости, детского суицида...

Сегодня маскультура уже не просто громко и неблагозвучно веселится, низкопробно забавляет и пошло забавляется. Она всё более явно и открыто наполняется смыслом ада, мрачной, бесчеловечной и безбожной бездны, ужаса и дисгармонии. Это уже не просто омертвелый, бессердечный и примитивно-балаганый антипод культуры, но **действие** — мистическое, воистину демонизированное, несущее серьёзную угрозу сознанию и духу своих потребителей. Это — духовная агрессия, которая направлена на изменение сознания человека.

Ныне под прицелом маскультуры — наша молодёжь, подростки, дети (наиболее уязвимые души), наш генофонд. Те, от кого зависит будущее нашего Отечества. Какое общество будут они строить?

Стихия разлада, дисгармонии, дисбаланса и господствующего зла предлагает противоестественный персонаж, в котором сочетается детскость и бесстыдство, наивность и цинизм. Но персонаж неприхотливый, не обремененный какими-то особенными качествами, не требующий усилий в подражании, а по возрасту — близкий к своим юным зрителям. Властно и агрессивно преподносится образ, зовущий за собой, задающий духовный ритм жизни, выковывывающий нравственные привычки, образ мышления и образ жизни. Недаром же о концертах Билли Айлиш в России, вводящих юных зрителей в массовое активное беспокойство, иступленность и бешеную экзальтированность, кто-то из благоразумных зрителей сказал, что певица «ломает российскую педагогику».

Что это, как не нейролингвистическое программирование?! Атональная, выходящая за пределы музыкального лада музыка; многочисленные повторы слов и фраз, которые нужно вдолбить в голову; резкие, изломанные линии интерьера; аномальное поведение исполнителей. Вся эта резкость, агрессивный оглушительный шумовой фон, внезапность, контрастность, быстрые перепады световых красок и тонов, вызывают поведение, которое медики по всем признакам сравнивают с малыми эпилептическими припадками. Очевидно, такие припадки и случаются на подобных концертах со слушателями, теряющими над собой контроль и ведущими себя бурно и экзальтированно. Подобное творчество нарушает не только процесс мышления и эмоциональный настрой, но оказывает деструктивное воздействие на психику. Такое многолюдное неистовство, сопровождаемое оглушительным криком и визгом, иначе как массовым беснованием не назовешь...

Ничего нового и сверхособенного зритель не находит в творчестве американской молодой исполнительницы. Но почему же такой аншлаг? Отчего переполнены концертные площадки? Отчего бешеный восторг юных зрителей и очереди за билетами до обмороков и панических атак? Феномен Билли Айлиш, видимо, в том, что молодежь уже готова с восторгом и радостью окунуться в мир этого нечеловеческого «творчества» и нести дух и энергию поистине адского искусства в наш мир.

Свое дело в распространении стремительно демонизирующейся антикультуры делают реклама, а также властители и хозяева шоу-бизнеса. Индустрия массовых развлечений пускает в дело всё, что может дать наживу, из чего можно сделать деньги. Реклама концертов Билли Айлиш началась в феврале 2019 года, задолго до ее приезда: «Летом в Россию придет Билли Айлиш! Ловите ее!» Очевидно, реклама была большая, ибо подростки знали наизусть неприхотливые слова песен американской поп-исполнительницы и громогласно скандировали их, заглушая голос певицы. Интересно, что на концертах можно было увидеть представителей эстрады: Сергея Шнурова, Ивана Урганта и Анну Седокову с дочерьми, Наталью Ветлицкую, дочь певицы Алсу и других известных деятелей и поклонников масскультуры.

Печально, что родители, как отмечает пресса, сами посетили эти концерты, сопровождая детей, правда, порою затыкали уши, ибо барабанным перепонкам сложно вынести такую звуковую нагрузку. «Аудитория знала каждое слово каждой песни, дети выкрикивали их настолько громко, насколько позволяли голосовые связки», — сообщает «Коммерсантъ».

Пресса старалась преподнести эту музыкальную сенсацию, навязывающую страх как норму и популяризирующую кошмарные детские сновидения как нечто положительное. Словно ночные страхи, ужасы и кошмары — это нормальное состояние ребенка. Но разве невроз навязчивых состояний или мания преследования — это нормально и естественно? И разве заложены в человеке от младенчества жестокость, стремление к насилию, смерти и безжалостность к себе и людям? Ведь Господь дает детям какое-то время, ограждая их от греха, чтобы укрепнуть, перед тем, как окунуться в этот мир, лежащий во зле. Недаром до 7 лет дети, имея ангелоподобное, безгрешное состояние души, по канонам Православной Церкви не нуждаются в исповеди. Но кому-то очень хочется сделать ненормальное нормальным, неестественное естественным, непозволительное — позволительным.

Искусству, как субстанции, строящей модель мира и человека в нем, отведена в человеческом бытии немалая роль. Ведь душа человеческая, по закону духа, становится похожей на те предметы, чувства и смыслы, которые воспринимает, погружаясь в них. А это — или праведность и мудрость, или же — греховность и мерзость, осуществляемые в развернувшемся художественном произведении. Отсюда и ответственность самого художника, его почитателей и общества, в котором творится та или иная культура. И если общество под влиянием масс-медиа не только принимает, но и восхваляет уродливые явления, то оно настроено не на созидание, а на разрушение.

Сегодня идет не только борьба за наши территории, природные богатства и ресурсы, но и ожесточенная битва за душу России. Отсутствие духовно-нравственной основы в воспитании подрастающего поколения приносит свои горькие плоды. Не допускается в школы русское православное мировоззрение, устанавливающее мирный, созидательный, ответственный и нравственно-целомудренный взгляд на бытие в этом мире. Жизнь без Бога и Православной Церкви, закладывающей духовный стержень в сознание и душу человека, рождает новые правила, готовит ад на земле.

Когда видишь переполненные огромные концертные залы и восторженных юных зрителей, радующихся предательству и осквернению наших вековых, заложенных Самим Богом традиционных ценностей и ориентиров, невольно приходит мысль: «А может быть, мы уже проиграли?..»

Валерий ФИЛИМОНОВ

ОЦИФРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Эксперименты по внедрению античеловеческих концлагерных технологий становятся в России обыденным явлением. 11 сентября 2019 года появилось очередное сообщение о внедрении биометрии в московском метрополитене: «На станции «Сухаревская» в Москве заработала система распознавания лиц для оплаты проезда».

В нём говорится: «Первыми услугу апробирует фокус-группа на станции «Сухаревская», сообщили ТАСС в пресс-службе ПАО «Сбербанк», которое принимает участие в пилотном проекте... Система реализована Московским метрополитеном совместно со Сбербанком и компанией-разработчиком VisionLabs».

Далее рассказывается о том, какие процедуры необходимо пройти гражданину для биометрической регистрации и безналичной оплаты проезда. Интересно, что в сообщении отмечается: «При этом пассажирам не надо снимать головной убор, очки и другие возможные аксессуары...»

В дальнейшем систему распознавания лиц для оплаты проезда собираются распространить на все виды транспорта. И опять лукавые предлоги — «необыкновенное удобство и высокая скорость продвижения пассажиропотока». Только никто не сообщает, что внедрение биометрических технологий — это дело абсолютно противозаконное!

Вновь мы видим, как людей, созданных по образу и подобию Божию, хотят превратить в контролируемое и жёстко управляемое в режиме реального времени оцифрованное стадо бесправных «биообъектов». В цифровом обществе будет полностью растоптано человеческое достоинство.

«Человек сам по себе уже будет ходячим идентификатором самого себя, эти времена уже очень близки», — заявил первый заместитель председателя Сбербанка Лев Хасис на международной конференции по анализу данных, машинному обучению и искусственному интеллекту.

Человек предстаёт совершенно обнажённым и незащищённым перед холодными и жёсткими глазами автоматической бездушной системы, жаждущей использовать его в своих корыстных целях. Он предстает уже не как человек разумный, а как вещь, как неодушевленный предмет. Не только обращение к человеку будет как к предмету, но и встреча с ним, узнавание его, а вернее, опознание его, будет подобно опознанию товара.

«Человек как бы раздвоится: его виртуальная копия будет в оцифрованном виде храниться в базе данных, а его физическая оболочка, внешнее человекообразие — это больше для пиара», — пояснял еще 15 лет назад генеральный директор Российского НИИ искусственного интеллекта Александр Семёнович Нариньяни. Таким образом, в качестве носителя первичных прав человека будет выступать его «электронный двойник», а человек будет постоянно стоять перед необходимостью прохождения уничижительных процедур снятия биометрических параметров.

«Человечество вступило в новую фазу эволюции. Мы стремительно растаем в информационные технологии, а они врастают в нас. Наступает новый этап цивилизации, касающийся как всего человечества, так и каждого человека — его личности, тела, образа жизни и даже души...» — говорил Нариньяни.

«Даже души» — обратите внимание на эти слова учёного. Но нужна ли такая «эволюция»? Соответствует ли она Промыслу Божию о мире и человеке? Понятно, что нет. Это — изобретение дьявола и его человекоорудий.

Даже с точки зрения светского права сбор биометрических параметров человека для помещения их в электронные идентифицирующие и аутентифицирующие устройства и базы данных для последующей автоматической идентификации и аутентификации напрямую попирает достоинство личности, а также другие конституционные нормы — право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на свободу совести, право иметь религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними, а также ряд других конституционных норм. Эти права и свободы не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (п. 3 ст. 56 Конституции РФ). Таким образом, внедрение биометрических технологий является действием, направленным на ликвидацию конституционных прав и свобод граждан, которые являются базовой составляющей основ конституционного строя Российской Федерации.

Грубейшим образом нарушается и один из основополагающих принципов международного права — презумпция невиновности. Вместо него вводится принцип презумпции виновности — все свободные граждане от рождения объявляются потенциальными преступниками.

При этом уничтожаются и элементарные нормы человеческой морали. Этике человеческих взаимоотношений всегда было свойственно ведать: что можно знать о человеке и что не должно. Ведь даже Сам Господь Бог позволил нашим праотцам после их прегрешения прикрыться пальмовыми листьями. Сегодня прозрачность, доступность, открытость, подглядывание в замочную скважину, рытье в чужом исподнем белье, считавшиеся всегда явлениями нечистоплотными и недостойными человека, возводятся в норму. Остается вспомнить, что унижительные процедуры по снятию биометрических параметров проходили узники гитлеровских концлагерей.

Нагло внедряемая ростовщиками и IT-компаниями Единая биометрическая система (ЕБС) — это очередной этап всемирного процесса превращения высшего творения Божия

в оцифрованный и жёстко управляемый придаток автоматически действующей системы, помеченный зловещим «начертанием — именем зверя».

Вся беда в том, что подавляющее большинство граждан не хочет видеть, для чего строится новая «Единая система идентификации и аутентификации» (ЕСИА) с её неотъемлемой ЕБС и чем всё это закончится.

На самом деле «приобщение к благам новой цивилизации» подвело человека к необходимости мировоззренческого выбора. А выбор-то, ни много ни мало, между Богом и дьяволом, нетварной благодатью Духа Святого и «тварной благодатью» маммоны, между жизнью во Христе и рабством сатане, между спасением и погибелью. Об этом практически никто не хочет задумываться!..

Александр ИВАНОВ

НОВОСТИ ЦИФРОВОГО КАГАНАТА

За новостями о введении электронных паспортов и создании электронного реестра граждан в тени остаются многие ключевые изменения в экономической сфере, которые имеют критическое значение и коснутся каждого из нас довольно скоро.

В ближайшие 3-4 года привычная для нас модель экономики перестанет полностью существовать. ФНС уже реализовала т.н. виртуальную модель экономики, которая в корне изменит привычную структуру экономических взаимоотношений. Вместо простых взаимодействий по типу субъект—субъект будут более сложные: субъект—система—субъект. Говоря простыми словами, для выполнения любого денежного перевода, наличного или безналичного, будет требоваться его регистрация в системе ФНС.

Реализовано это следующим образом. Под управлением ФНС создана гигантская база данных, в которую заносятся

(и обязательно маркируются, т.е. пронумеровываются или чипируются) все товары, произведенные или ввезенные для продажи на территорию Российской Федерации. Таким образом, продавать можно будет только то, что внесено в эту БД. Здесь будут абсолютно все товары. Уже с нового 2020 года обязательными для маркировки будут все виды одежды, обуви, изделий из ткани, а также молочная продукция, меховые изделия, шины, пиломатериалы, велосипеды. Уже на этапе производства вся продукция будет вноситься в базу данных, где будет храниться по каждому изделию информация о всей цепочке продавцов вплоть до конечного потребителя. На сегодня идентификация покупателя не обязательна (хотя происходит автоматически при безналичной оплате), за исключением пиломатериалов, где продажа уже обязательно происходит по предъявлению паспорта — на этом месте останемся поподробнее.

Все виды пиломатериалов при производстве обязательно заносятся в систему «ЛЕС-ЕГАИС» (единая государственная автоматизированная информационная система «лес»). В неё нельзя внести то, что ты не произвел или легально не купил. Система контролирует количество произведённой доски, к примеру, из срубленного леса. Если у предприятия есть доска, но её нет в системе «ЛЕС-ЕГАИС», продать оно её не сможет, это будет уже экономическим преступлением. Таким образом, с момента вырубки и до магазина контролируется путь каждого брусочка. Допустим, за этим брусочком приходит гипотетический пенсионер Иван Иванович, чтобы сделать табуретку на даче. Может он просто купить брусочек в магазине за наличные деньги, как и всю жизнь это делал? Нет, не может. Теперь ему обязательно нужно предъявить паспорт и дать согласие на обработку персональных данных, чтобы в БД «ЛЕС-ЕГАИС» появилась запись о том, что Иван Иванович купил брусок 50х50х3000 за 150 рублей. Вот так. А нет идентификации — нет брусочка. На сегодня достаточно обычного паспорта. Понятно и ежу, что скоро это будут делать только по предъявлению паспорта электронного. Не потому что продавец так хочет, а потому что только так будет работать программа, установленная ФНС. Вот вам и метка, без которой ни купить, ни продать. (Читайте в Новом Завете Откровение Иоанна Богослова.) С электронной системой могут взаимодействовать только электронные субъекты, внесенные в единый реестр граждан. Система ФНС уже готова, банковская давно готова, система электронных паспортов (чипов, биометрической идентификации) тоже уже запущена. Осталось что? Впарить нам электронные паспорта.

Теперь несколько слов о контроле за доходами цифровых граждан.

В 2019 году ФНС выпустила официальное письмо с разъяснениями о налогообложении денежных переводов на карты физлиц. Суть его в следующем. Налоговая теперь видит все денежные переводы на карты в реальном времени — они все регистрируются в какой-то очередной информационной системе. Теперь, если автоматическая система налоговой решит, что переводы (или их часть) содержат признаки коммерческой деятельности (список признаков подробно изложен в письме, там чуть ли не всё можно отнести к этой категории), то она автоматически выставит недоимку по налогу на доходы (НДФЛ), плюс НДС, плюс штрафы и пени. Всё это — за последние три года... Обязанность доказать, что это не доход, лежит теперь на налогоплательщике! Система тотального контроля за переводами уже запущена. «Счастливые» обладатели банковских карт, которые принимают переводы за что попало (работы, услуги, товары), ещё не знают, что в течение трех лет им выставят налоги за все эти переводы. На этот раз ФНС всех об этом честно заранее предупредила.

Аналогичная система контроля запускается в ближайшее время и для систем денежных переводов типа Киви и т.п. Все переводы обязательно будут регистрироваться в системе ФНС. То есть, обратите внимание, не ФНС будет упрощать банки, чтобы те предоставили информацию о каком-либо физлице, а банки обязаны все переводы регистрировать в системе налоговой. Теперь ФНС не надо искать ваши доходы — они все видны и считываются автоматически. Кстати, в планах ФНС на ближайшее время по этой причине — автоматизация налогового учета и полный отказ от бухгалтерского учета и сдачи балансов.

Но это ещё не всё! К 2022 году запускают ещё один уровень контроля — за зарубежными доходами граждан. То есть если вы получили доход в другом государстве, его полностью аналогичная налоговая система будет сообщать нашей ФНС. Т.е. мы уже наблюдаем реализацию системы планетарного налогового контроля. Масштаб, поистине, апокалиптический.

Кстати, на сегодня любой доход, получаемый регулярно (а это, согласно вышеуказанному письму, от 2 раз в год и более), является, с точки зрения налоговой, коммерческой деятельностью. Соответственно, без регистрации в виде индивидуального предпринимателя он является незаконной предпринимательской деятельностью, т.е. преступлением. Сюда относятся, к примеру, бабушки, собирающие ягоды или гри-

бы на продажу в отдалённых деревнях. Они должны стать ИП (индивидуальными предпринимателями) и платить за патент 40 т.р. в год, а также теперь еще и купить электронную кассу за 30 т.р. Это не шутка, это официальные разъяснения ФНС для заготовительных предприятий.

Кстати, электронные кассы — это как раз обязательное и ключевое звено всей этой системы. Именно через неё мы будем общаться с «системой» и платить друг другу.

Чтобы решить проблему обычных людей, работающих на себя, государство реализует уже со следующего года грандиозный проект под названием «самозанятые». Для тех, кто совсем не в теме, вкратце объясню, что это такое.

Чтобы гражданин мог легально получать доход, он проходит регистрацию в системе и становится «самозанятым». Для этого ему надо только смартфон и банковскую карту. После регистрации он сможет самостоятельно формировать чеки в системе ФНС, к примеру: «Я вскопал огород Иван Ивановичу (№ человека такой-то) за 2000 рублей». Робот ФНС видит в расходах № такого-то (Иван Ивановича) 2000 рублей, и в легальных доходах заявителя тоже такую же сумму, с которой берет автоматически налог — 4-6% (на сегодня). То есть берём у ростовщиков карту, сдаем биометрию, регистрируемся на госуслугах и еще не понятно где... Становимся полноценным электронным звеном цифровой экономики. Сам себе «электронная касса».

Теперь, если что-то налоговой не нравится, она просто отключает вас от этой системы, и вы не сможете получить никакой доход. Также и любые штрафы, недоимки и прочее снимаются сразу — ваш доход проходит через них.

Таким образом, получение дохода без регистрации в этой системе будет легко контролироваться и, соответственно, жестко пресекаться. Фактически, уже в ближайшие годы те, кто не станет «цифровым» участником экономики, станут вне закона, а это все христиане.

Итак, мы видим, что налоговая уже реализовала все необходимые элементы системы тотального контроля за доходами и расходами граждан, за движением денежных средств и товаров. Уже через несколько лет купить или продать можно будет только через регистрацию (идентификацию) в этой системе, то есть через поклонение электронному зверю, «кагану».

Сбываются слова св. Паисия: «За совершенной системой карточек стоит диктатура антихриста».

СЕВАСТОПОЛЬ ПОД ЛЕЗГИНКУ

Севастополь ждал возвращения в Россию — с большими надеждами, с радужными ожиданиями. И Севастополь дождался. Однако дом оказался разным. Подчас как у Оруэлла: когда все животные равны, но одни равнее других.

Набережная городского парка «Омега». День. По пешеходной зоне мчит «БМВ» с дагестанскими номерами. Мчит так, что чуть не сбивает семью с ребёнком. Водитель останавливается. Хочет извиниться? Нет! Он принимается орать на прохожих: мол, убирайтесь, мешаете тут!

В машине сидит ещё один человек. Он и водитель — как принято говорить, выходцы из южных республик.

Мужчина — глава семейства — справедливо обращает внимание на недопустимое поведение водителя. Указывает, что мог пострадать ребёнок. Два человека из «БМВ» тут же со звериной жестокостью разбивают ему лицо в кровь. Следом бьют и женщину. Ребёнка отбрасывает. Мать падает — её, лежащую, продолжают бить. Ребёнок кричит.

Вдумайтесь! Дневное время. Центральный детский пляж. Город-герой, город русских моряков Севастополь, ставший локомотивом Русской весны, центром патриотического подъёма. И — два заезжих подонка избивают женщину и ребёнка.

На крики сбегаются люди. Пытаются остановить насилие. Удаётся это лишь тогда, когда приезжает полиция. Но вместе с ней набегают и ещё десяток бородачей — соплеменников водителя. Он же продолжает вести себя агрессивно, размахивает бумажкой и кричит, что ему можно делать что угодно. Правоохранительные органы никак не комментируют данный инцидент...

Как воспринимать подобное? Как дикую случайность? Или как эпизод в ряду таких же эпизодов, как звено удушающей цепи? К сожалению, второе — часть убийственной системы. Её краткое описание таково: «Севастополь больше не принадлежит севастопольцам. Его заполонили чужие».

Напомню, ранее в баре «Бенефис» три приезжих из Дагестана зарезали Олега С. Он умер на руках у своей жены; у неё осталось двое малолетних детей. На записи видно, как один из нападавших требует от жертвы танцевать лезгинку.

Далее начинается ад. Двоих нападавших после задержания отпускают. Одному грозит небольшой срок, более того — заикаются и о превышении им самообороны. Севастопольские СМИ молчат о произошедшем, а позднее трусливо и лживо сообщают о том, что убийцы были из местных.

Только благодаря общественному резонансу — усилиями отдельных сочувствующих — к ситуации, которую позорно замалчивали, удалось привлечь внимание. Инцидент вышел в федеральное поле. Несколько статей, десятки постов в социальных сетях, запросы в Генеральную прокуратуру, обращение к властям и к президенту — всё это понадобилось для того, чтобы следствие пересмотрело дело. Однако суда нет до сих пор...

Это наиболее резонансный пример. Но случаев масштабом поменьше с печальной лихвой — сколько угодно! Зачастую пострадавшие боятся обращаться в полицию. Или просто брезгают, не надеясь на справедливость. Потому что едва ли не любой севастополец подтвердит: ситуация с приезжими — выходцами с Кавказа — становится просто критической. (К сожалению, подобное происходит во всех городах России. — **Ред.**)

Достаточно просто выйти в центр города-героя и посмотреть, что там происходит. СМИ сообщали, как соответствующие личности перекрыли движение в городском центре, так как захотели станцевать лезгинку, вели себя крайне агрессивно. Потом сообщения о подобном прекратились — вот только перекрытия и танцы никуда не исчезли. Хуже — теперь их можно наблюдать во всех районах города. При этом «выходцы» регулярно задирают остальных горожан, подчас избивают их, нагло пристают к девушкам. О творящемся в кафе и клубах вообще лучше не говорить. Но ножи там в ход идут регулярно.

А меж тем в районе «Золотой балки» приезжие из всё тех же республик прессуют местное население. По городу передвигаются соответствующие агрессивные группы соответствующих агрессивных персонажей. Наблюдать их на Малаховом кургане, например, лужгающими семечки и задирающи-

ми людей, без отвращения невозможно. Становится больно за родной город.

Трагические факты, происшествия, подобные ситуации можно перечислять долго. Можно, но фактически себе же во вред. Ведь тут же прозвучат обвинения в разжигании и прочие заявления. Однако о каком разжигании идёт речь? С помощью этой демагогии власти пытаются прикрыть реальные проблемы, не желая их признавать. И речь тут даже не о конкретных национальностях — с теми же выходцами старшего поколения в городе проблем нет, а о тенденциях.

Каковы они? К сожалению, мы наблюдаем, что севастопольцы всё меньше и меньше чувствуют себя своими в родном городе. Многие покидают его. Другие жалуются на рост криминала и безработицу. И первое, и второе, как бы нас ни убеждали в обратном, напрямую связано с упомянутыми персонажами. Они не только забирают места для трудоустройства, но и ведут себя нагло, хамски, жестоко. Ведут себя как хозяева, приехавшие воспитывать местное население. И севастопольцы частью боятся прибывающих южных гостей, а частью озлобляются всё сильнее. И звучит логичный вопрос: «Это за такое мы голосовали 5 лет назад?»

Этот вопрос — бальзам для украинских и западных пропагандистов. Однако речь идёт вовсе не о референдуме в контексте его правильности — тут точка поставлена. Речь идёт о вполне конкретных людях и о вполне конкретных ситуациях — и они могут и должны быть решены. Для этого необходима воля власти. А так — всё чаще звучат призывы к объединению местных с целью самосуда. Что, конечно, недопустимо. Но куда смотрит власть?

Подобные проблемы есть во многих городах и регионах России. И решаются они зачастую после инцидентов — а надо заранее их предупреждать.

Однако в Севастополе нет действий и после. Всё пущено на самотёк. Власть слаба и не хочет решать проблему, грозящую городу-герою большими бедами. Напряжение в Севастополе растёт. Местные злятся. Выходцы продавливают город на слабость. А власть бездействует.

И такие случаи, как на пляже «Омега», как в «Бенефисе», — это, к сожалению, лишь начало. Если меры не будут приняты, то Севастополь ждёт непредвиденные события. И тогда можно будет забыть о патриотическом порыве 2014 года и о спокойной обстановке в принципе. Севастополь, как показывает вся история, способен держать оборону.

СТЫДЛИВЫЕ ЧЕХИ

Чехам вдруг стало стыдно, что в мае 1945 г. их освободил от германского «внешнего управления» Маршал Советского Союза, замечательный военачальник Иван Степанович Ко-нев (1897—1973). «Генерал вперед», один из главных маршалов Победы. Но нашим чешским «братьям» почему-то вдруг стало совестно, и они сначала поглумились над монументом, а потом решили задвинуть его куда подальше. Но пока еще с площади не снесли.

Впрочем, вникая в хронику военных лет, начинаешь понимать, в чём дело.

Историк А. Усовский в своей работе «Чешское вооружение на службе Третьего рейха» пишет: «Генералы вермахта, ознакомившись с тремя уже готовыми чешскими танками LT-38, одобрили машину. До начала Второй мировой войны было построено 98 таких танков. В нападении на Польшу в сентябре 1939 г. участвовал целый чешский танковый корпус (считая и LT-35). Уже в ходе Польской кампании вермахт использовал танковый корпус, укомплектованный новейшими чешскими танками. Естественно, они были использованы и в июне 1941 г. против нашей страны.

«Всего немцы взяли себе 254 горные 75-мм пушки, 241 80-мм полевую пушку, 261 150-мм гаубицу, 10 152-мм пушек, 23 305-мм мортиры и более двух тысяч противотанковых орудий 37-мм и 47-мм». Далее. «Немцы с удовольствием пополняли свои арсеналы отличными чешскими пулеметами — 50 тысячами ручных и 12 тысячами станковых (благо эти пулеметы, как и чехословацкие винтовки «маузер», были созданы под немецкий 7,92-мм патрон».

Немцы получили колоссальные производственные мощности тяжелой промышленности протектората, благодаря которым удвоили производство военной техники и вооружений. До 15 марта 1939 г. чешская промышленность, особенно тяжелая, работала едва в четверть своего потенциала — слишком малы и эпизодичны были заказы на её продукцию. Но

вхождение в Рейх вдохнуло во все чешские заводы новые силы — заказы посыпались как из рога изобилия. Германия получила технику, которой хватило бы на оснащение 35 дивизий.

В руки немцев попали заводы «Шкода» — второй по значению военный арсенал Центральной Европы, которые, по подсчетам У. Черчилля, в период с августа 1938 по сентябрь 1939 г. произвели столько же вооружения, сколько все английские предприятия за то же самое время. Всего в 1944 и 1945 гг. было выпущено 2584 истребителя танков «Хетцер». «Хетцер» оказался лучшей легкой противотанковой самоходкой Второй мировой войны. На 10 апреля 1945 г. в боевых частях вермахта и войск СС насчитывалось 915 САУ «Хетцер», из них 726 на Восточном фронте и 101 на Западном.

Но помимо «Хетцеров» Чехия в 1944 г. ежемесячно отгружала для Германии 30 тысяч винтовок, 3 тысячи пулеметов, 625 тысяч артиллерийских снарядов. «Протекторат Богемии и Моравии был надежным «пушечным двором» и арсеналом третьего рейха, во многом благодаря которому немцы и смогли столь долго продержаться в этой войне».

Так что есть что вспомнить «стыдливым чехам» за годы их странных отношений с национал-социализмом. А маршал Конев для них — как бельмо на совести.

Юрий ГИЛЕВ

ЦИФРЫ ТОЙ ВОЙНЫ

Во время Второй мировой войны в освобождении 11 европейских стран участвовало около 9 млн. советских воинов.

Безвозвратные потери Красной армии при освобождении государств Европы составили:

- в Польше — 600212 человек;
- в Чехословакии — 139918 человек;
- в Венгрии — 140004 человек;
- в Германии — 101961 человек;

в Румынии — 68993 человек;
в Австрии — 26006 человек;
в Югославии — 7995 человек;
в Норвегии — 3436 человек;
в Болгарии — 977 человек;

Всего безвозвратные потери Красной Армии при «освобождении Европы» составили около 1 миллиона человек, а всего общие безвозвратные потери в войне с Германией и Японией (убито, пропало без вести, попало в плен и не вернулось из плена, умерло от ран, болезней и несчастных случаев) советских вооруженных сил вместе с пограничниками и внутренними войсками составили 8 668 400 военнослужащих.

Всего было освобождено около 50% европейских государств. Совокупное население освобожденных Красной армией стран составило более 120 000 000 человек в 16 независимых на настоящий момент странах Европы. В освобождении еще шести стран Красная армия участвовала вместе с союзниками.

22 июня в 4 часа утра началась Великая Отечественная война, продолжавшаяся 1418 дней и ночей. В первый же день боев фашисты уничтожили 1200 советских самолетов, свыше 800 из них — на аэродромах.

Всего в боевых действиях в годы войны участвовало 34 476 700 советских военнослужащих. В Армию и на Флот было призвано 490 тысяч женщин.

В числе жертв той войны 13,7 миллиона человек составляет мирное население, из них преднамеренно было истреблено оккупантами 7,4 миллиона. 2,2 миллиона погибли на работах в Германии, а 4,1 миллиона умерли от голода в оккупации.

В битве за Москву с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. погибло более 2 400 000 советских граждан.

На временно оккупированной территории СССР нацистами было казнено 7,4 миллиона человек мирного населения, в том числе 221 000 детей.

С учетом новейших архивных данных сотрудники Генштаба Вооруженных сил России приводят сведения (1998 г.) о погибших в течение четырех лет войны: безвозвратные потери Красной (Советской) Армии составили 11 944 100 человек, в том числе погибло 6 885 000 человек, пропало без вести и пленено 4 559 000. В общей сложности Советский Союз потерял 26 600 000 граждан.

За три года войны (июнь 1941 — июнь 1944 гг.) людские потери в Германии составили 6,5 миллиона убитых, раненых и пропавших без вести. Самые большие потери она понесла в ходе войны против СССР. Летом 1941 года погибло 742 тысячи немецких солдат, тогда как в войне против Польши, Франции, Англии, Норвегии, Бельгии, Голландии, Дании и балканских стран Германия потеряла 418 805 солдат.

В СССР разрушено 1710 городов, более 70 тысяч деревень, 32 тысячи заводов и фабрик, разграблено 98 тысяч колхозов...

Прямые расходы на ведение войны всех участвовавших в ней стран составляют 1 117 млрд. долларов (включая военные расходы на войну в Китае в 1937 г.).

Стоимость разрушений составила 260 млрд. долларов, из которых в СССР — 128 млрд., в Германии — 48 млрд., во Франции — 21 млрд., в Польше — 20 млрд., в Англии — 6,8 млрд.

Одним из страшнейших моментов Великой Отечественной войны стала Ленинградская блокада, длившаяся 880 дней и прорванная 27 января 1944 г. Численность жертв ее превосходит потери США и Великобритании, вместе взятые, за всю Вторую мировую войну. Впервые эти данные были обнародованы на Нюрнбергском процессе, а в 1952 г. опубликованы в СССР. Сотрудники Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР пришли к выводу, что в Ленинграде в период фашистской блокады от голода умерли не менее 800 тысяч человек.

Во время блокады ежедневная норма хлеба для рабочих составляла всего 250 г, для служащих, иждивенцев и детей — вдвое меньше. В конце декабря 1941 года хлебная пайка стала почти вдвое тяжелее — к этому времени значительная часть населения погибла.

Каждый пятый воевавший в Великой Отечественной войне отмечен наградой. Всего же звание Героя Советского Союза присвоено 11 681 воину, а 2 532 человека являются полными кавалерами ордена Славы.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год

(Сентябрь — октябрь)

Как сообщило на своем сайте израильское информационное агентство «Небесный Иерусалим», на Украине теперь не только Рада, но и всё правительство, кроме министра МВД Авакова, будет состоять из молодых евреев, нигде прежде не работавших и прошедших через американские НКО. Возраст членов нового «кабинета министров» в большинстве своем от 25 до 35 лет, то есть — это поколение специфически подготовленных и зомбированных западной пропагандой молодых исполнителей воли транснациональных корпораций по созданию на территории «нэзалэжной» «Небесного Иерусалима» или, говоря приземлённее, Нового Израиля. Собственно, для этого, для подписания с Зеленским неких «секретных протоколов», и прилетал в конце августа на Украину премьер-министр Израиля Б.Нетаньяху, о чём также сообщил информационный интернет-канал «Небесный Иерусалим». Не случайно визит Нетаньяху в Киев стал первым визитом в «нэзалэжную» главы другого государства после

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

вступления Зеленского в должность президента. И опять же не случайно одним из первых законов, запланированных к утверждению новой Верховной радой, является закон о продаже украинской земли. То есть украинская территория очень скоро будет распродана тем самым транснациональным корпорациям, во главе которых стоят олигархи определенной национальности. О том, что это произойдет в ближайшем будущем, интернет-канал «Небесный Иерусалим» сообщал еще в 2018 году...

Вот для этого они и раскручивали Зеленского еще до президентских выборов.

Вот потому-то им так надобен Донбасс. Причем без людей.

Нужно было видеть мрачную, почерневшую физиономию *вальцмана-поросенко* на первом заседании новой Рады. Его волновали не уголовные дела, возбужденные против него, — от них он с помощью американских «партнеров» отвернется. Его бесило то, что он отстранен от делёжки столь сладкого и столь прибыльного украинского «пирога».

* * *

Путин всё же обменял террориста О.Сенцова на журналиста К.Вышинского. При первоначальном категорическом несогласии журналиста. Но Вышинскому объяснили, что так надо, и в конце концов уговорили. Политиканство Непогрешимого, как всегда, взяло верх. Ну как же, его сам Трамп и Макрон с Меркель за это похвалили...

Сначала он помиловал Н.Савченко, убившую наших людей. Теперь — Сенцова, готовившего убийство наших людей. И наконец-таки дождался аплодисментов Запада.

* * *

В августе Израиль вновь бомбил Сирию. В сентябре Путин вновь встретился в дружеских объятиях с Нетаньяху — как старые друзья... (Сразу после визита Нетаньяху на Украину, где он заявил о непризнании Крыма российским.) Поговорили о борьбе с террористами и о холокосте. Интересно посмотреть: через какое время после этой встречи израильские ракеты ударят по пригороду Дамаска?..

* * *

«Везёт» же России на власть... Особенно на премьеров. В последние месяцы г-на Медведева явно одолевал реформаторский зуд. То он четырехдневную неделю пытался нам впарить, пока ему взрослые тети и дяди не объяснили, что у него

с головой не всё в порядке. То вдруг решил отменить вообще все ГОСТы и нормативные акты — только лишь потому, что они советские... Тут действительно одно из двух — то ли он с печки в детстве упал, то ли сознательно и топорно работает на уничтожение государства. Ведь даже первокласснику будет понятно, что после ликвидации ГОСТов страна довольно быстро превратится в анархическое гуляй-поле. В СССР ГОСТы вырабатывались десятилетиями, и ничего лучше до сих пор придумать не смогли. Особенно это касается продуктов питания. Миллионная армия мошенников и аферистов только и ждет, когда очередные «сны Анны Павловны», не дающие покоя премьеру-юристу Медведеву, наконец будут воплощены в действительность...

Экономист Валентин Катасонов уже назвал на Русской народной линии эти премьерские прожекты актом ускоренного геноцида.

* * *

Утром 14 сентября на трассе Ярославль — Гаврилов Ям грузовая фура выскочила на встречную полосу и лоб в лоб столкнулась с пассажирским рейсовым автобусом. Погибли восемь человек, в том числе оба водителя. Пострадали 28.

Даже и войну объявлять нам не нужно. Она идет давно — террористическая война на дорогах. Но и власти, и СМИ делают вид, что ее не замечают. За обильной патокой улыбочивых встреч Путина то с бойцом без правил Х.Нурмагомедовым, то с премьером Израиля Нетаньяху и за трескотней других «патриотических» мероприятий практически каждодневная гибель людей на дорогах от рук водителей-мигрантов ограничивается лишь сухими и краткими сообщениями в новостях. Сказали — и забыли. К великому сожалению, и российский электорат услышал — и забыл.

* * *

Глава ДНР Денис Пушилин в сентябре обратился к Путину с просьбой принять ДНР и ЛНР в состав России в качестве нового федерального округа. Но со стороны Путина не последовало никакой реакции — ни ответа, ни привета. И не будет привета. А всё потому, что с пиндосами у него по поводу Донбасса договоренности не было. По поводу Крыма — была, а по поводу Донбасса — нет. И когда в Донбассе началась война, Путин срочно изобрел «минские соглашения» (по согласованию с США, конечно), которые привязывали ДНР и ЛНР к Украине. И хоть Порошенко упорно сопротивлялся подписанию этих «соглашений», но вынужден был

это сделать по настоянию Обамы. И, естественно, президент РФ не собирается «минские соглашения» отменять. Вот поэтому просьба Пушилина остается без ответа.

Почему Америка никак всерьез не отреагировала на присоединение Крыма к России, если не считать мнимых санкций, рассчитанных на впечатление остального мира? Да потому что вся Украина теперь — американская согласно договоренности с Кремлем. Но по поводу Донбасса между США и РФ никаких договоров не было. Вот он и повис между небом и землей. Вот и молчит Путин на донбасское обращение. Вспомним, что еще в 2014 году он не приветствовал донбасский референдум... После эйфорического крымского референдума...

* * *

При этой власти из страны уезжают физики, химики и врачи. А приезжают в огромных количествах дворники и укладчики бордюров.

* * *

Гениальная поэзия имеет свойство сбываться. Это доказано не раз — и лермонтовским «Предсказанием» и блоковским «Двенадцать», и гумилевским «Рабочим»... А в наши дни один в один повторились пушкинские «Бесы»: «Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж отдают?..» На наших глазах одновременно — и хоронили, и замуж выдавали. И более того — венчали. В чёрную пятницу 13 сентября в чёрном похоронном катафалке привезли домового по фамилии Богомоллов и ведьму «Ксюшу» в храм Большое Вознесение у Никитских ворот, обвенчали и в похоронном же катафалке увезли на бесовский шабаш. Многие считают, что после такого кошунства храм Большое Вознесение нужно заново освящать, а священнослужителей, совершивших обряд бесовского венчания, о чём также говорят многие воцерковлённые люди, необходимо лишать религиозного сана. Но в нынешнее время, как известно, даже в Церкви деньги решают всё.

Та вакханалия, которая затем творилась на банкете в Музее Москвы, в подробностях выставлена в интернете, а вот по телящику даже либеральные руководители ТВ, большие поклонники бесовки «Ксюши», показать не решились. Там, в музее, была создана церковная обстановка, но в красно-чёрном цвете, и начался реально сатанинский ритуальный шабаш. Сама «Ксюша» в окружении черно-красного кардебалета, облаченная в чёрный балахон, вышла на сцену и устроила для гостей сеанс стриптиза под песню «Войди в меня».

Похоже, ей очень хотелось повторить нечто подобное булгаковскому балу сатаны...

Одновременные похороны и свадьба — это, конечно, в духе нынешнего времени, в котором пушкинские бесы и бесы Достоевского, воплотившись в реальной жизни, получили безграничную «свободу творчества». Об этой «свободе» не так давно на съезде театральных деятелей визжал с трибуны еще один бес — К. Райкин, эту «свободу» впаривает слюнопускательному зрителю в Гоголь-центре проворовавшийся К. Серебренников, эту «свободу» нам демонстрировал некто Самодуров, когда рубил иконы на организованной им выставке «Осторожно, религия!» в музее А. Сахарова.

«Время бесов» — когда-то я хотел так назвать свою книгу публицистики. Но издатель попросил меня изменить название. Это была книга «Вехи окаянных лет», изданная Институтом русской цивилизации. Но время бесов осталось, не изменилось, более того — еще реальнее обнажилось, стало явственнее, откровеннее, циничнее и наглее. Сколько подобных «ксюш» торчит на том же ТВ, не говоря уже про интернет, ночные клубы и «современные, экспериментальные театры»!.. Вот она — в голом виде «свобода творчества» без Творца! Они за нее ратовали еще в советское время. Они ее получили в наши дни.

* * *

Клоун, он и есть клоун. Как я и писал прежде, артист-пересмешник, причем недалекий, посредственный артист, не может быть главой государства. Тем более — государства несостоявшегося. На Зеленского в Нью-Йорке жалко было смотреть. Трамп демонстративно вытирал о него ноги. А он, полуграмотный хохмач, продолжал юродствовать и кривляться. Но после того, как Трамп открыто сказал ему: «Проблемы Украины решайте с Путиным», — вконец позеленевший юноша замер в немой сцене, на его физиономии застыли растерянность и тоска.

Непонятно, за каким чёртом он вылез на трибуну Генассамблеи ООН. Конечно, ему очень хотелось покрасоваться перед всем миром, ошеломить мир своей антироссийской смелостью и «новизной» мышления, но по причине своей политической и моральной недалёкости вновь, как и его предшественник *вальцман-поросенко*, сел в лужу. В глубокую, не высыхающую лужу, предназначенную там для Украины. Он, ведомый своей местечковой «смелостью», вновь обозвал Россию агрессором, с которым воюет Украина. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН! И весь мир понял, что украинские

громадяне вновь избрали себе в президенты очередного дурака и невежду. Даже аборигены африканского бантустана, смотрящие в этот момент телевизор, мысленно послали Зеленскому вопрос: если Украина воюет с Россией, то почему она не объявила России войну и не разорвала с ней дипотношения? Но зелёный украинский «президент» этого вопроса не услышал. И в качестве вещественного доказательства войны с Россией предъявил миру пулю «российского производства», якобы убившую в Донбассе непревзойденного украинского певца. Спасибо уже за то, что не приволок с собой по примеру идиота Вальцмана кусок пробитого пулей автобуса, а то предстал бы совсем уж дешевым эпигоном. Хотя и пуля Зеленского, предъявленная миру, оказалась произведенной в пробирке Колина Пауэлла — т.е. из того же самого дерьма, что и стиральный порошок американского госсекретаря. И мерзкий запах от этой пули распространился по всему миру даже через телеэкран.

«Иди к Путину, надоед», — сказал Трамп побледневшему Зеленскому. — Вмешиваешься в наши выборы, а как по-английски звучит это слово — не знаешь...» И пацан уехал ни с чем.

Это не Голобородько играть в фильме «Слуга народа»... Это там можно было похохмить и подурочить доверчивых громадян. В жизни всё оказалось куда сложнее, жёстче и серьёзнее. Комики и пересмешники, столкнувшись с реальной действительностью, очень быстро превращаются в беспомощных, облезлых хромых уток. И ста дней не прошло, как весь еврейский лоск слетел с криворожского Хлестакова, получившего сразу две кликухи: у себя в нэзалэжной — «гламурный бандеровец» и в Америке — Моника Зеленски. И если у любовницы Клинтона в качестве вещественного доказательства нашлось запятнанное платье, то у самостийного клоуна — обнаружилась хранящаяся в кармане пуля из дерьма.

* * *

Зеленский захотел опять стать клоуном. Ясное дело: тяжела шапка Мономаха... Куда легче и приятнее стебаться на сцене! Он уже начинает понимать: если вовремя не сбежит — эта шапка его раздавит.

* * *

9 октября, по сообщению «РИА Новости», Федеральная служба безопасности (ФСБ) пресекла деятельность нескольких групп обосновавшихся в России лиц, финансировавших запрещенные на нашей территории террористические орга-

низации «Имарат Кавказ» и «Исламское государство». Под следствие попали более 100 человек, которые находились в разных регионах — Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Ингушетии, Татарстане, Краснодарском и Ставропольском краях, Тюменской области, в Москве и Санкт-Петербурге. Возникает естественный вопрос: а каким образом они тут оказались? Разве не с легкой руки тех, кто спланировал завести сюда 10 млн. мигрантов из Средней Азии и Закавказья? То есть тех, кого О.Дерипаска в свое время называл «менеджерами Кремля»... Именно они устроили в России безвизовый завоз миллионов мусульман, среди которых сотни завербованных исламистов-террористов и тех, кто под видом благотворительной деятельности занимается финансированием терроризма. И тысячи мошеннических фирм, вольготно орудующих в крупных городах и состоящих в основном из тех же мигрантов, вполне возможно, на деле, из кошельков россиян также финансируют террористические организации. А «кремлевские менеджеры» тут как бы и ни при чём...

10 октября директор ФСБ Александр Бортников на международном совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов в Сочи сообщил о предотвращении 39 терактов, готовившихся на территории России в 2019 году. По словам главы ФСБ, все теракты были предотвращены на стадии подготовки. Кроме того, в том же году спецслужбы ликвидировали 49 террористических ячеек, которые планировали атаки в разных регионах России. 32 боевика были нейтрализованы, еще 679 — задержаны.

Спрашивается, ради чего эта опасная игра в кошки-мышки или в казаки-разбойники? Ради укладки новых бордюров или ради продажи здесь шаурмы, зараженной сальмонеллой? Или сотрудникам ФСБ больше заняться нечем, кроме как предотвращать теракты, готовящиеся столь ценными для кремлевских «менеджеров» азиатскими мигрантами?

* * *

Таковой должна быть программа неотложных действий нового главы государства, которую на выборах поддержат 95 процентов избирателей России:

- отмена моратория на смертную казнь;
- запрет рекламы на всех каналах радио и телевидения;
- введение в Уголовный кодекс РФ статьи, приравняющей коррупцию в крупных размерах (более 1 миллиона руб.; в том числе в судах) к измене Родины;

введение в Уголовный кодекс РФ статьи, приравнивающей мошенническую деятельность к измене Родины;
остановка миграционного потока из республик Средней Азии и Закавказья;

введение визового режима с Украиной;
возвращение индексации пенсий и всех заслуженных льгот работающим пенсионерам;

введение в Уголовный кодекс РФ статьи за русофобию;
возвращение в уголовный кодекс статьи, осуждающей за гомосексуализм;

издание указа о запрещении публичной деятельности и пропаганды ЛГБТ;

издание указа о запрещении гендерной пропаганды;

издание указа о запрещении т.н. «сексуального просвещения» в детских садах и школах;

издание указа о запрещении деятельности т.н. «ювенальной юстиции»;

издание указа о запрещении выдачи наших детей любым иностранным «усыновителям»;

преобразование Ельцин-Центра в Центр русской культуры.

Повторяю, это программа только самых неотложных, первоначальных действий нового главы государства, которая будет поддержана почти всем сознательным населением России. С этой программой победа на выборах будет обеспечена на 100%. Но с другой стороны, нынешняя власть не допустит до выборов никого, кто придет с этой программой.

* * *

Пять лет назад я назвал в «Протуберанцах» т.н. «минские соглашения» предательскими, кровавыми и бессмысленными. Понадобились эти самые пять лет для того, чтобы определения, данные им тогда, наконец дошли и до тех, вернее, до того, кто их придумал и навязал. Пять лет Украина морочила голову всему миру «войной с Россией», прикрываясь этими спасительными для себя «минскими соглашениями» (хотя, на самом деле, никто ни с кем ни в чём не соглашался), чтобы новый украинский президент-юморист, основываясь на изначально бредовых «минских соглашениях», потребовал для их выполнения «ропуска» ДНР и ЛНР. Пять лет назад было ясно, что украинские властные дуболомы и не собирались выполнять эти идиотские «соглашения», но кремлевские «миротворцы» аж до середины октября 2019 года всё надеялись на «благоразумие» озлобленных дуболомов, которого они лишены от природы по определению. Сколько еще лет нужно

потерять, чтобы благоразумие в конце концов осенило голову именно кремлевских «миротворцев» и чтобы в результате этого «осенения» наконец-то был опущен занавес перед тошнотворной, трагикомической украинской клоунадой?..

* * *

Проблема Украины заключается в том, что всё в ней изначально *искусственно* и придумано: нация, народ, язык и страна. И проблема эта при всей *искусственности* данной «страны» — неразрешима. Хотя, в принципе, ее решение возможно, и оно только в одном — в лишении страны под названием «Украина» этой *искусственности* и возвращении ее в свое естественное, природное, историческое состояние. То есть в состоянии русскости и России.

Однако Украина настолько уже морально испорчена, что самостоятельно вернуться в свое естественное состояние не способна. И потому проблема Украины будет еще долго будоражить мир. Да, проблема эта окажется долгой и кровавой. И разрешится она лишь через несколько поколений. Украина вновь станет Россией.

* * *

В Курагинском районе Красноярского края рано утром 19 октября 2019 года произошёл прорыв дамбы технологического водоёма золотодобывающей артели, который вызвал разрушение каскада других дамб и нескольких строений поселка золотодобытчиков. Погибли 17 человек, три человека пропали без вести. Как выяснилось, все эти дамбы ни в каких документах не значились как законные гидросооружения и были возведены кустарным способом. Более того, добыча золота также производилась незаконно. Работали в основном нелегальные мигранты, в том числе и китайцы. Продукция (золото и золотая руда) вывозилась за рубеж. Когда же красноярские журналисты сообщили об этом — о незаконной добыче и о мигрантах — в передаче А. Малахова на телеканале «Россия-1» (для сибирского региона) эта передача тут же была снята с эфира для центрального региона. О преступлениях мигрантов на нашей земле говорить запрещено. Уж больно эта тема раздражает «менеджеров» Кремля.

* * *

Напомню текст т.н. «Письма к съезду» В.И. Ленина (известного также как «Завещание Ленина»), написанного в конце 1922 года и содержащего оценку его ближайших соратников — в частности, И.В. Сталина. Письмо было оглашено в 1924 году перед XIII съездом РКП(б) Н.К. Крупской:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но [...] это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Сталин на этом заседании впервые заявил о своей отставке. Каменев предложил решить вопрос голосованием. Большинство высказалось за оставление Сталина на посту Генерального секретаря РКП(б). Против голосовали только сторонники Льва Троцкого.

А теперь представим себе, что бы произошло, если бы на основании этого письма Сталин был бы отстранен от власти в партии и, вследствие этого, в стране?.. Кто захватил бы власть и что бы далее случилось с самим Сталиным и со страной?..

Но с каким упорством малограмотные «ленинцы» до сих пор повторяют эту кажущуюся им бесспорной мысль: без Ленина не было бы Сталина! На самом же деле — Сталина не было бы именно с Лениным, если бы он оказался здоров и не ушел бы из жизни в 1924 году.

* * *

24 октября на пресс-конференции в Сочи Путин радостно поведал о том, что списал 20 млрд. долга африканских стран. Молодец!.. А на лечение тяжелобольных детей деньги будем просить у населения...

* * *

31 октября украинские нацисты снесли барельеф Г.К. Жукова с одесского здания Приморского военкомата. Но в это же время В.Путин на пресс-конференции в Будапеште заявил о готовности снижения цены за газ для Украины на 25%. Видимо, в качестве поощрения дальнейших подобных действий, т.к. никакой иной реакции со стороны Кремля на эту акцию не последовало. И, конечно же, на встрече т.н. «нормандской четверки» он со своей обычной застенчивой улыбкой пожмёт Зеленскому руку... Наверное, за то, что тот «не лох и не лопух»...

НИ ПЕСЕН, НИ БАСЕН...

Нет нужды доказывать мудрость наших пословиц, поговорок, присловий, а также полюбившихся народу афористичных выражений из былин и сказок, из песен и побасок, из художественной классики и святоотеческой литературы. Мудрость эта очевидна. По крайней мере, в большинстве случаев. И лишним доказательством её может служить факт, что к употреблению этих пословиц, лаконичных изречений и прочих «крылатых слов», по моим наблюдениям, более склонны люди пожилые, бывалые и опытные, нежели легкомысленная и многоречивая молодёжь.

На эту особенность «старших» я обратил внимание давно, ещё в школьные годы, на живых примерах своих родителей, вечных тружеников-крестьян, не проходивших ни классов, ни коридоров. Они не любили длинных речей и частенько для краткости прибегали к пословицам и присловьям. Положим, отец, вместо долгих объяснений, почему он, плотник и столяр, июньским днём собрался поискать подходящих берёзок для санных полозьев, просто говорил: «Готовь сани летом», — и ехал на те-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

леге в лес. Или — при затяжных дождях в июльскую пору: «С косой в руках погоды не ждут», — и отправлялся на покос.

Но ещё наглядней в этом смысле была речь столь же малограмотной крестьянки Степаниды Ефимовны, моей тёщи, изредка наезжавшей из села к нам в город, которая на старости лет, кажется, вообще говорила одними пословицами да поговорками. Их запаса у неё хватало на все случаи жизни. Скажем, расхныкалось наше дитя, мы, молодые родители, в смятении, а она успокаивает нас: «Поди, золота слеза не выкатится». Или я, припоминается, рассуждаю вслух, какой бы подарок преподнести приятелю на именины, а она с диванчика советует: «Подари другу калач: не понравится — сам съешь». А то ещё помню: сидим за столом, ужинаем, тихо беседуем, вдруг она, окинув взглядом нашу городскую еду, сплошь «с магазина», сочувственно замечает: «Что купил, то и слупил...»

Но почему-то особенно запомнилась мне характеристика, которую баба Степанида выдала однажды моему коллеге. Он жил холостяком по соседству и как-то вечером забрёл к нам «под мухой», явно желая поддержать тонус, ну и, конечно, дружески пообщаться. Первое его желание я исполнил без труда, выставив «беленькую» и закуску на скорую руку. Но со вторым оказалось сложнее. Дело в том, что гость, и вообще-то не отличавшийся красноречием, после принятия пары тонизирующих рюмок, почти совсем умолк. Говорить пришлось преимущественно мне, а собеседник лишь издавал некие междометия и блаженно улыбался. И когда я, наконец, проводил его за дверь, то приметливая Степанида Ефимовна, молчаливо наблюдавшая с дивана за нашим общением, подытожила, как припечатала: «Ни песен, ни басен...» И вот уже более полувека мне памятна та её «печатать».

Впрочем, что там вспоминать бабушку Степаниду, я теперь и сам глубокий дедушка и тоже ловлю себя на том, что всё чаще прибегаю в разговорах к народным пословицам и поговоркам. Особенно при ответах. Так получается короче и выразительней. Притом эти готовые сгустки жизненного опыта, услышанные где-то в народе или вычитанные из книжек, всплывают в памяти произвольно, сами приходят на помощь при растущих затруднениях быстро сформулировать мысль, и я охотно пользуюсь их мудростью, пусть и заёмной.

И даже горжусь, что некоторые из них могу преподавать в первоначальном виде и с истинным содержанием, «открытыми» мною. К сожалению, смысл довольно многих пословиц и присловий искажился в процессе долгого и подчас бездумного употребления. И всем нам с вами, говорящим по-

русски, стоило бы помочь возвращению им исконной формы и значения, пока ещё хранимых народной памятью и наукой языкознания. Пусть они удобряют и украшают нашу речь, выступая во всей первородной полноте и нарядности.

Зачастую иные пословицы мы просто не договариваем, укорачиваем их и тем произвольно обедняем смысл. Допустим, кому-то, склонному к зависти либо охочему пожить за счёт других, говорим: «На чужой каравай рот не разевай» — и ставим точку, отбрасывая дельный ему совет, следующий далее: «а пораньше вставай да свой затевай». Можно сказать, обходимся примитивной командой «рот не разевай», тогда как полная пословица содержит конкретную программу действий, целую дорожную карту, выражаясь по-нынешнему.

В некоторых усечённых пословицах теряются важные детали, эпитеты и метафоры, а с ними выразительность и наглядность содержимого назидания. Например, мы повторяем привычно: «От добра добра не ищут», забывая о всей полноте пословицы, при которой она звучит глубже и краше: «От корма кони не рыщут, от добра добра не ищут». Или есть присловье: «Без стыда лица не износишь...», прямо сказать, вообще не очень понятное, пока не вернёшь ему где-то утерянной концовки: «как платья без пятна». А ещё можно припомнить поговорку с каким-то уж слишком грубо-прямолинейным наставлением: «Не так живи, как хочется...» Услышишь и невольно спросишь: «Простите, а как?» Если, конечно, не знаешь, что в оригинале, в первоисточниках — это цельная пословица, которая сама содержит недвусмысленный ответ: «Не так живи, как хочется, а как Бог велит» То есть — по заповедям Божеским, по совести своей...

Но это бы ещё полбеды. Всё же и по обрывкам можно понять, о чём речь. А бывает, что после урезания пословицы её смысл не просто изменяется, но даже превращается в противоположный. Это как, допустим, в общеизвестном выражении, которое обычно употребляют в разговоре о наследниках, нередко идущих по стопам отцов, повторяя какие-то их черты, зачастую не самые лучшие: мол. «яблоко от яблони недалеко падает». Однако в неповреждённом виде эта пословица говорит совсем о другом: «Яблоко от яблони недалеко падает, но... далеко закатывается». Насколько весомо значение этого уточнения, нет надобности разъяснять. Или, скажем, в таком расхожем изречении, как: «Книги имеют свою судьбу». Ну да, имеют, и что? Карандаши вон тоже имеют свою судьбу, и сапоги, и какие-нибудь садовые грабли. В чём фишка-то? А суть, оказывается, скрыта в

продолжении фразы, редко воспроизводимом пишущими и говорящими: «Книги имеют свою судьбу, в зависимости от головы читателя».

Между прочим, это «крылатое» выражение пришло к нам из далёкого Рима, от грамматика Теренциана Мавра и частенько цитируется по латыни: «Habent sua fata libelli, pro kapite lektoris». Как видите, тоже со ссылкой на голову читателя.

Порой содержание пословицы или афоризма изменяет укорачивание их не только на целую фразу, на часть предложения, но и на одно слово и даже на единственную букву. Показательна в этом плане широко распространённая пословица, о которой мне уже доводилось где-то писать: «Делу время — потехе час». Именно в такой форме обыкновенно употребляют её устно и письменно. В том числе и многие знатоки языка, лингвисты с учёными степенями. Не буду упрекать их за это, называть пофамильно, ибо понимаю, что они следуют (так им представляется) за народом-языкотворцем и стараются найти приемлемое толкование его очередному многоумному речению. Вот, мол, какое значение придаётся трудолюбиво нашим народом-созидателем, что «для дела» он щедро отмеряет «время», а на «потеху» отпускает всего лишь «час». Но ведь под «часом»-то здесь подразумевается то же самое «время», а не отрезок его в шестьдесят минут. Это очевидно. Мудрый языкотворец изначально вылепил эту фразу «чуть-чуть» по-иному и тем вдохнул в неё абсолютно другой смысл. «Делу время — и потехе час», — отчеканил он, уже самым строем слов подчёркивая, что да, делу необходимо отдавать должное время (читай — внимание, старание, силы телесные), но и о потехе (читай — отдохновении от трудов праведных ради развития сил душевных и духовных, для чего мы вообще живём на этом свете) тоже забывать никак нельзя.

Похожим образом переворачивает смысл единственная изменённая, точнее — опущенная буква в знакомой всем пословице, которая советует «не выносить сор из избы». Странный однако, если трезво подумать, даёт она совет, явно противоречащий здравому рассудку. Почему это не выносить сор? Как раз его надо именно выносить вон, выметать почаще, в соответствии, допустим, с примером, подаваемым в складной народной прибаутке: «По-нашему ведётся — веничком метётся. Весь сор за порог, а веничек под порог». Откуда же тогда сомнительная «сорная» пословица? Думаю, не трудно догадаться, что и в ней до времени, пока чья-то легкомысленная головушка не исказила её, лишив одной буковки «с», всё было «по-нашему», по-разумному: «Не выносите сор из избы». Согласитесь, что это более резонный совет. Ссорьтесь,

бранитесь дома (там же, по другой пословице, трясите грязным бельём), а на миру ведите себя прилично, старайтесь выказывать лучшие черты своих характеров и нравов.

К подобным же пословицам с переиначенным содержанием за счёт одной буквы можно отнести и такую: «На тебе, Боже, что людям негоже» (или «что нам негоже»). Если пошевелить мозгами, тут уже не только бессмыслицей, но и кощунством отдаёт. Притом абсолютно немотивированным. Ну, в самом деле, зачем это поминание всеу имени Божьего при осуждении некоего дарения или даже «впаривания» чего-то ненужного, «негожего» ни себе, ни людям? Явно неуместное и глупое. А мы механически повторяем кем-то не от большого ума запущенный «вариант». Первоисточники же говорят, что прежде имела хождение в народе вполне разумная пословица: «На тебе, убоже, что людям негоже». Она с горькой иронией порицала лукавого дарителя, якобы благотворителя, который просто «сбагривал» убогому (бедному, жалкому, безответному) нечто дешёвое, бросовое в расчёте на то, что одаряемый и тому будет рад.

Ещё больше, чем в народных пословицах, таких смысловых искажений, вольных или невольных, в разных «крылатых словах», «мыслях мудрых людей» и афоризмах, уже называемых выше. Приведу пример «вольного» искажения, моему, достаточно наглядный по нарочитости последнего. Можно даже сказать, политической нарочитости. Ныне с языков наших политиков, имя которым легион, и даже иных церковнослужителей, вовлекаемых в политику, то и дело слетают слова: «Всякая власть от Бога», будто бы сказанные когда-то апостолом Павлом и потому являющиеся непререкаемой истиной, которой положено следовать. То есть все мы с вами, простые смертные, должны покорно принимать любую власть, преданно служить ей и терпеливо переносить все её притеснения и выверты. Однако у любого свободно мыслящего человека, в том числе и верующего, формула эта о чуть ли не священности всякой власти, вызывает понятные сомнения. Да неужели впрямь Господь Бог, само воплощение Правды и Справедливости, мог благословить «всякую» власть? Или хотя бы попустить?

Посещали подобные сомнения и меня, грешного. Пока не встретил я однажды в печати любопытное сообщение, что перевод данных слов апостола Павла, ставших «крылатыми», был искусственно искривлён. И нашёлся у нас смелый и грамотный человек, иеромонах Алексий (Айсин), который дотошно разобрал и вывел, что правильно переведённые слова апостола: «Несть бо власть аще не от Бога» означают: «Не

есть власть, если не от Бога». Иначе говоря, смысл их совершенно противоположный тому, который привычно им придаётся пишущими и говорящими «головами». Одними по неразумению, другими из корыстных, сословных или политических соображений.

А сколько ещё туманных и затуманенных «устойчивых словосочетаний», идиом и афоризмов ждут своих добросовестных толкователей! И в первую очередь их внимание хотелось бы обратить на пословицы. Должен признаться, что иные ставят меня в тупик. Положим, есть такая пословица: «Сухо древо назад не пятится». Что она означает? Почему лишь «сухо древо» не пятится? А «сыро»? И вообще белиберда какая-то. Сдаётся, опять кто-то слова искажил, буквы перепутал... Но скорее дело в моём незнании. Вот недавно вычитал у поэта Станислава Куняева, что по его родной Калужской земле протекает «извилистая речушка с былинным именем Суходрев»... Так это, может, она «назад не пятится»? Тогда бы всё логично...

Впрочем, подожду знатока и подвижника вроде Айсина, либо... Толстого. Да-да, Лев Николаевич не раз восстанавливал смысл выхолощенных пословиц. Некоторые из них я привёл именно в его толковании. Он вообще любил поучительные афористичные выражения. К примеру, печалась о нравственном несовершенстве людей, особенно власть имущих, часто повторял фразу: «Бог живёт во всех людях, да не все люди живут в Боге». То ли заимствованную, то ли свою...

Жаль, теперь у новых поколений пословицы и афоризмы не в особом ходу. Не место им в клипах да эсэмэсах. Включишь радио, ТВ или компьютер — сплошная какофония и гвалт с мутным потоком англицизмов, а что до нашего родного, до русского народного — ни песен, ни басен.

ДУШИ ЖИВАЯ ТАЙНА

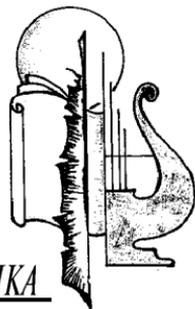
Философия любви в лирике Валерия Хатюшина

Любить — самому в высоту подниматься
Тернистой, узкой тропой,
Любить — это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой.

*Архимандрит Исаакий (Виноградов),
«О любви», 1919 г.*

Всё в этом мире начинается с любви. Самое прекрасное творение, самый удивительный цветок, великое и малое — всё рождается, благодаря благословенной силе любви. И последний миг человеческой жизни на земле заканчивается её вечным молитвенным словом. Русские классики оставили нам немеркнущие лирические шедевры, содержащие уникальный опыт любви. Мы обращаемся к ним и сегодня.

Литература последней четверти XX века начала постепенно увядать, задыхаться в собственном порождённом зле, пессимизме, безысходности. Человек оказался на краю пропасти, в обстановке «пира во время чумы», куда уже были призваны не только избранные, но и все мы. Нас поглотило непонятное время, время высоких и низких страстей, смутное и тревожное, но которое, вопреки происходящему, не может длиться долго. Сегодня идет активный

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

поиск того светлого источника чувств, что позволит дать жизнь новому писательскому слову. Как и в начале двадцатого столетия, поэзия встала на путь эксперимента. Однако всегда наивысшим критерием художественности считалась индивидуальная неповторимость, оригинальность поэтического стиля. С античных времён наиболее ценились произведения исповедального характера, вызывающие катарсис, очищение и исцеление, что невозможно без чувства любви. Это стало особенно остро ощущаться в начале третьего тысячелетия.

Окружающая жизнь мало похожа на стихи, и никто в наши дни не стремится жить по законам поэзии, хотя только ей дано открыть и вернуть человеку себя настоящего. Порой увидев в природе жизнь одного единственного цветка, прикасаешься и к вечной тайне любви. *«Любовь любых чудес превыше, / она тогда лишь глубока, / когда, познав её, услышишь, / как сердце бьётся у цветка...»*, — пишет известный русский поэт Валерий Хатюшин, автор более тридцати книг поэзии и прозы. Передо мной его книга любовной лирики *«Напряжена душевная струна...»* (М., 2018) — итог многолетнего творческого труда, включающий произведения о любви, написанные им в течение пятидесяти лет, — крайне редкое явление, я бы сказала, достаточно смелое, когда собственный непосредственный опыт любви, озвученный в новом сборнике, становится общим поэтическим достоянием. Причём не отдельные стихи, а целая книга, представляющая многогранную историю любви. Случай исключительный. Она создана в пору творческой зрелости поэта и отражает всю напряженность его лирико-философских и художественных исканий, очерчивает его личный путь в русле русской исповедальной традиции.

Не секрет, что талант поэта раскрывается, как правило, в трех главных темах: теме родины, теме матери и теме любви. По своей главной сути — любовь исповедальна, являя миру высший предел откровения, за которым просто меркнет всё остальное. И Валерий Хатюшин представляет на суд читателю подобное откровение — лирическую летопись современности, которую можно назвать книгой вне времени.

«Напряжена душевная струна. / Ты подойдёшь, обычная на вид, / промолвишь слово только — и она, / как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит. / И вновь уйдёшь. Но память красоты / меня к той встрече станет возвращать. / Так блеск давно погаснувшей звезды / нам долго будет в душу проникать...» (1973). Вот она, основная составляющая поэзии — эмоциональная сила невероятно пронзительной лиры, наполненной внутрен-

ней энергетикой стиха! Когда-то Александр Блок сказал о том, что чем сильнее лирический поэт, тем полнее его жизнь, его судьба, которая отображается и в его стихах. Автобиографический момент всегда присутствует в духовном смысле, что подтверждает и книга Валерия Хатюшина. Значительность его поэтического голоса, жизненного и творческого опыта, загадочная магия стиха чаруют от первого произведения и до последнего. Книга открывает всё многообразие любви, меняющейся с годами. Неслучайно в ней прослеживается четкий хронологический порядок. Мы видим драму человеческой судьбы, когда автор проживает заново свою жизнь параллельно с судьбой своего лирического героя. За каждой строкой текста угадывается мастерство зрелого художника слова, весомость его мыслей, сложность и своеобразие его внутреннего мира.

«Ищу тебя на всей земле»

И жизнь души отозвалась
На чудный звук порывом чувства.
Пётр Ершов

Жизнь и любовь — вот что единственно достойно изучения и восхищения. Ибо жизнь, подобно поэзии, музыке, живописи, также создаёт свои шедевры. В творческом багаже Валерия Хатюшина — целый эмоционально-эстетический пласт произведений, исполненных на высоком поэтическом накале. Следует отметить и то, что его лирика характерна определенной упорядоченностью, чёткая хронология лет, наглядно свидетельствующая о разнообразной и переменчивой гамме чувств и душевных оттенков. Так буквально первое стихотворение, которым открывается книга «Напряжена душевная струна...» и которое датировано 1968 годом, когда В. Хатюшин служил в ракетном дивизионе в далёком Красноярском крае, говорит уже о вполне сформировавшемся художнике слова, тонко ощущающем всю невозвратность утраты в любви, ее неизъяснимую печаль. *«Разлуки лёд. Октябрь. Сухие листья / ложатся тихо в мокрые следы. / Я снова перечитываю письма, / что в год ушедший мне писала ты»* — поэт изначально покоряет своей доверительной, предельно откровенной интонацией. *«Когда тебе безмолвие ночное / навевает грусть в слезах напомят окне, / то что-то очень близкое, родное / ещё не раз напомнит обо мне»* — как видим, ничего ненужного, прозрачный лаконизм сравнений, классическая простота формы. Не зная даты написания, можно отнести

данные стихи и к более позднему периоду. Разумеется, не исключено авторское редактирование, но лишь отчасти. Само время, эпоха, само состояние ушедшей любви передано весьма достоверно, зримо и впечатляюще.

Если прибегнуть к опыту выдающихся литераторов прошлого, то лирическое произведение колеблется между тремя и четырьмя четверостишиями. Тот же Белинский напоминал о том, что оно должно быть коротко. Немало подобных стихов и у Валерия Хатюшина, в которых такое счастливо найденное сочетание создаёт органичную цельность и завершённость. *«Плывут, как письма, облака / к тебе во все концы земли, / никем не узнаны пока, / и растворяются вдали. <... > И я в мечтах о том тепле / ищу тебя по всей стране, / ищу тебя на всей земле, / ищу, а ты живёшь во мне»* — вот он неповторимый феномен поэзии, словно найденный в «невыносимой лёгкости бытия», чтобы пронести любовь сквозь все времена и пространства. Однако искусство поэзии тем и отличается от геометрии, что его пропорции отклоняются от абсолютной правильности, будучи почти не различимы. Поэтическая гармония — вещь достаточно хрупкая и неуловимая. Впрочем, необходимо подчеркнуть существенный момент — любое поэтическое произведение В. Хатюшина никоим образом излишне не перегружено ни по форме, ни по содержанию. К примеру, стихи: *«Мне на голову звёзды падают; / для чего — я не знаю сам...»* (1969) несут в себе необыкновенную лирическую ясность, не отягощённую какими-либо условностями. *«Написать ей, наверно, надо бы, / охладев ко вчерашним дням... / А на голову звёзды падают... / Отчего — я не знаю сам»* — нечто непостижимое, когда любовь, как и жизнь, опровергают очевидные истины.

Достаточно упомянуть в этой связи сюжетное произведение «Первые цветы» (1970), где обычная жизненная ситуация, вполне понятная по своему повествованию, высвечивает драматургическую силу лирики В. Хатюшина. *«Без мужа, без детей, немолодая... / Я к ней зашёл в её сутулый дом»* — общими крупными штрихами поэт рисует портрет одинокой женщины, которой впервые дарят цветы. *«Она стояла, глаз не поднимая, / как бы застыв от жгучей немоты... / И я молчал, ещё не понимая, / что в первый раз дарили ей цветы. <... > И виновато, грустно мы простились, / я ей в ответ ни слова не сказал, / но помню я: как будто осветились / её доселе мутные глаза»*. Мне думается, что более пронзительней высказать мысль про женскую боль одиночества, боль неосуществимой любви, её неутолимую жажду нельзя. Тема заявлена в первой строфе, а сама идея, её однозначная суть и сильная

позиция открываются лишь в последней: *«Ей знать не надо этого обмана: / цветы как деньги были — заодно. / И я достал бутылку из кармана, / чтоб вылить в землю красное вино»*. Так или иначе, но обыденное и высокое здесь пересекаются, говоря о философской двойственности мира.

Между тем, очень любопытно смотреть на даты написания тех или иных стихов, соотнося возраст автора с эволюцией его чувств. Поэту — 23 года. Перед нами — произведение «Август», пронизанное мотивами умирания любви, правдой убитых желаний, той обнажённой правдой, что сокрыта, как тонко замечает поэт, «в прохладе чувств, лишённых простоты». Когда любишь, то действительно в отношениях присутствует невероятная обоюдная лёгкость. *«Раскаянье и разочарованье, / а не печаль дождей и увяданья / теперь виной угрюмству моему»* — сложно предположить, касательно самого текста, что его автор так молод. *«Ну что же делать в пору увяданья? / Когда уже не ищем оправданья / упрёкам и холодности своей. / Когда мы сами призрачно чужие, / когда деревья в парке чуть живые / и шум листвы всё тише, всё слабей...»* — мы будто попадаем в символическую атмосферу увяданья природы, созвучной увяданью любовных чувств. Осень — знаковое время в природе, наполненное прозрениями, когда сложно жить вопреки Экклесиасту, когда действительно всё проходит, и ты глубже и глубже постигаешь вечную философию мира и человеческого бытия. И мягко струятся печальные строки стихов поэта и, словно пожелтевшие кленовые листья, медленно падают к ногам ошеломленного читателя. В этом ключе прощальной мелодии расставанья не менее пронзительно звучит и стихотворение «Я хотел позабыть наши дни...» (1971). Можно сказать, лишь одно: так написать о любви, так передать энергетический накал чувств, восходящий к её высшей точке, дано только тому, кто сам по-настоящему любил: *«Я раздавлен тоской, / я измотан, измучен, истерзан, / как в предсмертном бреду, / я кричу: не могу без тебя! <... > Только дай мне одну / даже пусть невозможную встречу! / Я не знал до сих пор, / что так страшно, / так больно люблю»*. Комментарии — бессильны. Ведь любовь — и восхождение, и бездна, из которой можно только вымалывать чьи-то души, делая это по-достоевски жертвенно и человечно.

Гармонией поэтического единства, пушкинским «чувством соразмерности и сообразности» проникнуто произведение «Воспоминания» (1971), состоящее как бы из трёх небольших лирических стихотворений и напоминающее в жанровом плане форму трилистника. *«Ты помнишь тёплый дождь, / тот нежный и безмолвный... <... > Ты помнишь зимний сквер,*

/ торжественно застывший... <...> Ты помнишь ночь огней / томительных и грустных, / как свет в твоих глазах / холодный и печальный... / Я тоже вспомнил всё / теперь, когда так пусто: / ни горестной любви, / ни радости случайной...» — слышатся элегические, приглушённые ноты, и счастье, и несчастье одновременно охватывают душу, наполняя её томительной тоской.

Борис Пастернак когда-то писал о «поэтическом элементе в периодической системе поэзии», подразумевая, что без него не может быть подлинных шедевров. В чем же секрет этого элемента? Его модус не поддаётся чёткому определению, его возможно лишь почувствовать, как ветер, как дождь, как звонкую весеннюю капель, или, как долгую тревожную ночь... Лирическая поэзия — это обращение, звучащее обращение, что сродни заклинанию, молитве. И в лирике В. Хатюшина есть нечто мистическое, усиливающее таинственное ощущение некоторых текстов, как в стихах, которые я бы назвала пророческими: *«Ночь тяжела обидами. / Горечь — как в сердце нож. / Где ты, моя любимая? / Как ты теперь живёшь? / Звёздные тучи по небу — / тени моих потерь. / Помнишь ли ты хоть что-нибудь? / Кто я тебе теперь? / Снова ночами чуткими / в окна твои дышу; / Вновь ты не спишь, ты чувствуешь: / я на тебя гляжу. / Катится голос времени. / Видишь, как ночь светла... / Память безликим демоном / в душу твою вошла. / Нет, не ушло в предание / небо добра и зла: / слышишь моё дыхание, / видишь мои глаза...»* (1971).

За совершенным стилем, за чеканным слогом, навсегда входящем в сердце, когда стихи — сама архитектурная форма, сжатая и предельно завершённая, когда каждая строка, будто вписывается в вечность, угадывается отстранённый взгляд со стороны, дистанционный от всех и вся, — свойство редкое, некий «поэтический элемент», упомянутый Пастернаком, который достаточно часто проявляется в поэзии В. Хатюшина. Собственно, этот феномен прочитывается и в стихотворении «Всё равно» (1972), поражающем, с одной стороны — «убийственной любовью», с другой — трезвым спокойствием. *«Измена. Раскаянье. Всё равно. / Я как никогда спокоен»* — вот она, пушкинская фраза, сказанная устами Онегина, героя его гениального произведения: *«Учитесь властвовать собою...»* — как в зеркале отражённая и в стихотворении В. Хатюшина.

Годы. Времена. События. Автор стремится воспроизвести каждый год десятилетия, восстановить в памяти, как будто хочет увидеть в мельчайших деталях то, что не увидел тогда: слишком близко — изнутри. Хочет обозначить сюжет време-

ни, его краткое историческое мгновение. Мне представляется, что и любовь тоже может стать убедительным свидетельством прошлого. Ушедшая эпоха семидесятых была по-своему героической, эпохой легендарных строек и достижений, колоссального освоения новых территорий России. В людях жила, как писал поэт Николай Майоров, жажда «любой ценой дойти до смысла... найти вещей извечные основы». В унисон с гимном дальних дорог, звучащих у большинства поэтов того поколения, звучит и стихотворение В. Хатюшина «В дороге» (1971), которое рифмуется со стуком прокуренных вагонов, вторившим гитарным аккордам, когда в душу стучалась поэзия великой романтики, поэзия новых и заманчивых дорог. *«Поезда мои, поезда, / уносите меня от дома, / будет Родина мне знакома, / поезда мои, поезда. <...> Уезжаю на край земли, / незнакомку зову туда же, / подобревшие пальцы глажу, / уезжая на край земли».* Эти поезда словно навечно уносили пылкую молодость любви и трудовой задор мужественного поколения сороковых и пятидесятых.

Отчетливо выделяются своим ярко выраженным сюжетом и стихи «На свадьбе» (1973). *«<...> Меня по Северу мотало. / Я строил планы: вот вернусь... / «Прости меня», — она писала, / и лучший друг писал: «Женюсь». / Сжигались чьи-то обещанья, / гремели в сердце поезда, / мне свадьба виделась прощаньем / и с ним, и с нею навсегда».* Автор здесь просто мастерски и классически разрешил жизненную ситуацию. Надо признать, что ему по-пушкински удалось совместить несовместимое: *«И как тут высказать, что горше? / И всё ли выскажешь в словах?.. / В его глазах нашёл я больше, / чем потерял в её глазах»* — вдруг признается он в неожиданно пришедшей мысли-откровении.

Любовная тема в произведениях В. Хатюшина не так проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд. Она требует к себе пристального внимания, недаром и не зря поэт посвятил ей отдельную книгу. И токи, идущие от его напряжённой лирической строки, остро ощутимы, как это было ощутимо практически у всех поэтов XIX века. В творчестве В. Хатюшина прочитывается как диалектика традиций, так и диалектика собственного новаторства. Поэту из всех литературных направлений, вне всякого сомнения, ближе реализм. Словно на одном дыхании создано стихотворение «Надрыв» (1973), всё оправдывающее безраздельно и властно захватывающим чувством любви: *«Люблю красавицу пригубить, / стремленье выпить притая, / меня когда-нибудь погубит / шальная влюбчивость моя. <...> Живу мгновеньем, вспышкой, взрывом / и после — гибну, одинок»* — любовь как

продолжение себя, когда можно и раствориться в блаженстве, но можно испытать и «надрыв души». Наивность молодости, ее неутолимая жажда любить хорошо выражена, к примеру, и в таких противоречивых строках: «*Что делать мне с нелепым сердцем! / Оно не может не любить*», отражающих суть его лирического героя.

Предельный надрыв душа испытывает и в момент угасания, исчезновения любовного чувства. «*Надорванная тишь*» любви ранит больно, почти смертельно, не оставляя былых иллюзий, сжигая за собой пройденные мосты, погружая в состояние холодной пустоты. «...*a на дворе весна...*» — напишет В. Хатюшин, усиливая горечь любовной потери.

Читая книгу поэта, понимаешь, что её нельзя пролистать страницу за страницей. Останавливаешься и обязательно находишь новые стихи, поглощающие все твоё внимание. Поэту — 27 лет. Он состоялся как художник слова. Оглушает своей убедительной и неистовой правдой произведение «Расплата». Веще и мистическое, будто гипнотизирующее всевластным и веским словом: «*Настал сей миг — и мы теперь чужие. / Я вновь стерплю, не плача, не виня... / И эта боль, как многие другие, / рассеется на сердце у меня. / Ты, уходя, не прятала улыбки, / но голос мой тебе навечно дан, / твоя душа страшней не съест пытки, / когда придёт расплата за обман*». Поэт намеренно вводит в пространство текста метафоричные образы, он словно повелевает глаголом, неистово сжигая сердца. И любовь воспринимается как кара, как возмездие, что настигает предавшего её неминуемо: «*Твоя весёлость в слёзы обратится, / и будет жутко, пусто и темно, / когда немая память, словно птица, / прошепестит крылом в твоё окно. / Однажды ночью глухо скрипнут двери, / сон до утра отнимут и покой... / Во тьме блеснут глаза... Ты мне не веришь? / Закрой глаза — они перед тобой...*» (1975).

«По ней одной всю жизнь тоскую»

Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Иван Бунин

Когда человек любит, он проникает в суть мира. Испытав глубинное потрясение чувств, он навсегда уверует в то, что высшая истина — любовь. Как безоговорочно уверует и в то, что «Бог — есть Любовь» (1 Ин. 4; 8). Большинство своих произведений поэт традиционно посвящают материнской любви. Но В. Хатюшин показал и силу чувства отцовства,

прочно соединив эти оба чувства в стихотворении «Единство»: *«Отцовское чувство безмолвно / и этим весомо вдвойне. / Смотрю на рождённого, словно / он бился под сердцем во мне. <...> Два сердца тоскующих ждали / мгновенья, чтоб слиться в одно — / в живое, как праздник, единство, / в серьёзное наше житьё. /... Из боли её материнства / исходит отцовство моё»* — и, разумеется, вызывают особое доверие столь возвышенные строки, подкреплённые осознанным чувством отцовской любви. Их автору — 27 лет.

Белинский, характеризуя лирическое произведение, говорил о том, что оно как будто «лишено всякого содержания», ведь для него важен «мир внутренний», потому что «содержание непереводаемо на человеческое слово». Для поэзии В. Хатюшина свойственна пронзительная эмоциональность «тихой лирики». Совершенно потрясающе в этом плане стихотворение «Моя любовь» (1977). Мне представляется, что поэзия любви — извечная тайна, которую автор и пытается разгадать. Любовь-фантом — некий магический женский образ, далёкий и манящий: *«По ней одной всю жизнь тоскую, / среди женщин всех её одну / не обниму, не поцелую, / не оттолкну, не обману. <...> Ко мне волшебный дух нисходит, / всю ночь в окне звезда горит, / когда она меня находит, / когда со мной заговорит... / Как будто вечности сиянье / сойдёт в ночной голубизне, / как будто голос мирозданья / судьбу нашептывает мне. <...> Я ей до святости послушен, / хоть стынет горечь на устах... / Когда она глядит мне в душу, / я вижу боль в её глазах. / Я за неё на этом свете, / уже наученный добру, / всем существом своим в ответе, / она умрёт — и я умру».*

Всего лишь литературная параллель, в очередной раз подтверждающая высокую художественную планку поэзии Валерия Хатюшина, — это стихотворение «Среди миров» поэта Серебряного века Иннокентия Анненского, которое удивительно отозвалось сквозь столетия, в чём-то перекликаясь со стихами нашего современника: *«Среди миров, в мерцании светил / Одной Звезды я повторяю имя... / Не потому, чтоб я Ее любил, / А потому, что я томлюсь с другими. / И если мне сомненье тяжело, / Я у Ней одной ищу ответа, / Не потому, что от Ней светло, / А потому, что с Ней не надо света».*

Именно высота невысказанных чувств, избранных автором, высота, непостижимая как мир, трагизм, разрешающийся нравственным просветлением, приобщает лирические произведения В. Хатюшина к лучшим поэтическим созданиям отечественной поэзии от Пушкина до Тютчева, Фета, Анненского, Бунина. Буквально рядом, на следующей странице книги, находим и другие стихи, метафорически воплоща-

ющие яркие классические образы-символы: «...*Не погубить себя во зле, / и не убить, и не украсть, / пройти свободно по земле — / и чтоб ни разу не упасть. / Чтоб, не споткнувшись, пронести / такое чудо, как любовь, / когда на всём твоём пути / цветы и кровь, цветы и кровь...*» (1978).

Пересечения в литературе неизбежны. Разве не поэзией дышали лирические строки и в одном из лучших мировых романов о любви Кнута Гамсуна «Виктория», в котором он поэтически писал: «Что такое любовь? Это шелест ветра в розовых кустах, нет — пламя, рдеющее в крови <...> И любовь стала источником всего земного и владычицей всего земного, но на всём её пути — цветы и кровь, цветы и кровь».

Не будем забывать и того, что одна из основных функций литературы — гедонистическая, вызывающая тонкое чувство прекрасного и сулящая наслаждение от текста. И тайну творчества надо искать в любви. Ведь любовь сродни творчеству. «Пишу — значит люблю», — повторял М. Пришвин. «Любовь — это что же такое?» — задаётся закономерным вопросом и лирический герой В. Хатюшина. «Спроси у рябины, спроси у воды, / что в речке блестит на рассвете, / спроси ты у первой вечерней звезды, / а больше никто не ответит...» — любовь полна недосказанности, которую никоим образом в рациональных категориях не выразить. Между тем, лира поэта с каждым годом, с каждой новой строкой становится всё более эмоциональней и пронзительней. Благодаря максимальной краткости и выразительности, когда словно врезаются в душу заострённые и сверкающие слова, вселяющие горько-радостное чувство, В. Хатюшину удаётся достичь неповторимого художественно-лирического эффекта. Сегодня, как правило, большая удача, если удаётся выбрать какие-то отдельные стихи тех или иных авторов, тогда как в книге В. Хатюшина, почти всё видится существенным и важным. Останавливаешься и перехватывает дыхание, будто находишь себя самого, свою жизнь. Щемящая искренность, душевная чистота и гармония — картина совершенная и целостная от начала и до конца предстаёт в произведении «Ночь» (1979): «Она шептала мне о вечном, / я пил любовь с её лица, / блуждали мы по тропам Млечным, / которым не было конца. <...> Летели мы во тьме крошечной, / казался мир чужим уже, / и было тихо и безгрешно, / и так спокойно на душе...»

Очарование этих стихов непередаваемо. Любовь — олицетворение вечного, не подвластного течению времени. И мы видим бренность земного в бесконечной перспективе Вечности, когда соединяются поэзия и любовь, становясь единственным способом преодоления смерти.

Лирический ореол, эмоциональный всплеск чувств, растворяющийся в музыке, этой трепетной душе мира, приносит в поэзию В. Хатюшина и высокую мелодичную ноту, хранящую память и боль давно забытых чувств. *«И зазвучит под струнами тугими / такая грусть в бездонной тишине, / что ощутишь ты пальцами своими / живую боль в натянутой струне...»* — струятся энергетически напряжённые строки романса, всплывающие в душе, *«как песня, как виденье»* прошлого, как *«всё, что прошло когда-то сквозь тебя»*.

Вот что писал в своей книге «Когда настанет день прозренья. Лирика В. Хатюшина» критик и прозаик Евгений Ованесян: «Есть в «Уединенном» В. Розанова одна краткая запись, которая, пожалуй, стоит многих литературоведческих томов: «Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...» У каждого истинного поэта эта невольная музыка возникает, наверное, в самом раннем детстве — и потом сопровождает его всю жизнь, связывая с корнями и не давая взять фальшивую ноту».

Впрочем, наряду с постоянно звучащей музыкой в душе, характерна поэту и философская сосредоточенность; и металлический холодок одиночества нет-нет да и вкрапливается в его тексты. Беспощадная правда страдания и предательства — достаточно сложная и неоднозначная тема в любви. *«Солгать в глаза — не стоит ни гроша. / Скользит мы начинаем слишком рано / по правде, как по лезвию ножа, / над пропастью сладчайшего обмана»* — печальная наука, о которой тонко сказано автором и которую мы тоже постигаем, вопреки истинной философии чувств. *«Моя любовь — она печальна, / а ваша слишком весела»* — вот она, квинтэссенция отношений, противоречивых и двойственных. Подобный парадокс он выразил и в этих строках: *«О женщина! Сильны её причуды. / Таинственна, как ночь, ясна, как день, / она подобна тени нашей всюду / и всё ж неуловима, словно тень»* (1982), магически притягательных своей восточной мудростью.

«Судьба нас всех по кругу гонит»

Нужно отметить, что лирико-философский, нравственный поиск в произведениях автора тесно взаимосвязан с многогранной темой любви. В. Хатюшин — поэт, остро ощущающий переломный характер своего времени. Хронология дат — один из существенных моментов книги «Напряжена душевная струна...» Год 1986-й — новое литературное время, перестроечное во всём. Затем 90-е — лихие или «свободные». Од-

нако время календарное и литературное не всегда совпадают, что мы и видим в его лирике. 40 лет — определенный жизненный рубеж. Более остро и зримо обозначается тема одиночества, разрыва и прозрения. «Печальная внутренняя музыка слов», которую отмечал критик Е. Ованесян, явно слышится в стихах поэта: *«В любви невиноватых нет. / С тобой мы оба в ней повинны. <...> Связала нас одна вина, / что мы несём друг перед другом, / и на двоих беда одна / на души нам легла недугом»* (1987). Аналогично в этой неизбежной печали утраты и стихотворение «Уход» (1988), больно ранившее разрывом, последним прощальным словом расставания. Но уходит ли навсегда любовь, если когда-то появившись, где-то остаётся её «заветный исток», остаётся до скончания мира: *«Я знаю — приду я туда, / где блещет ночная вода, / в которой звезда, как цветок... / Там сделал я первый глоток»*.

Судя по всему, память любви требует мужества и благородной высоты чувств, даже в момент полной душевной пустоты, в роковой момент горького прозрения. *«Чужие мы с тобой, чужие, / уже давно чужие мы. / Глаза бесстрастно-ледяные / погасли в сумерках зимы»* (1989) — чеканный слог щемяще-холодных слов будто рассекает сердце на две половины и невозможно уже ничего изменить. Былое счастье невозвратно. И для лирической поэзии В. Хатюшина свойственно трагедийное восприятие жизни. «Трагическая лира», по словам самого поэта, проходит через всё его творчество. Так было у многих русских классиков, к примеру, и у того же Ф.И. Тютчева. Предельно конкретно и ясно, излив всю боль ушедшей любви, В. Хатюшин высказался в откровенных и прямых стихах: *«Мы всё с тобой уже сказали / в проклятье этих горьких чувств... / И в мире нет такой печали, / что не касалась наших уст. / Чем удивим ещё друг друга? / Какою новой прямою? / И вряд ли вздрогнем от испуга / за той последнею чертой, / когда, в глаза взглянув угрюмо, / уйдём безропотно во тьму, / где — ни обидных слов, ни шума / и жизнь не в тягость никому...»* (1990).

Яростное бореие противостоящих сил происходит не только в окружающем мире, но и в человеческой душе. Проникновенная искренность, точность в передаче интимных переживаний придают его поэзии неповторимую ауру разнообразных чувственных оттенков. *«Не надо признаваться мне в любви, / не нужно обжигать огнём соблазна, / в моей тоской отравленной крови / горчайший ток пульсирует бесстрастно»* (1995), — и «бежит отравленная кровь», струится по нервным жилам, как когда-то у героини стихов Н. Гумилёва. За види-

мой простотой и лёгкостью многих произведений В. Хатюшина, о чём говорят критики, кроется глубокая и напряжённая работа души, неизмеримо большая ответственность поэта за изречённое слово. Непередаваемая боль любви, окazyвается, может быть выражена в лаконично сжатых фразах, словно непроизвольно, невзначай брошенных автором: «*Мне, видно, задано судьбой — / влюбившись, разочароваться*», и там же: «*О том, что счастья нет в любви, / скажу лишь я один, быть может*».

От стихотворения к стихотворению перед нами всё четче вырисовывается портрет зрелого и опытного мастера словесности, умудрённого жизнью. И, что бы в жизни ни происходило, важно остаться человеком, сохранив в себе лучшие качества. «*Если отвергают доброту, / это значит — отвергают Бога. / Я к тебе с раскаяньем приду, / попрошу прощенья у порога*» — любовь неизмерима в своём всепрощении и в своей жертвенной доброте. Болезнь нашего века — эгоистическое одиночество. Мир пропитан вселенским одиночеством. В настоящей любви, в которой есть Бог, нет эгоцентричной сосредоточенной самости. Пропать одиночества, оставляющая «горький пепел» в душе, когда любовь давно прошла, открывается в стихотворении «Посвящение» (2001): «*Но еще до сих пор не остыло / и трепещет, стуча у виска, / всё, что было меж нами, что было, — и любовь, и печаль, и тоска...*»

Любовная лирика не может существовать без лирики пейзажной, наполненной волшебной мелодией природы. И эта редкая музыкальность входит в поэзию Валерия Хатюшина легко и естественно, создавая головокружительное состояние любви, вмещающее в себя целый мир. «*Ты позвонила, чтоб сказать «люблю», / увы, не мне сказала — февралю, / просторам снежным, звёздам, небесам... / В иной удел не верил я и сам. / Прости, давно обвенчан я с зимой, / она живёт и день, и ночь со мной. / И снег, и ледяные небеса / давно в мои просыпались глаза*» (2002). Казалось бы, сиюминутная ситуация, красивая и мимолётная, но ей дано стать в стихах поэта именно тем прекрасным мгновением, что хочется длить и длить, возвращаясь к нему всю жизнь. Подобное состояние сравнимо с тем «чудесным стеснением в сердце», с тем «всепроникающим присутствием поэзии», что рождены подлинным искусством, о чём восторженно и романтично писал К. Паустовский.

Несмотря на то, что в современной литературе много публицистичности, в ней достаточно широко представлена есенинская линия. Однако несравненный лиризм удивительного русского поэта, интимность его песни нынче под силу

не каждому. Не прошёл мимо такой волнующей темы и В. Хатюшин, словно послав проникновенному песнопевцу Руси некий своеобразный привет, взяв к своим стихам эпиграф С. Есенина: «Голубая кофта, синие глаза...» Песенная напевность этих стихов покоряет, входя в душу ритмичной и отточенной строкой: «Пасмурное небо, / тёмная вода. / Я к тебе приеду, / может, навсегда. / Золотые нивы, / синие дожди. / Ты меня увидишь — скажешь: уходи!» — и бесшабашная есенинская удаль здесь вовсе не отголосок чужой мелодии, а его собственный голос, не затерявшийся среди тысячи иных поэтических голосов.

Поэт не может творить, не обладая духовной и художественной интуицией. В стихотворных произведениях Валерия Хатюшина чувствуется сосредоточенная пристальность и трезвая реальность прозы, где главный критерий таланта — правдивость. Ему часто удается воплотить в одном произведении и непостижимую философскую сущность любви, и противоречивую сущность мира, в котором мы все соединены и в то же время так далеки друг от друга, каждый блуждая в своём одиночестве. Юрий Трифонов считал, что в литературе важен не только «запах, звук и цвет» времени, но прежде всего важен тщательный и подробный самоанализ. И для Валерия Хатюшина необходимо уловить, почувствовать невидимые пограничные грани любовных ощущений:

*Судьба нас всех по кругу гонит.
И в этой спешке — все сгорим.
Влетаем под землёй вагоне
глаза в глаза — вдвоём стоим.
Мы под землёй летим по кругу.
Под свист и шум. Куда? Зачем?
Без слов глядим в глаза друг другу,
нигде не связаны ничем.
Летит вагон. Чужие люди,
уйдя в себя, не вспомнят нас.
Никто на свете знать не будет,
что видел я лишь только раз
её глаза... На остановке
я через круг сойду во тьму,
с чужим плечом столкнусь неловко,
став безответным ко всему.
Среди толпящихся, галдящих
мы не расстанемся никак.
Сжигает всех, во тьму сходящих,
летающий свет, свистящий мрак.*

*Ждём неизбежную разлуку
мы, отражённые в стекле.
И всё ещё летит по кругу
небесный взгляд в подземной мгле...*
(2010)

Поражает своей многомерностью сквозной для лирики образ поезда, летящего вагона — метафора вечного движения — абсолютно точно найденный поэтический элемент. В результате мы видим потрясающие по мастерству стихи, гениально интерпретированные в философском ключе. Некая медитация, взгляд на мир изнутри. Здесь важнее контекст, чем оголённая семантика слов. Ведь лирика — непрерывный эксперимент над собой, заставляющий совершать внутренний самоанализ. Известный поэт Анатолий Аврутин в очерке «Рыцарь русского образа», посвящённом творчеству В. Хатюшина, тонко уловил в данных стихах «любовную озабоченность», присущую «исключительно мудреющим с возрастом», будучи «убеждён, что перед нами ещё неоценённый толком современниками шедевр, который по силе звучания, философской глубине и пронзительности чувств можно смело включать в сокровищницу русской словесности».

И, безусловно, особо выделяются среди философско-любовной лирики В. Хатюшина — стихи о любви к России, затрагивающие неоднозначную природу человека, связанную с рефлексией времени, ставящего его пред личным выбором и личной ответственностью. По словам критика Е. Ованесяна, В. Хатюшина всегда отличала «безраздельная любовь к Отечеству». Приведем выдержку из его книги «Когда настанет день прозренья. Лира В. Хатюшина»: «Десятилетие назад, в предчувствии роковых для Отечества последствий перестрочной смуты, Валерий Хатюшин, опираясь на заветы русской классики, определил сущность и назначение поэта в годину суровых испытаний, несомненно соотнося это суждение с духовными истоками и смыслом собственной литературной деятельности: «Сейчас, когда страна в беде, когда она нуждается в защите и в добром умном слове, ей нужен поэт-подвижник, поэт-патриот, пришедший от самой земли русской и вскормленный ее горькими соками». Конечно же, такая позиция не рождается по заказу или вдруг, в ее основе — глубинное, выстраданное чувство ответственности за всё происходящее на родной земле. Лирик по преимуществу, В. Хатюшин выдвинул на первый план гражданственную поэзию и неразрывно связанную с ней патриотическую публицистику, которые явили собой взаимопроникающие

ипостаси его творчества, бросающие отблеск и на лирические произведения».

Да, любовь поэта к Родине чиста и возвышенна, она не на показ, она давно живёт в измученной душе, преданной своей единственной земле, словно любимой женщине, словно вечно тоскующей по сыну матери: *«Любовь несчастная моя... / Другой не будет. / В сетях земного бытия / кто нас рассудит? <...> Моя несчастная любовь... / Любовь к России»* (2010) — в двух последних строках излита всепоглощающая любовь, составляющая смысл его жизни, судьбы и творчества.

«Остывшая любовь осенних хризантем...»

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!
Фёдор Тютчев

Безысходность, трагичность жизни и любви особенно остро ощущается с годами. Иосиф Бродский на этот счёт замечал, что «в настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор». Нечто подобное происходит и в произведениях Валерия Хатюшина, где гибнет не его лирический герой, а гибнет сама любовь. Сковывает сердце томительно долгое одиночество, до боли пронзительное, когда давно ушла молодость: *«Остыло сердце, и уже не верится, / что груз годов окажется химерой, / что впереди ещё тебе отмерится / любовной муки самой полной мерой»*. Последняя строфа этого стихотворения отчётливо напоминает мудрые восточные рубаи: *«В морозной дымке полуночной лунности / судьбе за всё останься благодарен. / Коль не сберёг свою любовь ты в юности, — / не будешь ею в старости одарен»* (2008).

Выбирая путь реализма и следуя его элементарным критериям, В. Хатюшин выбирает, прежде всего, путь утончённого художника слова, глубокого и вдумчивого. Он сочетает в себе талант поэта и живописца, перу которого принадлежит яркая лирическая пейзажная поэтика. Так и хочется порой обмакнуть кисточку в прозрачные краски и писать, писать поэтическую картину, исходящую бесконечной нежностью: *«Опадает сирень, исчезает... / И вернулись на миг холода. / Майский день, словно жизнь, угасает, / погружаясь во мглу навсегда. <...> И такую почувствую нежность / в невесомой, в горячей руке!.. / Всех остывших ночей безутешность / просквозит по шершавой щеке»* (2012). А в романсовых стихах: *«Осыпался жасмин и лето поседело, / умолкли соловьи, пошёл*

на убыль день... / Опавший иван-цвет застыл осиротело, / и шепчет о былом угасшая сирень» (2012) сквозит минорная музыка тютчевских строк, навеянных печалью осеннего увядания, но всё же оставляющих надежду на последнюю любовь.

В любви как главной составляющей нашей жизни так же существует философская проблема выбора и проблема свободы. Вероятно, именно это и определяет ту опасную черту, когда поздно что-либо менять. «Последняя любовь — души живая тайна, / сокрытая от всех, безмолвна и грустна. / Я помню этот день. Мы встретились случайно, / когда в дождях цвела московская весна. <...> Уж столько лет прошло. Безмерная разлука / хранит тепло любви в своих мечтах и снах... / И пишет мне она с тоской: «Какая мука...» / Я отвечаю ей: «До встречи в небесах» (2017) — трепетная и неуловимая нежность и одновременно какая-то неизбежная тревога волнуют душу в этом произведении, которое так и называется «Последняя любовь». Не исключено, что похожие моменты были в судьбе каждого из нас, потому они так понятны и близки.

Впрочем, интересно вернуться и в 1984 год. Поэту — 36 лет. Уже тогда он пишет обнажённые строки, лишённые каких-либо иллюзий: «Печальна поздняя любовь. / Мы в ней с тобой неравноправны. / Готовит муку плод отравный... / Но ты судьбе не прекословь» (1984). Что это — предчувствие? И всё явственнее проступает мотив, как бы определяющий итог душевных исканий: «Любви счастливой не бывает...» И неотступно звучит мотив воспоминаний, ведущий нас к своим первородным истокам: «Моих любимых голоса / зовут меня из дальней дали. <...> И матери я вижу взгляд / в моём зеркальном отраженье...»

Не оставляет никого равнодушным ещё один шедевр Валерия Хатюшина: «Нас тоже на свете любили... / Два царских подарка мне были. / Два имени связаны с ними, / душою навечно хранимы. <...> Две шумно зовущих стихи / в сердечной моей ностальгии. / Как два неизбежных свиданья, / как два неразрывных названья... / Балтийское море — Татьяна / и Чёрное море — Оксана» (2013) — смелая исповедь души, чистая и возвышенная, как непреходящая память любви, где каждые две лаконичные строки пронзают насквозь, будучи навсегда вписаны в бесконечную Книгу Любви, которую пишет каждый, живущий на этой земле. Поэт предельно открыт и откровенен перед читателем, искренне посвящая его в тайны собственной души. И абсолютно прав, эта исповедальность дорогого стоит. Она в полной мере оценена поклонниками его поэзии.

Любовь — единственное оправдание наших нескончаемых потерь и утрат. В ней одной — вера, надежда, в ней — подлинный смысл человеческой жизни. Основная и самая большая цель всех поэтов — разгадать божественный замысел тайны о человеке, постигнуть вечные проблемы бытия, смерти и бессмертия, любви и творчества. Для Валерия Хатюшина всегда был и остаётся важным философский план, когда за простой формы поэтического произведения стоит глубокий эмоциональный и интеллектуальный подтекст. В его стихах отнюдь неслучайно присутствует это есенинское нежное, дарующее душевное просветление: *«Одинокое облако в небе ночном, / одинокая рядом звезда... / Не жалеть ни о чём, не грустить ни о ком / я, увы, не умел никогда. <...> Но как прежде, как прежде, грустят обо мне / уходящие вдаль поезда / и белёсое облако в тёмном окне, / и манящая эта звезда...»* (2016)

Сквозь толщу лет и множество созданных образов и тем, преодолевая усталость души, разочарование и боль, беря свое начало в двадцатом столетии, рождённая лирическая поэзия Валерия Хатюшина, пропущенная через кропотливую детализацию времени, — поэзия XXI века, вобравшая в себя самое лучшее, сокровенное и заветное, старое и новое, вобравшая прошлое и настоящее, бесстрашно глядящее в глаза грядущей эпохе. И мы слышим его зрелый голос, умудрённый жизнью, свободный и пронзительный, лирический голос, наполненный любовью ко всему земному, голос настоящего русского поэта.

Всё будет повторяться в неизменном круговороте мироздания, вновь и вновь возвращая нас к трепетно быющемуся *«сердцу цветка»*, излучающему любовь:

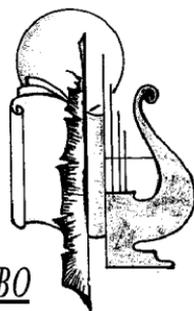
*Цветёт жасмин, и облетает цвет...
Изменчив мир в движении планет.
Текут столетья, и бежит река.
Жизнь коротка и вечна у цветка.
Всё повторится в волнах новизны,
Моим вискам добавив белизны...*

г. Минск

ЮБИЛЕЙ НАСТОЯЩЕГО МАСТЕРА

Скульптору, народному художнику РФ Н.А. Селиванову 90 лет

14 сентября прошлого года в Центральном доме литераторов чествовали скульптора, народного художника РФ Николая Александровича Селиванова. Ему исполнилось 90 лет, и он лично принимал поздравления и пожелания успехов в творчестве, так как и сегодня продолжает работать и создавать свои замечательные работы. В актовом зале ЦДЛ собрались художники, писатели, поэты, кинематографисты, ученые атомщики, общественные деятели. Все они пришли сказать Николаю Александровичу слова огромной признательности за его многогранную деятельность, так как за свой 70-летний творческий путь он создал обширную галерею скульптурных работ, посвященных нашим выдающимся соотечественникам: поэты Сергей Есенин и Александр Блок, ученые, проложившие путь в космос Константин Эдуардович Циолковский и Сергей Павлович Королев, писатели Василий Макарович Шукшин и Юрий Васильевич Бондарев, Герои Советского Союза адмирал флота Николай Кузнецов и капитан подводной лодки Александр Маринеску, ученые атомщики Игорь Васильевич Курчатов и Ефим Павлович Славский, и ещё целый ряд его многочисленных работ были отлиты из бронзы или вы-

ИСКУССТВО

полнены из мрамора и гранита и установлены в виде памятников в различных городах нашей страны или находятся в многочисленных музеях. Николай Александрович, несмотря на свой преклонный возраст, продолжает трудиться и создавать портреты людей, чья жизнь была посвящена процветанию нашей Отчизны.

Когда и где начал свой трудовой путь Николай Александрович? Откуда в простой крестьянской семье в сельском мальчишке проявился талант художника-скульптора? Обо всем этом мы вместе с ним вспоминаем, как всё начиналось, вспоминаем его родителей, родное село Хранево, которое находится недалеко от районного центра Лотошино Московской области. Говорим и о Николае Устиновиче Лапшине, его дяде, известном художнике-графике, который и приобщил его к рисованию.

— *Чем занимались ваши деды и родители? С кого начались художники в вашей семье?*

— Первый профессиональный художник в семье — Николай Устинович Лапшин, а деды — и дед Устин Лапшин, и дед Иван Селиванов, и отец Александр Иванович Селиванов были плотниками, столярами и имели свои плотницкие артели, и все их сыновья работали вместе с ними. А отец наш был не только хорошим плотником, но и занимался резьбой и мастерил замечательные наличники и привил мне любовь к дереву.

— *Каким образом Николай Устинович повлиял на то, что вы стали художником?*

— В детстве в Храневе я большую часть времени проводил в доме деда Устина, который своему сыну Николаю Лапшину не только дал хорошее образование, но, учитывая его большие способности к рисованию, поддержал его желание учиться в Москве, куда его как способного ученика направили во ВХУТЕМАС, после окончания которого Николай Устинович работал в Москве художественным редактором. Каждые весну и лето он приезжал в Хранево на этюды — иногда один, иногда с друзьями и всегда брал меня с собой. Давал мне цветные карандаши, и я в небольшом альбомчике рисовал пейзажи. Если у меня хорошо получалось, то дядя давал мне яичко или конфетку. Так он меня постепенно и приобщил к рисованию. Он меня очень рано и на балалайке играть научил.

— *Потом семья после пожара, когда в 1938 году сгорел дом в деревне, переехала в Подмосковье, в Бирюлево. Как проходили ваши школьные годы, пригодились уроки рисования?*

— В 1940 году я поступил в бирюлевскую школу №5 и был главным художником школьной стенгазеты. Я все заметки оформлял рисунками. А потом, позже, уже во время войны, когда родилась сестренка, стал из глины лепить ей разных собачек и куколок. Так что где-то я ей обязан, что стал скульптором. Кроме того, вместе с моим другом Жоркой Казакевичем для наших детских игр мы лепили из глины разных солдатиков, обжигали

их в печи и раскрашивали. А потом я стал интересоваться лепкой более серьезно и даже вылепил и обжег копию памятника Петру Первому «Медный всадник» Этьена Фальконе, что стоит в Петербурге. Сделал и много других работ, которые выставлялись на выставке творчества школьников.

— *Война, отсутствие игрушек, вероятно, помогли найти занятие, которое потом вылилось в профессию?*

— Да, это, конечно, сыграло значительную роль в моем увлечении скульптурой. Потом я однажды увидел в журнале «Огонек» фотографию скульптора М.Г. Манизера с сыновьями, как они делают памятник из глины в мастерской. Я эту фотографию запомнил на всю жизнь, так мне захотелось побывать в этой мастерской. Если бы мне тогда сказали, что моя мечта сбудется, я бы ни за что не поверил. Когда Николай Устинович узнал о моем увлечении скульптурой, то подарил мне альбомы с работами великих мастеров Коненкова и Родена. Эти книги и были моими первыми пособиями по скульптуре.

После окончания семилетней школы меня приняли в Московское городское художественное училище, но кандидатом, без стипендии. Это потому, что все ребята были из художественной школы при этом училище, а я один — с улицы. И я год, как ошалелый, с утра до ночи работал и лишь на последнем поезде уезжал в Бирюлево. На следующий год меня уже зачислили со стипендией, но я все равно продолжал так же работать с утра и до позднего вечера. Со мной вместе стали оставаться и другие ребята. Мы работали помногу, рисовали, копировали, лепили. Моя дипломная работа «Нахимовец» была признана лучшей и отправлена на Республиканскую выставку, которая проводилась в 1952 году в Доме художника на Кузнецком мосту, и на этой выставке я занял первое место. Этот год я и считаю началом своей творческой деятельности.

— *Уже в студенческие годы в училище вы познакомились с поэзией Сергея Есенина, хотя он в те годы был запрещен. Как это произошло, кто вас с ней познакомил?*

— Однажды наш однокурсник еще на втором курсе Гена Епишин стал читать стихи Есенина. До этого я даже не слышал имени Есенина и был потрясен его поэзией. На Генку «стукнули» директору училища, и его чуть не исключили из комсомола за то, что он пропагандирует поэта — «пьяницу и дебошира, который писал упаднические стихи». К счастью обошлось. Я бросился к дяде Коле: «Дядя, стихи Есенина есть?» «Есть, конечно». Я прочитал — и всё! Он вошел в мою душу навсегда. Я читал его стихи бесконечное количество раз. Потом, когда я уже учился в Суриковском институте, перед дипломом в 1957 году, наш учитель М.Г. Манизер предложил сделать композицию в натуральную величину, я хотел делать только Есенина.

— *Какая реакция была у окружающих? Ведь только в 1956 году Есенина «разрешили» и стали печатать и выдавать его произведения в библиотеках?*

— Когда работа была закончена, Манизер остался очень доволен, а в институте ко мне просто паломничество началось: все ходили смотреть на Сергея Есенина. Успех был огромный. Приезжал даже поэт Сергей Городецкий, знавший Есенина много лет. Был и писатель Иван Рахилло, который лично знал поэта. Смотрели, обсуждали. Приезжал Свищев-Паоло — знаменитый фотограф, который при жизни снимал Есенина, и он подарил мне фотографию Есенина со своим автографом. На просмотре работы мне выставили высшую оценку в институте, которую редко ставили студентам: «Похвала Совета», и работу оставили для фонда института. На других экзаменах меня только и спрашивали об одном, как я создавал образ Сергея Есенина. Летом 1957 года мою работу выставили в Парке Горького во время VI Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве. А на юбилейной выставке произведений художников Московской области 1957 года, посвященной сорокалетию Октября, мне за эту работу был присужден диплом первой степени. Позднее, в 1972 году, беломраморная фигура поэта демонстрировалась на выставке в Манеже, ее приобрели казаки и увезли на Кубань, где когда-то бывал Есенин.

Работая над образом поэта, я перечитал всё, что мог, об этом удивительном человеке и понял, что недоброжелатели умышленно занижают его роль в литературе и порочат его имя. Я делал поэта русского, настоящего, не только страдающего, но жизнерадостного, озорного и весёлого, а не дебошира и пьяницу, каким нам его пытались показать. Вот с того времени, уже более 60 лет, я работаю над образом Есенина. Уже сделано несколько десятков его скульптурных портретов, в которых я стремлюсь отобразить его очарование и простоту, естественность и гармонию, красоту внутреннюю и внешнюю, и настроение то радостное, то печальное и чтобы всё воплотилось в одном портрете. Не так-то просто создать образ великого сына России.

— *Почему вы постоянно возвращаетесь к теме Есенина?*

— Есенина я люблю как русский человек, как крестьянский сын. С 1948 года я ношу Есенина в себе. Первого Есенина я сделал в 1957 году, и с тех пор над образом Есенина работаю постоянно. Он был очень трогательный и очень чистый. Свою жизнь он закончил в 30 лет. А публиковался с 1915 по 1925 год. За 10 творческих лет столько написать выдающихся произведений мог только необыкновенный человек.

— *У вас, вероятно, и архив большой по Есенину?*

— Да, много его фотографий, есть и прижизненные портреты. Много фотографий и его друзей. Я читал воспоминания всех его друзей и постепенно пришел к выводу, что он не мог покончить с собой, как нам много лет навязывали. Все великие русские поэты: Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Рубцов и многие другие кончили жизнь не по своей воле. И Есенина, конечно, тоже убили, а потом сказали, что он повесился. Если

посмотреть посмертную маску, а она у меня есть, и подарил мне ее Н.В. Томский, то по ней видно, что у него травма на лбу. Глубокая вмятина, и видно, что ее перед тем, как сделать маску, замазали пластилином. Должно быть, эта вмятина была или от удара пистолетом или канделябром, который лежал на столе. Под глазом у него был синяк. Да и причин для самоубийства у него не было. Он приехал в Ленинград полный всяких планов. Многие исследователи уверены в этом.

— *Но ведь надо было делать и дипломную работу. Что вы выбрали для нее, какую композицию?*

— Я решил сделать рабочего-строителя Магнитки в стиле наших иконописных образов. У нас в иконописи изображали Николая — святого, держащего в руках храм. А я сделал молодого строителя-энтузиаста: здоровый такой детина, босиком и с киркой в одной руке, а в другой он держит макет домны, которую строит. Очень интересная работа была, и ее взяли на выставку, посвященную 40-летию комсомола. Она стояла в центре Манежа, и о ней написали в газетах. Я был очень горд, что мои первые работы были замечены.

— *Вы, молодой, начинающий и талантливый скульптор, окончили институт и что было дальше?*

— После окончания института меня приняли в Союз художников, и я стал постоянно участвовать в различных выставках. Пошли заказы. Что-то стали покупать с выставок. Одновременно со мной в Союз художников влилось несколько выпускников Суриковского института, и мы стали задавать там тон.

В 1960 году Союз художников РСФСР организовал выставку «Советская Россия», где наши работы занимали целый зал, работы, которые мы сделали в Электростали. Целый зал! Об этом много писали. Чтобы выставку сделать интересной и разнообразной, нам, художникам, предложили поехать по колхозам и предприятиям. И вот тогда мы организовались: Аникеев — живописец и три скульптора — Рыбкин, Егоров и я. Нам предложили поехать на Электростальский завод тяжелого машиностроения. Мы походили по цехам и поразились, как много там работало интересных людей. Особенно мне понравился один рабочий — кузнец Овчаренко. У него было удивительно выразительное лицо. Мы сразу — в цех, где он работал, принесли свои материалы — глину, мольберты и начали энергично лепить и рисовать. Нас пытались отговорить: бригада, мол, слабая, не всегда выполняет план. Но нам они были интересны другим, и мы продолжали работать. Проходит день, другой — и вдруг «молния» в заводской газете: эта бригада перевыполнила план в три раза! Нас приехали снимать с телевидения. Везде писали, как мы готовимся к этой выставке и что своей работой мы стали примером и для рабочих, отчего они перевыполняют план. Шуму было много, везде печатали наши фотографии. Я сделал сталева в кепке. Выставком решил, что все электро-

стальские работы должны находиться в одном зале, а в центре должна стоять одна большая трехметровая работа «Сталевар», которую мы сделали с Сашей Рыбкиным. На стенах были развешаны живопись и графика. Успех был большой.

— *Над чем вы еще работали в те 60-е годы?*

— Я сделал много работ на колхозную тему: «Молодая колхозница» (песчаник), «Женщина с ребенком» (дерево), Плотник (дерево) и «Портрет телятницы» (гранит), который я рубил целое лето. Затем начал работать над портретами известных в нашей стране людей. Первым был портрет известного вулканолога Евгения Константиновича Мархина, не единожды выходившего к кратерам извергающихся вулканов. Следующим — портрет известного детского врача академика Вячеслава Александровича Таболина, большого любителя поэзии Есенина, что сдружило нас на многие годы. Я уговорил его попозировать и сделал еще один портрет в мраморе, а другой отлил в бронзе. Обе работы купило Министерство культуры. Бюст в мраморе был отправлен в город Владимир, в котором Таболин родился.

— *Но в эти годы вы уже получали заказы и на большие работы, на памятники. Какие работы особенно запомнились?*

— Конечно, «Монумент Победы» для города Глазова в Удмуртской АССР, который был установлен в центре города. Это был 18-тиметровый обелиск и трехфигурная композиция: солдат в плащ-палатке, женщина-крестьянка со снопом и мальчишка со снарядом. На снаряде написано: «по Берлину!». Из гранита были сделаны кубы, на которых были выполнены шесть барельефных портретов — Героев Советского Союза из Удмуртии. Я приезжал на открытие этого монумента. Праздник был по всему городу с демонстрацией и оркестром, а вечером был грандиозный салют.

В 1967 году я выполнил памятник героям-подпольщикам Мелитополя, который был создан к 50-летию СССР и установлен около исполкома города. А для Ульяновской области в 1969 году сделал памятник командиру Первой конной армии Гаю, расстрелянному в 1937 году. В начале 1970 года мне заказали памятник К.Э. Циолковскому, который был установлен на Раменском ракетном заводе. И много других работ выполнял в эти годы, которые после выставок приобретались для различных музеев.

— *В начале 80-х годов вы создали потрясающую серию портретов — создателей атомного ледокола «Ленин», которую вам заказало Мурманское морское пароходство. В связи с какими событиями поступил этот заказ?*

— Мне предложили выполнить серию из 16 портретов — создателей и эксплуатационников первого в мире атомного ледокола «Ленин», 25-летие которого отмечалось в 1984 году. С удовольствием вспоминаю это время и тех героев-моряков, с которыми мне приходилось общаться. Удивительные люди и герои

настоящие. В Мурманске даже собирались поставить памятник создателям атомного ледокола и подбирали место для его установки, но вдруг вышло постановление правительства о запрете установки всех памятников, которые должны были делать в стране, и пришлось заключать договор только на изготовление 16 бюстов. В Мурманске на юбилейной конференции была открыта выставка. Вот список некоторых работ, представленных на ней: И.В. Курчатов, А.П. Александров, П.А. Пономарев, Б.М. Соколов, Н.С. Хлопкин, И.И. Африкантов и другие. Я присутствовал на этой конференции и с большим вниманием слушал выступления ее участников. Затем эту выставку показали в Москве в Музее морского флота, и открывал ее А.П. Александров — Президент АН СССР. Я рад, что портрет А.П. Александрова у меня поучился самым лучшим, и после его смерти на территории Курчатовского института был установлен ему памятник, который я сделал в бронзе.

— *Выполнив эту серию, вы продолжили делать портреты известных деятелей нашей страны: Келдыш, Королев, Курчатов, Доллежал, Славский, Блохинцев. Бронзовый бюст Доллежала установлен в институте, который носит его имя. Бюст Е.П. Славского, 30 лет руководившего атомной отраслью, стоит в одном из институтов Санкт-Петербурга, памятник академику Блохинцеву в Дубне и т.д. Они все были выполнены из бронзы или вы использовали и другие материалы?*

— Не только из бронзы. Я сделал композицию «Соратники» — С.П. Королев, М.В. Келдыш, И.В. Курчатов из стеклопластика, затонировав ее под бронзу, а по заказу Министерства культуры портрет С.П. Королева был выполнен еще и из ковanej меди. В то время такие эксперименты поощрялись и выполненные работы приобретались для музеев.

— *Я знаю, что вы откликались и на все события, происходящие в стране. И у вас есть замечательная серия портретов, посвященная участникам ликвидации последствий катастрофы в Чернобыле. Вы лауреат премии «Чернобыльская Звезда». Это была инициативная работа или вы ее делали по заказу?*

— Вначале мне руководство одной общественной организации заказало пять портретов чернобыльцев для музея, и я с удовольствием взялся выполнять этот заказ. Знакомство с этими отважными и героическими людьми еще раз убедило меня, насколько они мужественные люди и патриоты нашей страны. Затем последовали еще заказы на выполнение портретов чернобыльцев, и выполнено было 19 бюстов, в том числе и дважды лауреата Государственной премии Ю.Ф. Юрченко, академика В.А. Легасова, лауреата премии Ленинского комсомола Л.Л. Бочарова, писателя и строителя А.И. Калачева, поэта Владимира Степанова и других. А по просьбе вдовы В.А. Легасова М.М. Легасовой мною было сделано надгробие на могилу ученого в виде скорбящей женщины в натуральную величину, установленное на

Новодевичьем кладбище на могиле ученого. Через некоторое время по просьбе школы, где учился В.А. Легасов, я сделал партию небольших настольных бронзовых бюстов ученого для вручения отличившимся школьникам. В ближайшее время планируется открытие Центра чернобыльцев в Москве, в котором все выполненные мною портреты будут выставлены.

— *У вас есть два замечательных портрета А.И. Маринеско и Н.Г. Кузнецова. В связи с какими событиями вы решили их сделать?*

— Приближалось 300-летие Российского флота. Разумеется, к такой дате обязательно должна была состояться художественная выставка, и я решил сделать бюсты нескольких выдающихся людей, сыгравших значительную роль в борьбе с фашистами. Известно, что наши Вооруженные силы накануне нападения Германии на Советский Союз не были готовы к войне. Единственным исключением был флот. А командующий флотом был молодой адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Он понимал военную ситуацию, не сомневался в нападении Германии на СССР и подготовил флот к войне. В первые часы войны именно Военно-морской флот организованно и без паники встретил врага и дал ему отпор. Это исторический факт. Я понял, насколько велик и значителен этот выдающийся адмирал и что я должен сделать его портрет. Был еще один герой войны — А.И. Маринеско — командир подводной лодки, потопившей на Балтике корабль, на котором находился весь «цвет» подводников немецкой армии. Гитлер объявил его личным врагом. Я сделал эти две работы в гипсе и затонировал их под бронзу.

Сделал я и бюст ученика академика А.Н. Крылова, кораблестроителя Владимира Ивановича Юркевича, по проекту которого во Франции был построен известный корабль «Нормандия», выигравший «Голубую ленту Атлантики». Раньше этот приз завоевывала в основном Англия, но здесь получила Франция, и помог его завоевать русский эмигрант, бежавший из России во время Октябрьской революции. И четвертым бюстом, подготовленным к этому значительному событию, был портрет Акселя Ивановича Берга, первого командира подводной лодки еще в царской России. Он очень много сделал для нашей страны, стал академиком и адмиралом флота. Вот эти четыре портрета я и предполагал представить на выставке, посвященной 300-летию Российского флота, но она не состоялась. В середине 1990-х годов в нашей стране было не до выставок, времена были тяжелые.

— *В эти же годы вы делаете замечательный памятник Василию Макаровичу Шукшину. И тоже по собственной инициативе?*

— Я очень люблю его рассказы и всегда с огромным удовольствием смотрел его фильмы, поэтому, когда Министерство культуры предложило мне сделать памятник Василию Макаровичу для села Сростки, где он родился, окончил школу, в которой

был директором, я с большим энтузиазмом принялся за эту работу. Вначале я сделал его из стеклопластика, свозил на Алтай, там его оценили, а потом уже он был выполнен из бронзы и установлен возле этой школы. Но позже памятник перенесли вовнутрь школы, где было безопасно от грабителей. А стеклопластиковый вариант памятника остался в Москве, и посетители моей мастерской всегда отзывались о нем с восхищением, чему я был очень рад.

— *В 1995 году страна отмечала 100 лет со дня рождения Сергея Есенина. Я знаю, что еще задолго до этого события вы начали готовиться к знаменательной дате и поставили перед собой задачу — сделать портрет Есенина таким, каким вы его представляете после многих лет изучения его жизни и творчества, а также портреты друзей поэта, окружавших его при жизни. Что удалось вам сделать?*

— Готовиться к 100-летию Есенина я начал задолго до юбилея. Я лепил один портрет Есенина, другой, отливал в бронзе, собирал материал о поэте. Мне захотелось сделать Есенина таким, каким я себе его представлял. Ему присущи все черты русского человека: доброта, совесть, широта, озорство. Он был и печальный, и веселый — всякий был. Я встречался с его друзьями, которые рассказывали о нем, и я понял, что имя великого сына России унижалось специально. Десятилетиями враги России формировали у народа ложный образ поэта. А он был настоящим русским — и добрым, и доверчивым. Я сделал портрет Есенина в мраморе, стараясь изобразить «своего» поэта. Потом я подумал, что надо сделать и тех людей, которые были вокруг него и так или иначе влияли на его творчество.

Начал с портрета Николая Клюева, который был и учитель, и друг, и единомышленник Есенина. Выковал его из меди. Затем я сделал портрет поэта Сергея Городецкого, который помог Есенину в начале его творчества и познакомил его с Клюевым. Выполнил я портреты Мариенгофа и Шершеневича — друзей поэта. Следующий был портрет Алексея Ганина — одного из самых верных друзей Есенина, с которым он познакомился еще до революции в санитарном поезде, где Ганин был фельдшером, а Есенин служил в этом поезде. Конечно, я сделал портреты и его любимых женщин: Анны Романовны Изрядновой — первой, гражданской жены Есенина, которая родила ему сына. Портрет ее я сделал в мраморе. Этой работой заинтересовался Сергей Никоненко, который открыл Есенинский культурный центр и приобрел его для этого центра. В этом Центре сейчас стоят шесть моих работ, посвященных Есенину, в том числе и его сын Юра и Николай Клюев, а также и портрет Сергея Никоненко. Для есенинской серии я выполнил портреты Зинаиды Райх, Айседоры Дункан и, конечно, Августы Миклашевской, которой он посвятил несколько стихотворений. Вот, например, это:

*...Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным...*

Затем были выполнены портреты поэтов Николая Приблудного, Сергея Клычкова, Петра Орешина и, конечно, писателя и следователя Эдуарда Хлысталова, который много лет занимался расследованием гибели Сергея Есенина, отмывая чистое имя поэта от грязи и лжи недругов. Вот так я сделал 22 портрета, в том числе и 4 портрета Есенина в мраморе, бронзе, в стеклопластике и в гипсе. В Рязани была проведена Республиканская выставка в честь 100-летия Сергея Есенина, на которой была представлена и моя серия работ «Есенин и его окружение». Эта есенинская серия затем была показана и на выставке в Москве в зале Центрального дома Советской армии. Над серией портретов «Есенин и его окружение» я продолжал работать и в последующие годы, а когда была выставка в Рязани, посвященная 110 годовщине со дня его рождения, то здесь уже было представлено более сорока работ.

— *Параллельно, работая над образом Есенина, вы выполнили портрет еще одного замечательного поэта с трагической судьбой — Павла Васильева, расстрелянного в 1937 году. Что вас привлекло в нем?*

— Однажды ко мне приехала директор Павлодарского музея Павла Васильева Лидия Григорьевна Бунева и стала читать стихи Васильева. Я был потрясен. Это поэтический уровень Пушкина, Некрасова, Есенина.

*Мне нравятся деревья в статъ,
Июльских листьев злая пена.
Весь мир в них тонет по колено.
В них нашу молодость и статъ
Мы узнавали постепенно...*

У него был великолепный поэтический дар и он очень выделялся на фоне поэтов того времени. Друзья Есенина, оставшиеся в живых, пытались его беречь, особенно он был дружен с Клычковым. Но не уберегли. Я кроме его портрета сделал фигурку, где он стоит с чемоданом. Он всегда был в поездках и всегда с чемоданом, в котором возил свои рукописи. Бюст, выполненный из мрамора, я подарил в год России в Казахстане президенту республики Н.А. Назарбаеву, а он уже передал его в Павлодарский музей Павла Васильева. Его творческий путь был таким же коротким, как и у Есенина — 10 лет. В 2015 году в Москве на доме, где жил Павел Васильев, была установлена выполненная мною памятная доска с барельефом Павла Васильева — на улице 4-я Тверская Ямская.

— *Вначале двухтысячных годов на Кузнецком мосту у вас проходила выставка в связи с пятидесятилетием вашей творческой деятельности, где в числе ваших работ было представлено много портретов современных писателей и поэтов: поэтессы Натальи Кирилловны Сидориной, писателей Валентина Васильевича Сорокина, поэта Владимира Тимофеевича Фомичева, журналиста Германа Владимировича Смирнова и других. Как создавалась эта серия?*

— В создании этой серии мне очень помог писатель Арсений Васильевич Ларионов. Мне были заказаны портреты многих современных писателей для издательства «Советский писатель», директором которого он был многие годы. Были выполнены портреты знаменитых писателей: Михаила Шолохова, Героя Сталинградской битвы писателя Юрия Бондырева, поэтов Валерия Хатюшина, Вячеслава Орлова, Героя Советского Союза генерала Армии Валентина Варенникова, певицы, народной артистки Александры Стрельченко и многих других наших замечательных деятелей культуры и искусства, с которыми меня познакомил Ларионов и которые были частыми гостями моей мастерской. Сделал я и портрет Арсения Васильевича Ларионова. В 2005 году за серию литературных портретов, в год 100-летия со дня рождения Шолохова мне было присвоено звание лауреата Международной литературной премии имени Шолохова. А в Гуманитарном университете имени Шолохова прошла выставка моих литературных портретов, где было представлено более двадцати работ.

— *Сегодня, когда практически нет государственных заказов на выполнение портретов наших знаменитых современников, как вы работаете?*

— Как правило, заказы поступают уже только от частных лиц или отдельных организаций. Для Политехнического музея я выполнил портреты ученых Сергея Ивановича Вавилова и Владимира Алексеевича Кириллина, по заказу Курчатовского института — памятник академику А.П. Александрову, по заказу администрации города Мытищи сделан бюст поэта Дмитрия Кедрина, установленный рядом с библиотекой, носящей его имя. В Пушкино установлен памятник Владимиру Маяковскому, который я выполнил совместно с моим сыном скульптором Василием Селивановым. Многие работы я выполняю и по собственной инициативе, которые затем приобретаются отдельными организациям или выставляются на персональных выставках, но проводить эти выставки становится все труднее. Некоторые работы я делаю и в мраморе, как, например, бюст Ю.В. Бондарева, который был выполнен к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

— *Ваш сын Василий Селиванов уже известный скульптор, автор таких значительных памятников, как Римскому-Корсакову, Святославу, Ивану Грозному, Л.Н. Толстому и многих других. Некоторые работы вы делаете вместе с ним, например памятник*

русскому вице-адмиралу Василию Михайловичу Головину, установленный в 2009 году на далеких океанийских островах в столице Республики Вануату — городе Порт Вилла. Как это случилось, что вы стали исполнителями такого интересного заказа?

— О, это удивительная история! Наш русский соотечественник Николай Миштушкин — потомок терского казака, родившийся во Франции, стал самым известным русским художником Австралии, в Тихоокеанском регионе, как один из создателей герба Республики Вануату. Он более 40 лет жил в Австралии и мечтал о возрождении связей России и Океании. К 200-летию первой встречи русских с жителями острова Тана, куда в 1809 году приплыл корабль «Диана» под командованием вице-адмирала В.М. Головина, Миштушкин организовал фонд «Миштушкин—А. Пилиоко», по заказу которого и было поручено изготовить памятник знаменитому мореплавателю. При этом ими было принято решение, что этот памятник должны выполнять только русские скульпторы. К нам приехала целая делегация из Австралии, и мы с Василием выполнили этот заказ. Памятник был открыт 28 июля 2009 года в городе Порт Вила на острове Эфате в Республике Вануату. Замечательное было событие, на открытие летал Василий и привез оттуда массу впечатлений, при этом за месяц пребывания на островах он сделал большое количество живописных портретов наших соотечественников и местных жителей.

— Уже многие годы вы выполняете небольшие настольные бюсты знаменитых соотечественников из фарфора. С чем это связано?

— Сначала я начал делать настольные портреты Сергея Есенина по собственной инициативе, потом продолжил по просьбе друзей, а затем стали поступать заказы и от отдельных организаций. Так, за несколько лет было выполнено 25 настольных бюстов из неглазированного фарфора. В их число вошли четыре разных портрета Сергея Есенина и портрет Дмитрия Кедрина для награждения лауреатов литературных премий их имени, портреты писателей Шолохова, Распутина, Бондарева, Шукшина, Белова, ученых Кириллина, Славского, Легасова, поэтов Павла Васильева, Валерия Хатюшина, артистов Стрельченко, Т.Петровой. Для Лотошинской библиотеки имени Николая Тряпкина по их просьбе я сделал настольный бюст поэта. Затем — портреты композиторов Гладкова, Гаврилина и Свиридова. Одна из последних работ — композиция «Сергей Есенин» для награждения лауреатов литературной премии «О Русь, взмахни крылами!» И еще много других. В этом направлении я и сейчас продолжаю трудиться — работаю над образом нашего замечательного певца Дмитрия Хворостовского, так рано ушедшего из жизни.

— В связи с 90-летием на вашей родине в Лотошине в Краеведческом музее проходила выставка ваших работ. Расскажите об этом.

— У меня уже давно установилась связь с моими земляками. Я периодически передавал в дар Краеведческому музею многие свои работы. Это портреты поэта Николая Тряпкина, первого председателя колхоза в селе Храново Ивана Арсентьевича Морозова и другие. В 2003 году мне было присвоено звание «Почетный житель Лотошинского района». В прошлом году, в год моего 90-летия и к 90-летию города Лотошино, я подарил своим землякам более 80 скульптурных работ. Мои выставки были устроены в Краеведческом музее и в художественной галерее в Микулино. Эти работы будут там находиться в постоянной экспозиции, благодаря которым посетители музея и галереи смогут ознакомиться с портретами наших знаменитых соотечественников.

В день своего 90-летия Николай Александрович получил поздравления от президента В.В. Путина и премьер-министра Д.А. Медведева. И тем не менее решением Союза художников Москвы от 31 мая 2019 года народный художник России был лишён мастерской. Ведь она находилась в центре Москвы, и, естественно, допустить такое наши очень «либеральные» власти ну никак не могли... Кто-то очень влиятельный положил на нее глаз... Выдающийся русский скульптор со всеми своими работами, находившимися в мастерской, вынужден был выселяться в никуда! И это несмотря на юбилейный год! Коллекция его работ раздроблена и хранится в разных местах... И неудивительно, что от Союза художников на творческом вечере, посвященном юбилею Н.А. Селиванова, не было никого. Вот так, в реальности, центральные и «культурные» власти ценят работу национальных русских художников.

Николай Александрович Селиванов продолжает работать... дома.